

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

УЧЕНЫЕ

ЗАПИСКИ

юридического факультета

выпуск 2

Санкт-Петербург 2021

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

юридического факультета

Выпуск 2

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2021

ББК 67
У91

Председатель редакционной коллегии
ректор СПбГЭУ д-р экон. наук, профессор **И. А. Максимцев**

Редакционная коллегия:

Бернацкий Г. Г., д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права СПбГЭУ;

Новиков А. Б., д-р юрид. наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного и административного права СПбГЭУ;

Рогачевский А. Л., д-р юрид. наук, профессор кафедры гражданского и корпоративного права СПбГЭУ;

Тюнин В. И., д-р юрид. наук, профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса СПбГЭУ;

Фомин А. А., д-р юрид. наук, профессор кафедры конституционного и административного права СПбГЭУ.

Главный редактор

Крайнова Н. А., канд. юрид. наук, декан юридического факультета СПбГЭУ

Ответственный секретарь

Назаров А. П., советник государственной гражданской службы Ленинградской области 2 класса

Первый выпуск журнала «Ученые записки» Института права Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов вышел в 1999 г. до 2004 г. было опубликовано 10 выпусков журнала. В июне 2004 г. журнал зарегистрирован как средство массовой информации под названием «Ученые записки юридического факультета». В журнале печатаются работы, посвященные теоретическим исследованиям в различных отраслях права и анализу юридической практики.

ББК 67

Подписной индекс по каталогу агентства «Роспечать» — 46705.

Учредитель издания — федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный экономический университет».

Свидетельство о регистрации средства массовой информации — ПИ № ФС77-57278

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Н.И. Лопашенко</i>	5
<i>Н.А. Крайнова</i> . Право и экономика в постковидной реальности.....	6
<i>И.Н. Галичевский</i>	8
Письмо Уполномоченного по правам человека в Санкт-Петербурге.....	10
<i>С.А. Карелина</i> . Мораторий на банкротство: проблемы правового регулирования.....	11
<i>Коробеев А.И.</i> Беспилотные транспортные средства на путях, дорогах России: проблемы уголовной ответственности.....	15
<i>Р.Н. Ключко</i> . Общественно опасное информационное деяние как форма объективизации преступного поведения.....	19
<i>О.К. Кремлёва</i> . Правовой режим цифровых финансовых активов и цифровой валюты по действующему российскому законодательству.....	23
<i>А.Б. Новиков, А.П. Назаров</i> . Снижение административного давления на бизнес. Баланс интересов.....	27
<i>Н.А. Крайнова, Н.В. Родошнова, В.В. Крайнов</i> . Специфика отражения факультативных признаков состава преступления в песенном творчестве осужденных.....	31
<i>А.Б. Иванюженко</i> . Регуляция пенсионных правоотношений в России в условиях эмоционально-неустойчивого общества: от «Года чемпионата мира по футболу — 2018» к «Году ковидофобии — 2020».....	36
<i>О.В. Шаров</i> . Дублирующий механизм увеличения вознаграждения арбитражного управляющего в деле о банкротстве. Проблема статуса арбитражного управляющего как особой формы предпринимательской деятельности.....	42
<i>Н.Н. Бочарова</i> . Место и роль налога на профессиональный доход в национальной системе налогообложения Российской Федерации.....	46
<i>В.Р. Белоусова</i> . Проблематика процедуры медиации с участием налогового органа.....	50
<i>И.В. Фролов</i> . Пандемия и построение релевантных правовых моделей несостоятельности должников в условиях экстраординарных ситуаций чрезвычайного характера.....	53
<i>Т.Н. Родионова</i> . Представители экономической мысли о влиянии права на экономическое развитие.....	56
<i>В.П. Елизаров</i> . К вопросу о соотношении правовых норм и организационных стимулов: на примере определения размера избирательного фонда.....	62
<i>Н.А. Кулушева, В.В. Петров</i> . Антимонопольное законодательство и органы, осуществляющие публичные полномочия. Краткий анализ применения антимонопольного законодательства. Социализация государства.....	66
<i>Е.М. Андреева</i> . Понятие и признаки научных грантов.....	73

CONTENTS

<i>N.I. Lopashenko</i>	5
<i>N.A. Kraynova</i> . Law and economics in the postcovid reality	6
<i>I.N. Galichevskiy</i>	8
Letter from the Commissioner for Human Rights in St. Petersburg.	10
<i>S.A. Karelina</i> . Characteristics and current problems of the implementation of the mechanism of deceased person's bankruptcy procedure	11
<i>A.I. Korobeev</i> . Unmanned vehicles on the roads of Russia: problems of criminal liability	15
<i>R.N. Klyuchko</i> . Public dangerous information action as a criminal action	19
<i>O.G. Kremleva</i> . Digital financial assets and digital currency legal regime according the current Russian legislation.	23
<i>A.B. Novikov, A.P. Nazarov</i> . Reducing administrative pressure for business. Balance of interests.	27
<i>N.A. Kraynova, N.V. Radoshnova, V.V. Kraynov</i> . Optional elements of the corpus delicti in Russian folklore	31
<i>A.B. Ivanujenko</i> . Regulation of pension legal relations in russia in conditions of emotionally unstable society: from «fifa world cup — 2018» to «kovidofobiyas year — 2020»	36
<i>O.V. Sharov</i> . A duplicate mechanism for increasing the remuneration of an insolvency practitioner in a bankruptcy case. The problem of the status of an insolvency administrator as a special form of entrepreneurial activity	42
<i>N.N. Bocharova</i> . The place and role of the professional income tax in the national tax system of the russian federation.	46
<i>V.R. Belousova</i> . Problems of mediation with the participation of the tax authority	50
<i>I.V. Frolov</i> . Pandemy and construction of relevant legal models of insolvenance of debtors under conditions extraordinary emergency situations	53
<i>T.N. Rodionova</i> . Representatives of economic thought on the impact of the right on economic development	56
<i>V.P. Elizarov</i> . Legal norms and organizational incentives: on the evidence of electoral fundraising	62
<i>N.A. Kulusheva, V.V. Petrov</i> . Antimonopoly legislation and bodies exercising public authority. Brief analysis of the application of antitrust legislation. Socialization of the state	66
<i>E.M. Andreeva</i> . Concept and elements of scientific grants	73

Лауреат Национальной премии по литературе в области права, Заслуженный юрист РФ,
Доктор юридических наук, профессор, профессор Саратовской государственной юридической академии

Лопашенко Наталья Александровна

Добрый день, уважаемые коллеги!

Рада приветствовать спикеров и участников IV Международной научно-практической Конференции **«Право и современная экономика: новые вызовы и перспективы в условиях пандемии»** (организована Санкт-Петербургским государственным экономическим университетом).

Больше года назад обычный порядок жизни человечества полностью перевернулся, оказалось, что существование человечества и человека наделено тем качеством, о котором давно (во всяком случае, в области права) никто не задумывался, — чрезвычайной хрупкостью и уязвимостью. Пришла новая реальность, которая спустя год обрела характеристику новой нормальности (мы привыкли). Даже самое плохое всегда влечет за собой уроки и после их осмысления дает новые возможности. Пандемия не стала исключением.

В полной степени свою беспомощность, растерянность и безобразную организацию на первых пандемических порах продемонстрировала медицина, при этом — повсеместно, по всему миру. Зато потом в целом ряде регионов (не везде, к великому сожалению) необходимые уроки она извлекла.

Замерло на первых порах образование, — всякое, и стало искать новые формы и методы обучения учащихся и студентов. Путем проб и ошибок они были найдены, не всегда с полноценной заменой реального, очного обучения, к сожалению, и с выгоранием педагогов всех школ, потому что нагрузка на нас увеличилась в разы, кардинально. И далеко не все педагоги сумели приспособиться, увы.

Сильнее всего пандемия ударила, конечно, по экономике. Многие традиционные бизнесы не выжили, не смогли приспособиться, найти свое место в новых условиях. Колоссальные убытки, по понятным причинам, понесли такие отрасли хозяйства, как транспорт, туризм, инвестиции, ресторанный и другой подобный бизнес.

Но. Везде появилось много нового, интересного и перспективного. Семимильными шагами движутся бизнесы, процессы, предприятия и пр., связанные с высокими технологиями. Показали свою успешность новые формы традиционных бизнесов — например, мало кто сейчас не пользуется еще год назад далеко не привычной и не столь распространенной доставкой продуктов и других товаров. Появились гораздо более широкие варианты для профессионального общения, чему пример и эта конференция.

Как ни странно, почти не изменилась ни структура, ни основные данные по регистрации преступности в ушедшем пандемическом году (имею в виду только данные по группам преступлений, наверное, по отдельным они менялись, но тут нужен дополнительный анализ). Выросли — и это ожидаемо — только компьютерные преступления (с 2.883 в 19 г. до 4.498 в 20 г.).

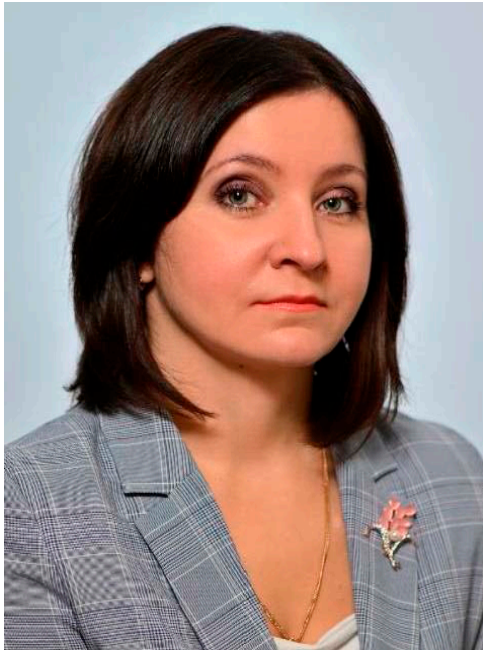
К сожалению, по-прежнему плотно и с прежним качеством «работал» над уголовным законом законодатель: было принято 14 федеральных законов, изменяющих УК.

Таким образом, определенно настало время для обсуждения всех этих перемен для того, чтобы понять, с чем идти дальше. Поэтому настоящая конференция как нельзя кстати. Удачной работы, коллеги!

Декан Юридического факультета
Санкт-Петербургского государственного
экономического университета,
кандидат юридических наук, доцент

Крайнова Надежда Александровна

ПРАВО И ЭКОНОМИКА В ПОСТКОВИДНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Международная научно-практическая Конференция «Право и современная экономика», проведенная Юридическим факультетом Санкт-Петербургского государственного экономического университета 8 апреля 2021 года, прочно укрепилась в числе знаковых для научной среды мероприятий. Ежегодно конференция собирает на одной площадке ведущих ученых, состоявшихся практиков, представителей бизнеса и всех интересующихся проблемами права с тем, чтобы обсудить актуальные вопросы, выработать оптимальные подходы к решению возникающих проблем, поделиться опытом и просто пообщаться, что в условиях постковидной реальности приобретает особый смысл.

В контексте актуальной мировой повестки темой конференции в этот раз было заявлено обсуждение новых вызовов и перспектив в условиях пандемии, прежде всего, влияние пандемических ограничений на сферу экономических отношений. Значимость и глобальность обостренных пандемией вопросов обусловили важность международного диалога. В пандемийной реальности особое значение имеют сотрудничество и взаимодействие, основанное на понимании общности целей и взаимных интересов.

Пандемия Covid-19 повлияла на все сферы общественных отношений. Где-то это влияние было негативным, нейтральным, а в чем-то даже стимулировало дальнейшее развитие. Во многом мы жили в условиях форс-мажора, но сейчас мы все понимаем, что мир столкнулся с необходимостью жить в этой новой реальности: нам необходимо общение, нам нужен обмен опытом, чтобы идти дальше.

Подводя итоги конференции, хочется выразить огромную благодарность всем ее участникам. Прежде всего, спикерам пленарного заседания: ведущим экспертам в области различных отраслей права и экономики из России, Германии, Италии и Испании: Антинуччи Марио профессор Школы Юридических профессий ун-та Ла Сапиенца (Рим, Италия), Аверченко Николай, старший вице-президент по правовым и административным вопросам фонда «Сколково» (Москва, Россия), Коробеев Александр, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Юридической школы ДВФУ, заслуженный деятель науки Российской Федерации, д.ю.н., профессор (г. Владивосток, Россия), Гарсия Эдуардо, управляющий директор Soriano Group & Family Office, профессор ун-та Сан Пабло, Vatel Business School (Мадрид, Испания), Хвоцинский Александр, соучредитель и партнер консалтинговой компании «Лигал СтратЭйдженси» (Берлин, Германия), Белов Сергей, декан Юридического факультета СПбГУ, заведующий кафедрой конституционного права СПбГУ, (Санкт-Петербург, Россия), Ермоленко Александр, партнер ЮФ ФБК Legal, заведующий кафедрой практической юриспруденции МГЮА, (Москва, Россия), Штайнингер Андреас, профессор университета г. Висмара (Hochschule Wismar) (Висмар, Германия), Василькова Светлана, директор научно-исследовательского центра сравнительного правоведения и стратегических инициатив развития национального топливно-энергетического комплекса СПбГЭУ, Арбитр Третейского Суда ПАО «Газпром», доцент кафедры предпринимательского и энергетического права СПбГЭУ (Санкт-Петербург, Россия, Калугина Яна, заместитель декана факультета экономики и финансов СПбГЭУ, старший преподаватель кафедры банков, финансовых рынков и страхования (Санкт-Петербург, Россия), Габриелла Марчеля, президент SIRIUS GLOBAL — Academic Diplomacy 4.0 и International Medical Community (IMC) (Рим, Италия), Лауреат Национальной премии по литературе

в области права, Заслуженный юрист РФ, д.ю.н., проф., профессор Саратовской государственной юридической академии Наталья Лопашенко, научный

Отдельные слова благодарности в адрес партнеров Конференции: Юридической фирме GRATA International SPb, ПМЮФ и LF Academy, Международной компании SIRIUS GLOBAL — Academic Diplomacy 4.0, School for Law Professions Sapienza University of Rome, Ассоциации выпускников СПбГЭУ.

Пандемия еще не закончилась, но мы уже получили первые уроки, выработали алгоритмы взаимодействия и, что мне кажется особенно важным, не утратили жажду научного познания, стремление к поиску и желание общаться. Всем здоровья, профессиональных достижений, успехов!

Игорь Николаевич Галичевский

Меня зовут Игорь Галичевский, я действующий арбитражный управляющий и руководитель юридической компании «Онегин-Консалтинг». В первую очередь хочу поприветствовать всех вас, дорогие друзья, в чьих руках оказался этот журнал.

Для многих из нас 2020 год оказался временем вызовов, испытаний и проверок на прочность. Эпидемиологическая ситуация в стране и сложности во внутренней экономике, по сей день продолжают вносить корректировки в нашу с вами повседневную жизнь, учебу и работу. Про пандемию и ее негативные последствия уже было много сказано до меня. Шумиха и споры не утихают на всех уровнях, в том числе идут бурные обсуждения произошедшего во многих властных и социальных институтах. Но, безусловно, не бывает худа без добра.

За сравнительно небольшое время мы увидели перестроение многих сфер бизнеса, а также привычных укладов в пользу цифровизации, в том числе наращивания онлайн-активности в сети Интернет. Стало вполне обыденным делом проводить важные деловые встречи, конференции

и совещания посредством Zoom или Skype. Раньше и представить было сложно, что живое общение в офисе с бизнес-партнерами будет сведено к удаленным видеозвонкам. А что уж говорить про стационарные рабочие места — существенная часть компаний просто стали их сокращать, так как поняли, что сотрудник может вполне эффективно работать, находясь дома на «удаленке».

Некоторые крупные организации стали отказываться от так называемых «фронт-офисов» за их ненужностью, оставляя только «бэк-офисы». Что это значит? Произошел процесс, при котором юридические лица осознали, что арендовать дорогие презентабельные и фешенебельные помещения в центре города, которые ранее использовались для встреч с клиентами, проведения переговоров и подписания контрактов, больше не нужно. Теперь достаточно иметь только площади, которые необходимы для производственного цикла. И этому всему есть два логических объяснения: в непростое время не стоит раскидываться деньгами, а практика удаленных онлайн-встреч показала себя вполне рабочим инструментом.

Что касается самих работников, а не их работодателей, то немалая их часть стала покидать постоянное место жительства и направилась в города с более подходящим климатом. Теперь, когда для многих из них стала возможна работа на расстоянии, процент миграции внутри страны стал рекордным за последнее десятилетие. Среди лидеров — Сочи, Крым и Краснодарский край. Удобно выполнять трудовую функцию, когда у тебя почти круглый год лето за окном, а твое рабочее место там, где просто есть Интернет.

Пандемия поспособствовала и внутреннему туризму. На фоне закрытых границ и резко подорожавших перелетов за рубеж, наш соотечественник стал предпочитать отдых на родной земле. Красоты Кавказа, просторы Байкала, природа Алтая, пейзажи Камчатки и многое другое стали излюбленными местами для русского человека. А, вместе с тем, средства, которые тратятся, способствуют развитию инфраструктуры на местах. Конечно, до идеала и стандартов Европы нам где-то еще далеко, но уверенные шаги в этом направлении уже делаются.

Нельзя обойти стороной и правовую часть вопроса. Законодательство в IT-сфере, предпринимательском, гражданском и уголовном праве за последнее время претерпевает серьезные изменения, как попытка ответа на новые вызовы, которые нам подкидывает сложившаяся ситуация. К сожалению, не все они позитивные, как, впрочем, и те обстоятельства, которые подтолкнули наших законотворцев на принятие подобных решений. Например, идет ужесточение статей 195–197 УК РФ, связанных с банкротством физических и юридических лиц. Все мы понимаем, что в свое время столь необходимые правитель-

ственные ограничения из-за COVID-19, регулярные санкции Запада и скачки валют причинили существенный вред бизнесу в РФ, который был вынужден в ряде случаев отказаться от цивилизованных правил игры и уходить с рынка с долгами. Что же касается самих граждан, здесь нужно учитывать тот факт, что многие из них, к сожалению, потеряли работу и пока уровень прежних рабочих мест не восстановился до показателя марта 2020 года. Как следствие, это все привело к невозвратам потребительских кредитов, потере ипотечного жилья, росту преступности и т.д.

Но не нужно отчаиваться! Как показывает мировая практика, все циклично. За спадом всегда идет рост, а затем новый виток спада и снова рост. Из всего можно научиться извлекать пользу и возможности. Например, в своей компании «Онегин-Консалтинг» я за последний год сумел нарастить объем онлайн-продаж платных юридических услуг в соцсети ВК (vk.com/onegin_consulting) почти вдвое, запустил несколько партнерских программ, запустил и вывел в лидеры профессиональный YouTube-канал, посвященный праву, который легко найти по названию «Игорь Галичевский», а также в свободное от работы время на карантине все-таки дописал и издал свою уже пятую профессиональную книгу «Договорное право. В помощь должнику и предпринимателю».

Я искренне надеюсь, что каждый из читателей нашего журнала найдет на его страницах полезную для себя информацию. Мы правда очень старались и честно делали для вас свою работу, оставили только лучшие статьи и обзоры. И, даже несмотря на большой перерыв, который произошел между изданиями, уверен, что наша команда вас не разочарует.

*Уполномоченный по правам человека
в Санкт-Петербурге*

*Декану юридического факультета
Санкт-Петербургского государственного экономического университета*

Н.А. Крайновой

Уважаемая Надежда Александровна!

Приветствую Вас, всех организаторов и участников Международной научно-практической конференции «Право и современная экономика: новые вызовы и перспективы в условиях пандемии»!

Рад воспользоваться этим поводом, чтобы отметить вклад юридического факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета в подготовку квалифицированных специалистов в сфере правового регулирования экономических отношений. Уверен, что, несмотря на глобальную конкуренцию, кардинальное изменение правового поля в России и продолжающуюся пандемию коронавируса, выпускники факультета успешно применяют полученные знания, реализуются в профессии, приносят пользу обществу и государству.

Это также повод поблагодарить Оргкомитет и участников конференции за выбор для международного научного обсуждения актуальных вопросов развития права и экономики в ковидной и постковидной реальности, поиска баланса между правами и законными интересами бизнеса и необходимыми для защиты права на жизнь и здоровья людей эпидемическими ограничениями.

В нынешние непростые времена ваши академические и практические исследования, основанные на уважении к закону, к правам человека, направленные на укрепление взаимного доверия правозащитных и экономических институтов, важны для всех, кому дороги фундаментальные ценности!

Желаю вам плодотворной работы, реализации ваших прав и свобод, прежде всего, конечно же, свободы научного творчества и преподавания, крепкого здоровья и благополучия!

*Уполномоченный по правам человека
в Санкт-Петербурге*

А.В. Шишов

МОРАТОРИЙ НА БАНКРОТСТВО: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Светлана Александровна Карелина,

профессор кафедры предпринимательского права
Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова,
доктор юридических наук, профессор
Контакты: Ленинские горы, д. 1, г. Москва, Россия, 119991
E-mail: svetlanakarelina@mail.ru
Тел.: +7 (495) 939-10-00

Аннотация. Распространение новой коронавирусной инфекции повлекло за собой множество неблагоприятных экономических последствий, вследствие чего государство не могло не предпринять мер, направленных на их минимизацию. Одной из таких мер в сфере банкротства является введение моратория на возбуждение дел о несостоятельности, носящего, прежде всего, реабилитационный характер. Между тем, указанный механизм не исключает и возникновения связанных с ним проблем, некоторые из которых рассмотрены в данной статье.

Ключевые слова: несостоятельность, банкротство, мораторий, требования кредиторов, предпринимательская деятельность.

CHARACTERISTICS AND CURRENT PROBLEMS OF THE IMPLEMENTATION OF THE MECHANISM OF DECEASED PERSON'S BANKRUPTCY PROCEDURE

Svetlana A. Karelina,

Professor of the Department of Business Law of
Lomonosov Moscow State University,
Honored Lawyer of the Russian Federation
Contacts: Leninskie gory, d. 1, Moscow, Russia, 119991

Annotation. The spread of the new coronavirus infection entailed many adverse economic consequences, as a result of which the state could not fail to take measures aimed at minimizing them. One of such measures in the field of bankruptcy is the implementation of a moratorium on the insolvency filing, which is primarily of a rehabilitative nature. Meanwhile, this mechanism does not exclude the occurrence of related problems, some of which are discussed in this article.

Keywords: insolvency, bankruptcy, moratorium, creditors' claims, business activity.

Государственное регулирование института несостоятельности (банкротства) наиболее четко раскрывается закреплением в статье 9.1 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» моратория на возбуждение дел о банкротстве в отношении определенных должников, связанного с попытками снизить негативные экономические последствия распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19. Необходимо учитывать, что вышеназванный мораторий коснулся только индивидуальных предпринимателей и юридических лиц 22-х отраслей экономики, наиболее пострадавших от ограничений, введенных в связи с коронавирусной инфекцией. В отношении банкротства граждан данный мораторий не нашел своего применения, что однако не исключает возможных коллизий и правоприменительных проблем, связанных с этим.

Так, например, в Письмах от 4 сентября 2020 г. № А-02/5-355 и от 27.05.2020 № А-02/1Т-241 «О применении норм о моратории на возбуждение дел о банкротстве» среди иных вопросов, заданных Центральному банку РФ Ассоциацией российских банков, был следующий: какие требования к лицам, являющимся индивидуальными предпринимателями и находящимся под действием моратория на возбуждение дел о банкротстве, подлежат исполнению со счетов, принадлежащих им как физическим лицам (открытым не для ведения предпринимательской деятельности)? Данная проблема была вызвана тем, что, несмотря на действие моратория на возбуждение дел о банкротстве, банки продолжают получать постановления судебных приставов о взыскании средств в отношении лиц, находящихся под мораторием. Такие постановления направляются и в отношении физических лиц, имеющих статус инди-

видуального предпринимателя. При этом исполнительные действия производятся по счетам, открытым им как физическим лицам. Кроме того, сами требования могут как относиться к предпринимательской деятельности, так и не относиться к ней. По данной причине возникает вопрос законности исполнения таких постановлений в отношении индивидуальных предпринимателей, находящихся под мораторием на возбуждение дел о банкротстве. Необходимо отметить, что в Письме от 19 июня 2020 г. № 06-31-4/4406 «О моратории на возбуждение дел о несостоятельности (банкротстве)» Банк России сообщил, что в соответствии с п. 2 ст. 854 ГК РФ без распоряжения клиента списание денежных средств, находящихся на счете, допускается по решению суда, а также в случаях, установленных законом или предусмотренных договором между банком и клиентом. Статьей 70 Федерального закона «Об исполнительном производстве» на банк возложена обязанность незамедлительно исполнить содержащиеся в исполнительном документе или постановлении судебного пристава-исполнителя требования о взыскании денежных средств. Основания, при наличии которых банк вправе не исполнить исполнительный документ, устанавливаются законом (части 6, 8 указанной статьи). Как представляется, такое основание для неисполнения исполнительного документа, в частности, определено пп. 4 п. 3 ст. 9.1 Закона о банкротстве. При этом Банк России отметил, что банкам следует принимать необходимые и доступные меры для недопущения как необоснованного списания денежных средств со счета клиента, так и неправомерного неисполнения исполнительного документа. В то же время, согласно Письму Минюста России от 5 июня 2020 г. № 04-63793/20, банки и иные кредитные организации, в которых открыты счета должника, отнесены к числу лиц, на которых возложено совершение действий по исполнению исполнительных документов. Введение в отношении должника моратория означает и невозможность получения взыскателем принудительного исполнения путем предъявления исполнительного документа непосредственно в банк (кредитную организацию) в порядке, установленном ч. 1 ст. 8 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве». Существенное значение имеет то обстоятельство, что согласно Обзора по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1), положения п. 3 ст. 9.1 Закона о банкротстве не исключают возможность рассмотрения в период действия моратория исков к должникам, на которых он распространяется. Учитывая, что законодатель предусмотрел в моратории приостановление исполнительного производства, но при этом допустил сохранение арестов, можно сделать вывод, что исполнительные листы могут выдаваться судом. При этом в ходе исполнительного производства по данным исполнительным листам допустимо совершение действий по ограничению распоряжения имуществом должника, предусмотренных законодательством об исполнительном производстве.

В ситуации экономического кризиса стал очевидным факт содержательного несовершенства и возможного практического потенциала отечественной модели реабилитационных процедур, предусмотренных Законом о банкротстве. Прежде всего, встал вопрос о правовой природе моратория. Заметим, что данный институт нередко рассматривается в качестве реабилитационной процедуры банкротства. Так, с одной стороны, введение данного механизма напрямую направлено на защиту прав должников, оказавшихся в неудовлетворительном финансовом положении, что, в свою очередь, полностью согласуется с диспозицией введенной ст. 75.1 Конституции РФ, представляя собой меру «для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан». Кризисная ситуация обнажила несовершенство прокредиторской модели и реабилитационных процедур, предусмотренных Законом о банкротстве, и заставила законодателя принимать изменения в экстренном порядке. Формально цель моратория — помочь бизнесу выйти из сложного финансового положения и вернуться к нормальной хозяйственной деятельности в краткосрочной перспективе. Действительно, несмотря на то, что основное правовое последствие введения моратория — невозможность возбуждения дела о банкротстве по заявлению кредитора, должник, подпадающий под мораторий, вынужден соблюдать ряд ограничений, действующих в наблюдении (в частности, не допускается выплата дивидендов, доходов по долям, выдел доли участника в связи с выходом, прекращение обязательств зачетом в случае нарушения потенциальной очередности, установленной Законом о банкротстве) (подп. 2 п. 3 ст. 9.1 Закона о банкротстве). С другой стороны, восприятие моратория исключительно как реабилитационной процедуры сталкивается с рядом догматических и функциональных препятствий: во-первых, как прямо следует из части 1 статьи 1 Закона о банкротстве, процедуры применяются к должнику в деле о банкротстве, в то время как мораторий не допускает возбуждения дела о банкротстве в отношении должника; во-вторых, против признания моратория реабилитационной процедурой свидетельствует игнорирование причин и момента возникновения финансового кризиса у конкретного должника, как, собственно, и наличие

этого кризиса. Реабилитационные процедуры направлены на восстановление платежеспособности и сохранение предприятия (бизнеса), в конечном итоге — выход должника из состояния банкротства, которое установлено судом. Мораторий же направлен на недопущение банкротств, связанных с нестабильностью экономики в исключительных случаях, как это указано в пункте 1 статьи 9.1 Закона о банкротстве, посредством воссоздания докризисных условий ведения финансово-хозяйственной деятельности вне зависимости от того, пострадал ли от этого кризиса должник. Иными словами, негативное влияние нестабильности экономики на финансовое состояние отдельных должников при введении моратория предполагается по умолчанию. Таким должникам дается возможность получить защиту от возбуждения дела о банкротстве по заявлениям кредиторов на период кризиса. После отпадения обстоятельств, послуживших основанием для введения моратория, они могут вернуться к обычному режиму деятельности. Кроме того, решение о введении той или иной процедуры банкротства по общему правилу принимается по ходатайству кредиторов (ст. 74 Закона о банкротстве), в то время как при введении моратория мнение кредиторов не учитывается, какой-либо внешний (судебный или кредиторский) надзор за имуществом должника не устанавливается, информирование кредиторов о состоянии должника не осуществляется, график погашения задолженности не устанавливается. При этом реабилитационной мерой вполне обоснованно может быть признана судебная рассрочка (пункты 3.1–3.5 ст. 9.1 Закона о банкротстве), нормы о которой включены в статью 9.1 о моратории. Анализируя степень реабилитационного вектора, заложенного в ст.9.1 Закона о банкротстве, нельзя не обратить внимание и на ряд проблем, связанных с реализацией данной нормы правоприменителями — судами:

а) возникает проблема расширения предмета доказывания при подаче заявления о признании должника банкротом: так, суды нередко при рассмотрении вопроса о принятии к производству заявления о признании должника банкротом требуют обосновать, почему, по мнению заявителя, на должника не распространяется мораторий (например, определения Арбитражного суда Приморского края от 13.04.2020 по делу № А51-5833/2020, от 13.04.2020 по делу № А51-5680/2020, от 13.04.2020 по делу № А51-5677/2020; Арбитражного суда города Москвы от 14.04.2020 по делу № А40-61669/2020; Арбитражного суда Новосибирской области от 15.04.2020 по делу № А45-7402/2020, от 30.04.2020 по делу № А45-581/2020; Арбитражного суда Еврейской автономной области от 15.04.2020 по делу № А16-756/2020; Арбитражного суда Омской области от 16.04.2020 по делу № А46-6236/2020, от 16.04.2020 по делу № А46-817/2020; Арбитражного суда Ханты-Мансийского автономного округа от 16.04.2020 по делу № А75-5513/2020, от 17.04.2020 по делу № А75-5410/2020, от 30.04.2020 по делу № А75-24369/2019; Арбитражного суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 21.04.2020 по делу № А81-3181/2020; Арбитражного суда Республики Башкортостан от 24.04.2020 по делу № А07-9041/2020; Арбитражного суда Томской области от 27.04.2020 по делу № А67-2894/2020). В практике возникали ситуации, при которых заявление о признании должника банкротом было подано более чем за 5 рабочих дней до введения моратория, но в результате нарушения процессуальных сроков судом дело о банкротстве не было возбуждено, а заявление было возвращено в связи с введением моратория. Это влияет на возможность реализации кредитором права на возбуждение дела о банкротстве в период моратория (например, определения Арбитражного суда Тамбовской области от 10.04.2020 по делу № А64-2083/2020, Арбитражного суда Республики Татарстан от 14.04.2020 по делу № А65-6826/2020);

б) не до конца продуманным представляется подход законодателя по определению круга лиц, которых следует отнести к мораторным должникам. Не всегда поддержку получают все, кто, действительно, нуждается в этом. Необходимо пересмотреть критерии субъектного состава, а именно: мораторных должников.

Прежде всего, как представляется, созданию четких и понятных как судам, так и должникам списков «мораторных должников» мешает формальность и несовершенство кода основной деятельности как критерия для распространения моратория на определенных юридических лиц. Проблема возникает в первую очередь в тех случаях, когда фактическая основная деятельность компании указана в качестве дополнительного вида деятельности в Едином государственном реестре юридических лиц (ЕГРЮЛ). В таких ситуациях суды отказывают в применении моратория, только в некоторых случаях анализируя значение дополнительных видов деятельности в ответ на соответствующие ссылки должников.

Вполне очевидно, что предприниматели не могли предвидеть, что с выбором кодов основной деятельности будут связаны какие-либо последствия в условиях кризиса. Несмотря на это, никакой возможности попасть в перечень наиболее пострадавших лиц для таких должников в законе не предусмотрено. В итоге компании не получают меры поддержки по формальным основаниям, хотя фактически осуществляют деятельность, которая может быть заблокирована в период кризиса.

Другая проблема связана с распространением моратория на компании, входящие в группы и холдинги системообразующих предприятий. Первоначально список системообразующих организаций устанавливался Правительством Российской Федерации, при этом соответствующий перечень содержал указание на то, что системообразующими являются также компании, входящие в холдинг. С 10 апреля 2020 года в перечень системообразующих организаций включаются организации «с учетом аффилированности в рамках их групповой (холдинговой) структуры (далее — группа компаний)» [1]. Однако российское законодательство не дает определения понятию «холдинг» и содержит только понятия «банковский холдинг», «холдинговая компания» и «финансовая холдинговая компания», которые не могут быть применимы в рассматриваемой ситуации.

Несмотря на изложенные недостатки, мораторий может предоставить должникам, оказавшимся в кризисной ситуации, широкие возможности по нормализации финансово-хозяйственной деятельности. При этом важно, что нормы о моратории не обусловлены совершением должником каких-либо действий по предупреждению банкротства, мораторий лишь создает условия для их совершения.

Сами «мораторные правила» предоставляют должнику не только время, чтобы справиться с финансовой нестабильностью в компании, но и конкретные меры поддержки в виде, например, недопущения обращения взыскания на заложенное имущество должника (подп. 3 п. 3 статьи 9.1 Закона о банкротстве), приостановление исполнительных производств (подп. 4 п. 3 статьи 9.1 Закона о банкротстве), не допускается начисление неустоек и штрафов на просроченные обязательства (подп. 2 п. 2 ст. 9.1; абз. 10 п. 1 ст. 63 Закона о банкротстве). Особым способом защиты интересов «мораторного» должника, в отношении которого к моменту введения моратория уже введена процедура наблюдения, является судебная рассрочка. Уникальным для российского банкротного законодательства является то, что судебная рассрочка предоставляется судом по заявлению должника вне зависимости от позиции кредиторов. Единственной возможностью препятствовать введению судебной рассрочки становится принятие собранием кредиторов решения заключить мировое соглашение (подп. 3 п. 3.1 ст. 9.1 Закона о банкротстве).

Таким образом, рассматривая реабилитацию (санацию) широко как комплекс мер, направленных на недопущение признания лица банкротом, мораторий можно считать самостоятельным элементом реабилитационного механизма.

Литература / References:

1. Критерии и порядок включения организаций в перечень системообразующих организаций российской экономики : приложение к протоколу заседания Правительственной комиссии по повышению устойчивости развития российской экономики от 10.04.2020 № 7кв (ред. от 19.06.2020) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_350331 (дата обращения 30 апреля 2021).

БЕСПИЛОТНЫЕ ТРАНСПОРТНЫЕ СРЕДСТВА НА ПУТЯХ, ДОРОГАХ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Коробеев Александр Иванович,

заведующий кафедрой уголовного права и криминологии
Дальневосточного федерального университета,
доктор юридических наук,

профессор, заслуженный деятель науки РФ

Контакты: п. Аякс, д. 10, о. Русский, г. Владивосток, Россия, 690922

E-mail: korobeev.ai@dvfu.ru

Тел. 7 (423) 265–24–24

Аннотация. В работе анализируются уголовно-правовые проблемы, возникающие в практике использования беспилотных транспортных средств. На основе исследования дорожно-транспортных происшествий, совершенных с участием беспилотных транспортных средств, автор формулирует конкретные предложения, направленные на совершенствование уголовного законодательства РФ. В работе предложен перечень требований, которым должен отвечать уголовно-правовой запрет абсолютно нового вида (типа) девиантного поведения в сфере транспортной деятельности, приведены аргументы в пользу введения. В УК РФ института уголовной ответственности юридических лиц.

Ключевые слова: беспилотные транспортные средства, уголовная ответственность, транспортные преступления.

UNMANNED VEHICLES ON THE ROADS OF RUSSIA: PROBLEMS OF CRIMINAL LIABILITY

Alexander Korobeev,

head of the Department of Criminal Law and Criminology of
the Far Eastern Federal University,
Doctor of Law, Professor,

Honored Scientist of the Russian Federation

Contacts: Ajax, 10, Russian Island, Vladivostok, Russia, 690922

Abstract. The article analyzes the criminal law problems arising in the practice of using unmanned vehicles. Based on the study of road accidents involving unmanned vehicles, the author formulates specific proposals aimed at improving the criminal legislation of the Russian Federation. The paper proposes a list of requirements that must be met by a criminal-legal prohibition of an absolutely new type (type) of deviant behavior in the field of transport activities, arguments are given in favor of introducing the institution of criminal liability of legal entities into the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: unmanned vehicles, criminal liability, transport crimes.

Стремление человека обзавестись беспилотными транспортными средствами (БТС) уходит корнями в далекое прошлое. Оно нашло свое отражение, в частности, в русском фольклоре: прообразом таких чудо транспортных средств можно считать (с известной долей условности) сапоги-скороходы, ковер-самолет, ступу с Бабою Ягой, избушку на курьих ножках и самодвижущуюся печь с пассажиром на борту — Емелей.

В современной России, как и в ряде других стран, активно ведутся работы по созданию и внедрению в практику беспилотных транспортных средств.

Полностью беспилотные автомобили без водителей могут выйти на российские дороги (пока только в тестовом режиме) в 2021 г. Уже сейчас высокоавтоматизированные транспортные средства (ВАТС) в порядке эксперимента могут ездить в 13 регионах страны. Готовится и соответствующая нормативно-правовая база. Так, Методику расследования ДТП с участием инновационных автотранспортных средств планируется утвердить во втором квартале 2021 г. [1].

Однако, помимо чисто технологических вопросов, при переходе на массовое использование беспилотных транспортных средств необходимо решить и ряд других проблем, в том числе моральных,

вытекающих из действий автопилота. По сути, речь идет о двух проблемах: этической — она заключается в вопросе выбора наиболее приемлемого числа жертв («проблема вагонетки»), и связанной с ней уголовно-правовой проблемой причинения вреда в состоянии крайней необходимости.

В том же ряду находится казус так называемого черта из табакерки, когда перед беспилотным транспортным средством внезапно появляются другой автомобиль, пешеход, животное, посторонние предметы и т.п. Скажем, что делать, если беспилотник едет на высокой скорости, а на трассу вдруг выскакивает собака? Тормозить, подвергая риску своих пассажиров, а также автомобили, которые едут следом? Какое решение закладывать в мозг робота, не получится ли, что беспилотник может превратиться в беса-пилотника? В подобных ситуациях беспилотное транспортное средство может уподобиться «всаднику без головы». «Автономные автомобили могут произвести революцию в транспортной индустрии, но они ставят социальную и моральную дилемму, которая может затормозить распространение этой технологии», — замечает в этой связи ученый из Университета Калифорнии Лиад Рован [2].

Есть и еще один важный аспект рассматриваемой проблемы. Ученые Массачусетского технологического института провели масштабное исследование (опрошено 2,3 млн чел. из 200 стран мира) и установили: в разных странах очень разные представления о том, как должны вести себя роботомобили в критических ситуациях. Их вывод: различия между индивидуалистическими и коллективистскими культурами столь существенны, что они создадут большие проблемы для разработчиков универсальной машинной этики [3].

В мировой практике дорожного движения уже зафиксированы дорожно-транспортные происшествия с участием беспилотников.

Первая авария произошла во Флориде (США) в мае 2015 г., в результате которой погиб оператор, находившийся в кабине беспилотника. Электромобиль Tesla с включенным автопилотом протаранил на шоссе тягач с прицепом, который двигался в перпендикулярном направлении, пытаясь пересечь перекресток. Автомобиль проехал под фурой, в результате чего у седана снесло крышу, затем вылетел с шоссе, протаранив два забора и остановился, врезавшись в столб. Водитель беспилотника скончался на месте происшествия.

В Tesla считают, что причина ДТП может состоять в том, что автоматика, под управлением которой находилось транспортное средство, не успела распознать опасность из-за белого цвета прицепа грузовика на фоне яркого неба. По той же причине, по предположению автопроизводителя, не среагировал вовремя и сам водитель, который мог бы взять управление машиной на себя (яркое солнце могло ослепить его). По другой версии, автопилот мог дать сбой из-за длинного свеса прицепа фуры и большого дорожного просвета, что помешало автоматике «увидеть» препятствие [4].

Вторая трагедия произошла в американском г. Темпе (штат Аризона), где 21 марта 2018 г. спортивный внедорожник Uber насмерть сбил 49-летнюю женщину. При этом в кабине «автономно управляемой машины» сидел оператор» предусмотренный как раз на случай экстренных ситуаций. «... Было бы очень сложно избежать этого столкновения в любом режиме — автономном или с водителем — основываясь на том, как она (велосипедистка) выскочила из тени прямо на дорогу ... Uber вряд ли виноват в этом инциденте, — заявила шеф полиции г. Темпе С. Моир. — Ни камеры, ни человек, сидевший в кабине испытываемого автомобиля, не заметили велосипед до момента столкновения. В частности, водитель понял, что произошло столкновение, только услышав его звук. Автомобиль, оснащенный двумя камерами, также не предпринял попытки затормозить. Машина двигалась со скоростью 38 миль в час (61 км/час) в зоне с ограничением скорости в 35 миль в час» [5].

В обоих случаях не было выявлено каких-либо дефектов в технике, которые могли бы спровоцировать аварийную ситуацию [6]. Не был решен и вопрос об уголовной ответственности за причиненный вред и в первую очередь — из-за пробелов в уголовном законе.

Таким образом, камнем преткновения при переходе на массовое использование беспилотных транспортных средств по-прежнему остается проблема разработки различных видов и мер правовой ответственности за нарушение правил функционирования (управления движением и эксплуатации) беспилотных транспортных средств. Видимо, не составит особого труда регламентация таких мер в рамках гражданского, трудового и административного права. Например, в гражданском праве это можно будет осуществить в границах института невиновного причинения вреда владельцем источника повышенной опасности, в административном праве — за счет использования института административной ответственности юридических лиц.

Вместе с тем наибольшим количеством проблем столкнется законодатель в процессе регламентации уголовной ответственности за преступления данной категории. Это вполне объяснимо: во-первых, российскому уголовному законодательству пока не знаком институт уголовной ответственности

юридических лиц. Но даже после его возможного введения в УК РФ все равно остается открытым вопрос о персональной ответственности физического лица — субъекта транспортного преступления; во-вторых, самую острую проблему здесь составит определение именно субъекта преступления; в-третьих, поскольку состав нового вида транспортных преступлений будет сконструирован, скорее всего, по типу материального, у правоприменителя в процессе его квалификации возникнут колоссальные сложности с определением конкретного пункта нарушенных виновным правил безопасного управления БТС и не меньшие — с установлением причинной связи между нарушенными правилами и наступившим преступным результатом; в-четвертых, не исключено также, что значительный массив подобного рода транспортных преступлений будет совершаться в ситуации так называемого не осторожного сопричинения, а это еще больше осложнит поиск и установление их субъектов.

Несмотря на отмеченные сложности, возьмем на себя смелость утверждать: допустимость, возможность и целесообразность установления в обозримом будущем нового уголовно-правового запрета в сфере обеспечения безопасности транспортной деятельности вполне очевидны.

В технико-юридическом оформлении уголовно-правовой нормы возможны варианты. Оптимальной, с нашей точки зрения, выглядит следующая парадигма.

А. Нам представляется, что уголовно-правовой запрет должен быть сформулирован в виде единой, универсальной нормы, распространяющей свое действие на все виды беспилотных транспортных средств.

Конструирование норм об ответственности за транспортные преступления должно базироваться на принципах единообразного и унифицированного формулирования диспозиций и санкций этих норм. Указанные элементы должны быть согласованы между собой в рамках не только отдельных статей, но и всей системы в целом. Такая согласованность достижима лишь при условии отказа от использования в качестве ведущего криминализационного критерия различных видов транспортных средств.

Изложенное предопределяет необходимость наброска (хотя бы в самых общих чертах) определенных требований, которым должен отвечать уголовно-правовой запрет абсолютно нового вида (типа) девиантного поведения в сфере транспортной деятельности.

Прежде всего отметим тот очевидный для нас факт, что возможная в ближайшее время криминализация нового вида транспортных преступлений будет полностью отвечать требованиям, предъявляемым доктриной уголовно-правовой политики к основаниям установления уголовно-правового запрета. Известно, что криминализация транспортного преступления может быть признана научно обоснованной лишь при учете законодателем совокупности целого ряда факторов, важнейшими из которых являются: определенная степень общественной опасности деяния, его относительная распространенность и типичность, неблагоприятная динамика данного вида транспортного правонарушения, возможность воздействия на него уголовно-правовыми средствами, невозможность успешной борьбы менее репрессивными мерами, отсутствие негативных побочных последствий запрета, наличие материальных ресурсов для его реализации, определенный уровень общественного правосознания и психологии населения [7].

Не приходится сомневаться, что с появлением различных видов беспилотных (полностью автономных) транспортных средств, их широким тиражированием и включением в повседневную транспортную деятельность все перечисленные выше факторы актуализируются и поставят законодателя перед необходимостью решать вопрос о криминализации нового общественно опасного деяния. Оно (деяние) возникнет как негативный побочный продукт современного научно-технического прогресса в сфере транспортной деятельности и потребует разработки уголовно-правовых мер борьбы с ним с той же неизбежностью, с какой в недалеком прошлом научно-техническая революция породила саму систему транспортных преступлений.

Вряд ли при этом можно будет найти веские аргументы, объясняющие необходимость объединения в одной норме ответственности за нарушение правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, воздушного, морского, внутреннего водного транспорта, метрополитена и невозможность включения в нее ответственности за аналогичные нарушения на других видах механического транспорта. Связь между железнодорожным и морским транспортом уловить столь же непросто, как и между воздушным и автомобильным. Если законодатель не усматривает различий в специфике преступлений на таких видах транспорта, как железнодорожный, водный и воздушный, установив ответственность за их совершение в одной норме, то нет оснований полагать, что особенности посягательств на безопасность функционирования других видов механического транспорта столь существенны, что не позволяют сформулировать все эти преступления в виде единого состава.

Б. Поскольку диспозиция нормы (*de lege ferenda*) с неизбежностью будет носить бланкетный характер, предлагается состав преступления сконструировать по типу материального, взяв за основу те признаки объективной стороны (речь идет о последствиях), которые фигурируют в ч. 1, 2 и 3 ст. 263 УК РФ.

При этом никак дополнительных частей (вроде тех, что можно обнаружить сегодня в ст. 264 УК РФ) конструировать не придется: «пьяный робот-автопилот» или «нетрезвая беспилотная программа» невозможны по определению.

В. Субъект преступления, бесспорно, специальный. Однако трактовка его, на наш взгляд, должна быть достаточно широкой. Данный элемент состава преступления должен включать:

- 1) персонифицированных разработчиков конкретной компьютерной программы, предназначенной для конкретного БТС;
- 2) лиц, контролирующих безопасную эксплуатацию этих программ;
- 3) владельцев БТС, обязанных осуществлять текущий контроль за безопасными условиями их эксплуатации;
- 4) лиц, находящихся в БТС и осуществляющих непосредственный контроль за безопасностью его эксплуатации.

Г. В примечании к статье УК РФ, устанавливающей уголовную ответственность за нарушение правил безопасности функционирования (движения или эксплуатацию) беспилотных транспортных средств, целесообразно дать законодательное определение понятия БТС.

Такой (в самых общих чертах) нам видится дорожная карта разработки нормативной основы уголовной ответственности за деяния, связанные с появлением и внедрением в практическую человеческую деятельность еще одного достижения четвертой промышленной революции — беспилотных транспортных средств [8].

Литература / References:

1. Российская газета. 2021. 18 марта
2. См.: по материалам интернет-изданий.
3. См.: *Симонов А.* Мораль беспилотника // Российская газета. 2018. 7 ноября.
4. *Ломакин Д.* Первая жертва автопилота // Газета.ru
5. РИА Новости. URL: <https://ria.ru/world/20180320/1516807246.html>.
6. *Забродина Е.* Нечеловеческий фактор // Российская газета. 2018. 21 марта.
7. См.: *Коробеев А.И.* Транспортные преступления и транспортная преступность. М., 2015. С. 419.
8. Подробнее об этом см.: *Коробеев А.И., Чучаев А.И.* Беспилотные транспортные средства: новые вызовы общественной безопасности // LEX RUSSICA. 2019. № 2 (147). С. 9–26; *Беспилотники на дорогах России (уголовно-правовые проблемы)*. М., 2021.

ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНОЕ ИНФОРМАЦИОННОЕ ДЕЯНИЕ КАК ФОРМА ОБЪЕКТИВИЗАЦИИ ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Ключко Римма Николаевна,

заведующий кафедрой уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Гродненского государственного университета
имени Янки Купалы

кандидат юридических наук, доцент,

Контакты: пер. Доватора 3/1, Гродно, Республика Беларусь, 230015

E-mail: klrn.grodno@tut.by

Тел.: +375 (152) 73–19–00

Аннотация. Стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий, сетей связи приводит к интенсификации оборота информации, увеличению возможностей ее использования в деструктивных целях. Новые угрозы подлежат детекции, анализу для разработки правовых механизмов противодействия им. Совершенствование механизма охраны информационной безопасности требует научного анализа понятийно-категориального уголовно-правового аппарата. В статье предлагается введение в научный оборот категории «общественно опасное информационное деяние», которая отражает механизм причинения вреда охраняемым уголовным законом правам и интересам субъектов информационных отношений.

Ключевые слова: информационное деяние, информационное воздействие, общественно опасное информационное деяние.

PUBLIC DANGEROUS INFORMATION ACTION AS A CRIMINAL ACTION

Rimma N. Klyuchko

Head of Criminal Law, Criminal process
and Criminalistics department

Yanka Kupala State University of Grodno (Belarus)

candidate of Legal Sciences, Associate Professor,

Contacts: Dovatora 3/1 lane, Grodno, Republic of Belarus, 230015

Abstract. The rapid development of information and communication technologies, communication networks leads to an intensification of the circulation of information, an increase in the possibilities of its use for destructive purposes and an increase in the level of dangerous information acts. New threats are subject to detection and analysis to develop legal mechanisms to counter them. Improving the mechanism for protecting information security requires a scientific analysis of the conceptual and categorical criminal legal apparatus. In the article it is proposed to introduce into scientific circulation the category of “socially dangerous information act”, which reflects the mechanism of causing harm to the rights and interests of subjects of information relations protected by criminal law.

Keywords: information action, information impact, socially dangerous information action.

Как справедливо отметил академик В.Н. Кудрявцев, «преступление — социальное явление, и поэтому, кроме закономерностей природы, в нем, очевидно, находят выражение и социальные закономерности, выявляющиеся при массовых наблюдениях, при изучении данной категории преступлений в целом. Определенные закономерности действуют не только в области причин преступности, но и в области форм преступной деятельности, характера связей между общественно опасными деяниями и вредными последствиями, в области взаимодействия между обстановкой совершения преступлений и степенью их общественной опасности и т. д. Учет этих закономерностей лежит в основе конструкций объективных признаков уголовно-правовых норм» [1, с. 35–36]. По мнению ученого, именно глубокое изучение общественной жизни дает возможность вовремя выявить повторяющиеся вредные для общества формы поведения людей, а также вредные последствия такого поведения, что позволяет признавать их общественно опасными и уголовно наказуемыми [1, с. 37].

Изучение современной социальной действительности, характеризующейся стремительными процессами цифровизации всех сфер жизнедеятельности и развитием информационного общества, позволяет говорить о росте значения информации и деятельности, связанной с ее оборотом. Появление новых возможностей для информационного (коммуникативного) взаимодействия субъектов создает почву для использования информации не только в позитивных, но и негативных целях. Достаточно ярким примером повышения уровня значимости информационных процессов в рамках ближайшего ретроспективного анализа происходящих в обществе процессов в условиях пандемии является волна дезинформации — так называемая инфодемия.

Значительная доля преступлений сегодня совершается фактически «бесконтактно», с получением и использованием информации как средства воздействия и управления сознанием (индивидуальным, групповым, общественным). Появление новых и трансформация уже имеющихся возможностей использования коммуникативных технологий в деструктивных целях требует своевременной детекции и научного анализа рисков, угроз и опасностей причинения вреда личности, обществу, государству с использованием «удаленного режима» [см. об этом подробнее: 2]. Указанное позволяет утверждать о возможности обособления самостоятельного вида общественно опасного поведения — общественно опасного информационного деяния, под которым следует понимать общественно опасное действие или бездействие, связанное с поиском, получением, передачей, сбором, обработкой, накоплением, хранением, распространением, предоставлением информации либо пользованием ей. Именно данная форма преступной деятельности занимает все большее место в современной социальной действительности и отражает закономерности ее развития и трансформации. Значительная доля преступлений в реальной действительности сегодня совершается без передачи энергии и материи — посредством информационного воздействия (взаимодействия). Это, в первую очередь, «традиционные» преступления, совершаемые с использованием возможностей современных информационно-коммуникационных технологий и с их помощью глобализируемые (распространение наркотиков, порнографии и др.). Можно констатировать также появление нового ряда деяний, общественная опасность которых обусловлена использованием цифровых и сетевых технологий, которые эту опасность проектируют либо потенцируют до степени, свойственной преступлению (например, пропаганда опасных видов деятельности среди несовершеннолетних, распространение садистского контента, треш-стримы [3]).

И более того, если попытаться заглянуть в ближайшее будущее, то можно спрогнозировать и «виртуальные преступления» в чистом виде. В научной литературе уже поднимается вопрос о том, что современное общество находится в окрестности нулевой точки нового явления — явления «виртуального преступления»; «виртуальные преступления» в узком смысле слова могут стать реальными и потребуют анализа новых способов противодействия им [4].

Цифровая и сетевая трансформация социальной действительности остро ставит на повестку дня сегодняшнего вопрос о необходимости и возможности установления новых уголовно-правовых запретов на совершение общественно опасных информационных деяний с учетом современного развития информационно-коммуникационных технологий, стирающих пространственные и временные границы, создающих для каждого практически неограниченные возможности быть субъектом коммуникативных связей в глобальном информационном пространстве, являться в нем актором либо реципиентом. Решение этого вопроса связано с проблемой допустимости «вторжения» уголовного права в сферу свободы слова и пределах и границах ее ограничения. «Территорией опасности» уже сегодня является сфера использования персональных данных (биометрических, генетических, геолокационных и др.), позволяющая осуществлять манипулирование индивидуальным, групповым или общественным сознанием, применять иные способы информационно-психологического воздействия (принуждения либо побуждения, скрытого либо открытого воздействия) с целью причинения вреда интересам личности, общества, государства, охраняемым уголовным законом. Признание таких деяний преступными, прежде всего, требует определения уровня их общественной опасности и установления оснований для ограничения свободы личности в коммуникационном пространстве.

«Действие должно быть опасно в смысле возможного причинения вреда тем именно интересам, ради охраны которых создана норма» [1, с. 40]. В условиях информационного общества такими интересами становятся интересы субъектов информационных отношений. Информационная безопасность личности, общества, государства, являющаяся сегодня важной составляющей безопасности указанных субъектов, является тем благом, ради которого необходимо обеспечивать совершенствование уголовного законодательства. Правовые механизмы охраны законных личных и корпоративных интересов, информационной безопасности общества и государства должны соответствовать рискам, угрозам и опасностям.

Информационное деяние осуществляется посредством воздействия на такой объект информационной сферы, как информация, либо сознание субъекта информационного отношения. Причинение либо угроза причинения существенного вреда интересам личности, общества, государства является собой объективное свойство преступного посягательства — его общественную опасность. Дополнение в информационном законодательстве понятийного ряда «риск-вызов-угроза» категорией «опасность» является правовой основой для создания системы правовых механизмов противодействия этим явлениям с учетом вредности информационного деяния либо его общественной опасности (для определения отраслевой сферы правовой охраны). Наличие общественной опасности является материальным признаком любого преступления. Преступление против информационной безопасности характеризуется общественной опасностью, обусловленной информационным воздействием, взаимодействием субъектов информационных отношений или воздействием на информацию, информационные ресурсы как предмет преступления. Считаем возможным в структуре признака общественной опасности выделить отдельно информационную опасность как особый видовой признак общественной опасности информационного деяния, а под информационной опасностью понимать опасность причинения вреда интересам субъектов информационных отношений посредством совершения информационного деяния. Öffentlich опасные информационные деяния существенно нарушают порядок взаимодействия субъектов информационных отношений (личности, общества, государства), что приводит к общественно опасным последствиям (угрозе их наступления) в виде существенного вреда интересам личности либо государственным или общественным интересам.

В целях создания эффективного механизма защиты интересов субъектов информационных отношений необходима криминализация общественно опасных информационных деяний, которая должна быть своевременной, с обеспечением логической стройности и системности не только уголовного законодательства, но и согласованности уголовно-правовых норм с нормами регулятивных отраслей права. Первостепенное значение для решения вопросов криминализации информационных деяний, а также совершенствования действующих уголовно-правовых норм имеет определение круга и ревизия общественно опасных деяний, причиняющих существенный вред либо создающих угрозу причинения существенного вреда правам, свободам и интересам субъектов информационных отношений.

Информационное взаимодействие, реализуемое в рамках информационных отношений, предполагает взаимодействие с использованием информации как средства коммуникации субъектов информационных отношений. Исходя из указанного, категорию «информация» в уголовно-правовом аспекте целесообразнее определять не через атрибутивное или объективное, а функционально-кибернетическое определение, когда понятие информации связывают только с человеком (субъектом), включая техногенную среду его обитания [5; 6]. Н. Винер был совершенно прав, когда определял информацию, имеющую форму и содержание, как содержание отношений и соответственно относил ее к категориям относительным [7].

Установление связи между характеристиками информации и общественной опасностью деяния с ее использованием имеет значение для определения оснований для криминализации информационных деяний (действий или бездействий). Нормативные акты различной отраслевой принадлежности изобилуют разнообразными характеристиками информации, влияющими на режим ее использования (оборота). Так, Концепция информационной безопасности Республики Беларусь, утвержденная постановлением Совета Безопасности Республики Беларусь № 1 от 18.03.2019, использует следующие негативные характеристики информации: запрещенная (ст. 40), запрещенная законодательством (ст. 56), недостоверная (ст. 40, 45), фальсифицированная (40), незаконная (ст. 45, 55). В Концепции применительно к информации используются также следующие характеристики: своевременная, полная, достоверная, общедоступная, личная, конфиденциальная, содержащая государственные секреты, ограниченного распространения, служебная, составляющая тайну, документированная, официальная, охраняемая, массовая. Мы позволили себе перечислить лишь прилагательные, используемые в указанном нормативном правовом акте применительно к категории «информация», хотя перечневый ряд ее характеристик, конечно же, ими не ограничивается (что вытекает из системного толкования норм). Но уже даже этот перечень характеристик позволяет говорить об отсутствии их системы, имеющей значение для создания полного, непротиворечивого правового механизма регулирования и охраны информационных отношений.

Значение информации может быть обусловлено не только ее экономической ценностью. Значимость информации может быть сугубо социальной, может предопределяться возможностью ее использования для приращения или трансформации знаний, влекущих в свою очередь трансформацию социальных возможностей или потребностей субъект-обладателя, влияющих на его ценностные ориентиры и уста-

новки, проектирующих и моделирующих социальное поведение субъектов социальной коммуникации. Именно поэтому уголовно-правовой запрет обеспечивает охрану не информации, а информационных отношений, в которых реализуется социальный статус их субъектов. Под угрозой применения уголовного наказания запрещается виновное общественно опасное информационное деяние, связанное с оборотом информации, причиняющее вред законным интересам субъектов информационных отношений. Сама по себе информация не является и не может признаваться общественно опасной, *вредной* (вредоносной), *запрещенной*, *незаконной*. Например, не представляет общественную опасность (вредность, вредоносность) информация о наркотических средствах, применяемых при анестезии, которая может содержаться в клинических протоколах, предоставляться медицинским персоналом, тогда как предоставление (распространение) информации о применении наркотических средств в немедицинских целях может являться общественно опасным. Общественную опасность представляет бездействие в виде несообщения информации об опасности для жизни людей (ст. 308 УК Республики Беларусь), в свою очередь сообщение такой же информации об объективно существующей опасности является общественно полезным деянием, а заведомо ложное сообщение об опасности признается преступлением (ст. 340 УК Республики Беларусь)*.

Общественно опасным, вредоносным, незаконным, запрещенным является определенное деяние, совершенное с использованием информации. Общественную опасность могут представлять лишь только деяния, совершаемые в отношении определенной информации, либо с ее использованием. При этом их общественная опасность предопределяется совокупностью признаков, характеризующих не только содержание информации, но и самого деяния, совершаемого с ее использованием, его способов и обстановки, а также мотивов и целей его совершения. Тем не менее, систематизация признаков, характеризующих информацию и имеющих значение для определения круга деяний, представляющих информационную опасность, является необходимым условием систематизации норм законодательства, регулирующего и охраняющего информационные отношения и, в частности, обеспечивающего информационную безопасность личности, общества и государства.

Литература / References:

1. Кудрявцев, В.Н. Объективная сторона преступления / В.Н. Кудрявцев. — М., 1960. — 244 с.
2. Цифровая трансформация: вызовы праву и векторы научных исследований: монография [Электронный ресурс] / под общ. ред. А.Н. Савенкова; отв. ред. Т.А. Полякова, А.В. Минбалева. Электрон. дан. (1,3 Мб). — М.: Институт государства и права РАН, 2020. — 1 опт. компакт-диск (CD-ROM). — Системные требования: процессор Pentium-II; память 256 Мб ОЗУ; дисковод 24-х CD-ROM; Windows 98/2000. — ISBN 978-5-8339-0188-5.
3. Матвиенко призвала включить в УК РФ статью о запрете треш-стримов // <https://riafan.ru/1397496-matvienko-prizvala-vklyuchit-v-uk-rf-statyu-o-zaprete-tresh-strimov>.
4. Батулин, Ю. М. Что делает виртуальные преступления реальными / Ю.М. Батулин, С.В. Полубинская // Труды Института государства и права РАН, 2018. — Том 13. — № 2. С. 9–35.
5. Подробнее об этом см.: Седакин, В.П. Информация и знания / В.П. Седакин // Научные ведомости. — 2009. — №8. — С. 180–187.
6. Седакин, В.П. Проблема Л. Флориди и классификация информационных наук / В.П. Седакин, В.Ф. Корнюшко, О.А. Филоретова // Прикладная информатика. — 2012. — №3. — С. 125–131.
7. Винер, Н. Кибернетика или управление и связь в животном и машине. 2-е изд. / Н. Винер. — М.: Сов. Радио, 1968. — 326 с.

* См. также, например, ст. 268 «Скрытие либо умышленное искажение сведений о загрязнении окружающей среды»; ст. 324 «Угроза опасным использованием радиоактивных материалов» УК Республики Беларусь.

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ЦИФРОВЫХ ФИНАНСОВЫХ АКТИВОВ И ЦИФРОВОЙ ВАЛЮТЫ ПО ДЕЙСТВУЮЩЕМУ РОССИЙСКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ

Кремлёва Ольга Клавдиевна,

доцент кафедры теории и истории государства и права
Санкт-Петербургского государственного экономического университета,
кандидат юридических наук, доцент,
Контакты: ул. 7-я Красноармейская, д. 6/8, Санкт-Петербург,
Россия, 190005
E-mail: dept.ktigr@unecon.ru
Тел. 8 (812) 458-97-17

Аннотация. В статье рассмотрен правовой режим цифровых финансовых активов и цифровой валюты по действующему российскому законодательству и прокомментированы основные положения о предметно-объектной области регулирования.

Ключевые слова: объекты гражданских прав, имущество и имущественные права, цифровые финансовые активы, цифровая валюта.

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ЦИФРОВЫХ ФИНАНСОВЫХ АКТИВОВ И ЦИФРОВОЙ ВАЛЮТЫ ПО ДЕЙСТВУЮЩЕМУ РОССИЙСКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ

Kremleva Olga K.,

associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law
St. Petersburg State University of Economics,
Candidate of Law, Associate Professor,
Contacts: 7-ya Krasnoarmeyskaya str., 6/8, Saint Petersburg,
Russia, 190005
Digital Financial Assets and Digital Currency Legal Regime According the Current Russian Legislation

Annotation. The article discusses the legal regime of digital financial assets and digital currency under the current Russian legislation and commented on the main provisions on the subject-object area of regulation.

Keywords: objects of civil rights, property and property rights, digital financial assets, digital currency.

Вступлением в силу 1 января 2021 года Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [3], именуемого в повседневной экономико-юридической практике законом о цифровых активах (далее — ФЗ о ЦФА) подведена черта под периодом дискуссий в ходе его подготовки [5–10] и принятия [11]. Сегодня необходимо обратить самое пристальное внимание на уяснение основных категорий и механизмов, регламентируемых данным Законом, а в дальнейшем и на формирование правоприменительной практики.

Регламентация механизма регулирования оборота цифровых финансовых активов выходит за рамки данного специально принятого закона, о чём непосредственно указано в п.4 ст.1, откуда следует, что оборот ЦФА регулируется Федеральным законом от 22 апреля 1996 года № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» [2] (далее — ФЗ «О РЦБ») с учетом ФЗ о ЦФА. В то же время, в ФЗ о ЦФА в п.11 ст.1 специально отмечается, что на выпуск, учет и обращение бездокументарных ценных бумаг требования данного закона не распространяются, равно как и на обращение однородных объектов гражданских прав безналичных денежных средств, электронных денежных средств. Следует задуматься о синхронизации, а затем систематизации и унификации законодательства об ценных бумагах и законодательства о ЦФА и ЦВ в виду общей правовой природы и единства регулирования эмиссии и обращения. Такая тенденция хорошо прослеживается в современной отечественной практике регулирования ценно-бумажного обращений, так вместо разрозненного регулирования выпуска и обращения эмиссионных ценных бумаг

для различных видов организаций мегарегулятор вводит в действие новой единое положение, за которым среди профессионалов уже закрепилось название «Библия эмитента» [4].

Сфера регулирования ФЗ о ЦФА установлена ч.1. ст.1, её составляют отношения по выпуску, учету и обращению цифровых финансовых активов, возникающие при обороте цифровой валюты, а также особенности деятельности оператора обмена цифровых финансовых активов и оператора информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов.

Законодатель императивно п.5 ст.1 ФЗ о ЦФА установил применение исключительно российского права к правоотношениям, возникающим при выпуске, учете и обращении цифровых финансовых активов, регулируемых данным Законом, безотносительно к гражданству субъектов правоотношений в сфере выпуска и обращения ЦФА и ЦВ в соответствии с ФЗ о ЦФА.

Отношения, возникающие в цикле «выпуск-учет-обращение» цифровых финансовых активов (далее — ЦФА) и оборот цифровой валюты (далее — ЦВ) выступают в ФЗ о ЦФА как два самостоятельных предмета регулирования, однако однородных по своей правовой природе. Этот вывод дает возможность правильно понимать содержание правоотношений по обращению ЦВ, т.е. по аналогии с ЦФА включать выпуск и учет ЦВ. Также из текста Закона явствует, что его предметную сферу составляет и правоотношение погашение ЦФА и ЦВ, хотя и не названо законодателем в ст. 1 Закона предметом регулирования, но следует из логики стадий обращения ЦФА и ЦВ как единого правоотношения и вытекает из анализа текста самого Закона.

Для верного и непротиворечивого в долгосрочной перспективе решения о правовом режиме обращения ЦФА и ЦВ в первую очередь необходимо исследовать вопрос о правовой природе ЦФА и ЦВ. Законодатель оперирует понятием цифровых прав, включающих одновременно цифровые финансовые активы и иные цифровые права (п.6 ст.1. ФЗ о ЦФА). Гражданский кодекс [1] ст.128 относит цифровые права к имущественным правам, а в силу ФЗ о ЦФА цифровые права признаются цифровыми финансовыми активами. Отметим, что законодатель в ФЗ о ЦФА колеблется в определении родового и видового, указывая категорию ЦФА более узкой и включая её в ЦА. Тем не менее, в соответствии с п. 4 ст. 1 ФЗ о ЦФА цифровыми финансовыми активами возможно удостоверение прав исключительно на эмиссионные ценные бумаги. Правовой режим эмиссионных ценных бумаг регулируется — ФЗ о РЦБ, в силу которого все эмиссионные ценные бумаги за исключением специально определенных федеральным законодательством являются бездокументарными ценными бумагам, т.е. в соответствии со ст.128 относятся к имущественным правам. Таким образом, правовая конструкция цифровых активов в числе цифровых финансовых активов представляет собою имущественные права на имущественные права.

В число цифровых прав законодатель включил: 1) денежные требования; 2) возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам; 3) права участия в капитале непубличного акционерного общества; 4) право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг. Важно отметить, что цифровыми правами охватываются только те права требования и участия, которые установлены решением о выпуске цифровых финансовых активов. Данным императивным требованием ФЗ о ЦФА об ограничении объёма прав, закрепляемых цифровыми активами, одновременно устанавливается необходимость наличия решения о выпуске ЦФА, а также условие выпуска, учета и обращения ЦФА исключительно посредством внесения и (или) изменения записей в информационные системы, в том числе в информационную систему на основе распределенного реестра.

Выработав закрытый перечень цифровых прав и указав в их числе права участия в капитале исключительно непубличных акционерных обществ, законодатель дал понять, что отграничил ЦФА как предмет регулирования от регулирования рынка ценных бумаг и обращающихся на нём эмиссионных ценных бумаг публичных обществ, и одновременно определил инвестиционную целевую направленность закона о цифровых активах.

Инвестиционный стимул прослеживается и в регламентации понятия и правового режима цифровой валюты. ФЗ о ЦФА легально закрепляет дефиницию цифровой валюты, которой признается совокупность электронных данных. Под совокупностью электронных данных понимается цифровой код или обозначение, содержащиеся в информационной системе, которые способны быть приняты в качестве средства платежа, который при этом не являются денежной единицей Российской Федерации или денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей. Законодатель определяет, что цифровая валюта может служить средством инвестирования. Условием выполнения инвестиционной функции является отсутствие прав требования на ЦВ от обладателей электронных данных за исключением требований инфраструктурных организаций. Такими организациями в настоящее время являются только. Исключительно оператор и узлы информационной системы

обязаны является обеспечить соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению или изменению записей по правилам информационной технологии.

Выпуск цифровых финансовых активов, регламентируется ст. 2 ФЗ о РЦБ, из которой следует четыре требования, предъявляемые к: 1) моменту возникновения прав из ЦФА; 2) виду и объему удостоверяемых ЦФА прав; 3) субъектам, уполномоченным осуществить выпуск ЦФА; 4) полномочиям мегарегулятора по определению порядка. Как и в отношении бездокументарных ценных бумаг в установлении процедуры выпуска ЦФА ведущая роль отводится регламентации решения о выпуске цифровых финансовых активов (ст.3 ФЗ о ЦФА). Решение о выпуске цифровых финансовых активов должно содержать сведения об эмитенте; бенефициарном владельце, о сайте эмитента, об операторе информационной системы; вид и объем прав требования из ЦФА и их количество; условия признания выпуска ЦФА завершенным; цену приобретения цифровых финансовых активов и порядок ее определения; дату начала размещения ЦФА и способ их оплаты, а также, если предусмотрено, использования обеспечения; указание на наличие ограничения пределов ответственности эмитентов ЦФА.

Учет и обращение ЦФА регулируются ст.4 ФЗ о ЦФА, исходя из требований: 1) единства выпуска, учёта и обращения ЦФА в информационной системе в виде записей; 2) осуществления записей способами, установленными правилами конкретной информационной системы; 3) установления порядка доступа к информационной системе посредством обладания уникальным кодом; 4) осуществления изменений записей о ЦФА по указанию уполномоченных лиц; 5) отражения ограничений, обременений и прекращения обязательств по ЦФА.

Обратим на то, что предусмотренные ФЗ о ЦФА изменения, вносимые в ряд Федеральных законов статьями 19, 21, 22, содержат указание признавать цифровую валюту имуществом для целей изменяемых законов. Такая юридическая техника не может считаться удовлетворительной даже в целях решения текущих задач. Непригодность распространения правового режима имущества на ЦФА следует не только из непосредственного противоречия концепции единства правового регулирования оборота ЦФА и ЦВ, но вносит диссонанс в правоприменительную практику. Внесение выборочных исключений из общегражданской классификации объектов гражданских прав для отдельных видов и ряда сфер регулирования порождает коллизионность вместо выработки универсального режима. Выборочное «выхватывание» из единого правового режима, отдельных объектов гражданских прав следует объяснять нежеланием развивать теоретическую концепцию, а не недостатком правового аппарата. Это тем более странно на фоне тенденции унификации выпуска и обращения появляющихся новых видов объектов гражданских прав, просматривающейся в текущем нормативном обеспечении фондового рынка. Методика отработана на практике правового регулирования эмиссии и обращения бездокументарных ценных бумаг, формирование которого продолжается и в настоящее время в силу объективных экономических и технологических трансформаций и соответствующей реакции юридической практики. Отметим, что в формировании правового регулирования выпуска и обращения ЦФА и ЦВ происходящем относительно самостоятельно, тем не менее, учитывается опыт регулирования РЦБ. Вполне очевидно данный отечественный опыт весьма ценен в юридической технике регулирования выпуска ЦФА, их учёта и обращения, методически грамотно формирует правовой режим цифровых финансовых активов и цифровой валюты в российском правовом порядке.

Литература / References:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 09.03.2021). Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, N 32, ст. 3301.
2. Федеральный закон от 22.04.1996 N 39-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «О рынке ценных бумаг» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2021) «Собрание законодательства РФ», N 17, 22.04.1996, ст. 1918.
3. Федеральный закон от 31.07.2020 N 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 31.07.2020.
4. Положение Банка России от 19.12.2019 N 706-П «О стандартах эмиссии ценных бумаг» (Зарегистрировано в Минюсте России 21.04.2020 N 58158). Официальный сайт Банка России <http://www.cbr.ru/>, 30.04.2020
5. Арнаутков Д.Р., Ерохина М.Г. Цифровые активы в системе российского права // Российский юридический журнал. 2019. N 4. С. 148–157.
6. Булгаков В. В., Попов М.С., Заражин С.А. Возникновение права собственности на землю в силу закона // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. № 5–5. С. 30–31.

7. Защита данных: научно-практический комментарий к судебной практике/ Э.В. Алимов, Д.Р. Алимова, Х.И. Гаджиев и др.; отв. ред. В.В. Лазарев, Х.И. Гаджиев. М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2020. 176 с.
8. Кириллова Е.А. Основные проблемы наследования цифровых активов// Наследственное право. 2020. N 2. С. 37–39.
9. Кочанова Т. Закон об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций. Чего ожидать простым гражданам? // Жилищное право. 2020. N 7. С. 55–61.
10. Павлов В.П. Цифровая форма финансовых обязательств: проблемы правового регулирования// Банковское право. 2018. N 3. С. 37–40.
11. Цифровые активы могут признать имуществом: Почему Госдума намерена запретить использовать криптовалюту как средство платежа // «Коммерсантъ FM» от 21.07.2020 [https://www.kommersant.ru/doc/4440705?query=%D1%86%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D0%B5%20%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%B8%D0%B2%D1%8B](https://www.kommersant.ru/doc/4425479?query=%D1%86%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D0%B5%20%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%B8%D0%B2%D1%8B; Путин подписал закон о цифровых активах и криптовалюте/ «Коммерсантъ» 31.07.2020 <a href=)

УДК 342.5

Научная специальность — 12.00.14

СНИЖЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОГО ДАВЛЕНИЯ НА БИЗНЕС. БАЛАНС ИНТЕРЕСОВ

Андрей Борисович Новиков,

заведующий кафедрой конституционного
и административного права СПбГЭУ,
доктор юридических наук, доцент
Контакты: 7-я Красноармейская ул. д.6/8,
г. Санкт-Петербург, 190005
E-mail: docanovikov@mail.ru
Тел.: 8(812)4589723

Аслан Пахливанович Назаров,

ассистент кафедры конституционного
и административного права СПбГЭУ
Контакты: 7-я Красноармейская ул. д.6/8,
г. Санкт-Петербург, 190005
E-mail: apnazar@yandex.ru
Тел.: 8(812)4589765

Аннотация. Снижение административного давления на бизнес является одним из ожидаемых результатов повышения эффективного контрольно-надзорной деятельности. При этом, в ходе реализации указанного процесса необходимо учитывать интересы граждан (как конечных потребителей, бенефициаров контрольно-надзорной деятельности), субъектов коммерческой (предпринимательской) деятельности, государства.

Ключевые слова: контроль, снижение административного давления, граждане, государство, хозяйствующие субъекты.

REDUCING ADMINISTRATIVE PRESSURE FOR BUSINESS. BALANCE OF INTERESTS

Andrey B. Novikov,

head of the Department of Constitutional
and Administrative Law St. Petersburg State University of Economics,
doctor of Law, associate Professor
Контакты: 7-я Красноармейская ул., д. 6/8,
Contacts: 7-ya Krasnoarmeyskaya str., 6/8, St. Petersburg,
Russia, 190005

Aslan P. Nazarov,

assistant Professor of the Department of Constitutional
and Administrative Law St. Petersburg State University of Economics St. Petersburg State University
Contacts: 7-ya Krasnoarmeyskaya str., 6/8, St. Petersburg,
Russia, 190005

Abstract. Reducing the administrative pressure on business is one of the expected results of improving the effective control and supervisory activities. At the same time, during the implementation of this process, it is necessary to take into account the interests of citizens (as end users, beneficiaries of control and supervisory activities), subjects of commercial (entrepreneurial) activity, and the state.

Keywords: control, reduction of administrative pressure, citizens, the state, economic entities.

Реализация публичными уполномоченными органами контрольно-надзорных функций направлена на защиту прав и законных интересов граждан России, обеспечение соблюдения охраняемых общественных отношений в различных сферах деятельности путем предупреждения, выявления и пресечения нарушений обязательных требований.

Вместе с тем, контрольно-надзорная деятельность (далее — КНД) непосредственно оказывает влияние на условия ведения предпринимательской деятельности в стране, то есть рассматривается в качестве административного давления на субъектов коммерческой (предпринимательской) деятельности. В конечном итоге КНД вносит свой вклад в вопросах инвестиционной привлекательности России.

Отметим, что при рассмотрении вопроса повешения эффективности КНД в обязательном порядке необходимо учитывать интересы граждан, бизнес-сообщества, контрольно-надзорных органов.

Ежегодно Уполномоченным при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей подготавливается и публикуется «Индекс административного давления» (далее также — Индекс) в качестве обязательного приложения к докладу Президенту Российской Федерации.

Так, согласно Индексу-2020:

— общее число плановых и внеплановых проверок на всех уровнях власти с 2012 года снизилось на 41 %, однако снижение числа внеплановых проверок на федеральном уровне, оказалось компенсировано увеличением проверок на региональном и муниципальном уровне, в первую очередь за деятельностью по управлению многоквартирными домами;

— в 2019 году к административной ответственности было привлечено более 1 млн только юридических лиц (каждое 4-е юридическое лицо из числа действующих) — для сравнения, в 2015 году к ответственности было привлечено порядка 400 тыс. организаций. При этом, общий размер административных штрафов, назначенных по делам об административных правонарушениях в сфере экономики, по данным Росстата России, превысил 240 млрд. рублей [1, с. 32].

Аналогичная тенденция избыточного административного давления на бизнес — сообщество подтверждается докладом Российского союза промышленников и предпринимателей о состоянии делового климата в 2019–2020 годах.

Проверки со стороны контрольно-надзорных органов проходили почти во всех компаниях, принявших участие в опросе. Только 13 % организаций ответили, что в 2019 году к ним не заходили проверяющие органы. 47,7 % респондентов указали, что в их компаниях проходили и плановые, и внеплановые проверки. В трети организаций были только плановые проверки. Минимальную долю набрал вариант «в компании проходили только внеплановые проверки» — 5,8 %. Главный недостаток в работе контрольно-надзорных органов при проведении проверок — требование избыточного, по сравнению с законом, числа документов. Более трети респондентов указали этот вариант [2, с. 20].

Снижение административного давления, ориентация КНД на профилактические мероприятия, практическое применение электронного документооборота при взаимодействии с контрольно-надзорными органами, определяют сущность и основу интересов хозяйствующих субъектов.

Граждане являются конечными бенефициарами деятельности контрольно-надзорных органов.

Как следует из доклада РАНХиГС «Оценка динамики результативности контрольно-надзорной деятельности государства с позиции граждан как ее конечных бенефициаров» в среднем уровень защищенности значимых для граждан охраняемых законом ценностей оценили как достаточный (т. е. «очень высокий» или «скорее высокий») 34,3 % респондентов. В 2018 г. как достаточный его оценили 30 % респондентов [3, с. 18].

Таким образом, основным запросом граждан является повешение эффективности КНД в целях обеспечения высокой степени защищенности охраняемым законом ценностям (жизнь и здоровье граждан; сохранность имущества граждан; права, свободы и законные интересы граждан; сохранность животных, растений, иных объектов окружающей среды; сохранность объектов, имеющих историческое, научное, культурное значение).

Повышение эффективности деятельности органов контроля и надзора, оптимизация такой деятельности отражают потребности государственной системы управления, то есть снижения расходов на содержание штата государственных и муниципальных служащих без ухудшения качества работы.

Так, только на начало 2018 года в Российской Федерации осуществлялось 160 видов государственного контроля (надзора), 44 вида — на региональном уровне, 11 видов муниципального контроля [3, с. 8].

По оценкам Минэкономразвития России, в системе контрольно-надзорных органов на федеральном уровне работает более 200 тыс. человек, а совокупные расходы на данную деятельность составляют более 500 млрд руб. в год. Издержки бизнеса от избыточного административного давления оцениваются различными экспертами от 2 % до 5 % ВВП, что в денежном выражении составляет от 1,5 трлн руб. до 3,5 трлн руб. [3, с. 8]. Следовательно, повышение эффективности контрольно-надзорной деятельности в полной мере удовлетворяет потребности бизнес-сообщества, граждан, а также публичных уполномоченных органов, осуществляющих контроль (надзор).

Правовое обеспечение эффективности КНД осуществляется разработанным и принятым Федеральным законом от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (далее — Федеральный закон № 248-ФЗ), содержащий ряд нововведений.

Стимулирование добросовестного соблюдения обязательных требований является одним из принципов, установленных Федеральным законом № 248-ФЗ.

Такой принцип закрепляет приоритетность профилактических мероприятий, направленных на снижение риска причинения вреда (ущерба), при осуществлении КНД, а также стимулирование к добросовестному соблюдению обязательных требований.

Рассмотрим некоторые мероприятия профилактического характера.

Статьей 48 Федерального закона № 248-ФЗ предусматривается принятие мер стимулирования добросовестности, направленные на мотивацию контролируемых лиц к соблюдению обязательных требований (в случае если такие меры установлены положением о виде контроля). При этом в качестве показателей добросовестности учитываются, в том числе реализация контролируемым лицом мероприятий по снижению риска причинения вреда, независимая оценка соблюдения обязательных требований.

Следующая мера — профилактический визит (статья 52 Федерального закона № 248-ФЗ), который проводится инспектором в форме профилактической беседы по месту осуществления деятельности контролируемого лица (в том числе, с использованием видео-конференц-связи).

В ходе профилактического визита инспектором может осуществляться консультирование контролируемого лица, а также предусмотрена возможность осуществления инспектором сбора сведений, необходимых для отнесения объектов контроля к категориям риска.

При этом, предусматривается первоочередное проведение обязательных профилактических визитов в отношении контролируемых лиц, приступающих к осуществлению деятельности в определенной сфере, а также в отношении объектов контроля, отнесенных к категориям чрезвычайно высокого, высокого и значительного риска.

О проведении обязательного профилактического визита контролируемое лицо должно быть уведомлено не позднее чем за пять рабочих дней до даты его проведения. При проведении профилактического визита предписания об устранении нарушений обязательных требований не выдаются, а разъяснения, полученные контролируемым лицом в ходе такого визита, носят рекомендательный характер.

В случае, если при проведении профилактического визита установлено, что объекты контроля представляют явную непосредственную угрозу причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям или такой вред (ущерб) причинен, инспектор незамедлительно направляет информацию об этом уполномоченному должностному лицу контрольного (надзорного) органа для принятия решения о проведении контрольных (надзорных) мероприятий.

Статьей 51 Федерального закона № 248-ФЗ предусматривается в качестве одной из мер профилактического характера — самообследование (в зависимости от вида контроля).

Контролируемое лицо добровольно определяет уровень соблюдения им обязательных требований путем проведения самостоятельной оценки такого соблюдения в автоматизированном режиме одним из способов, указанных на официальном сайте органа контроля (надзора).

По итогам самообследования, подконтрольный субъект может принять декларацию соблюдения обязательных требований (при условии высокой оценки соблюдения), подлежащей регистрации в органе контроля (надзора). Такая декларация действует от одного года до трех лет. Декларация может быть использована в рекламной продукции контролируемого лица.

Также необходимо отметить, что законодатель предоставил возможность проведения независимыми аккредитованными организациями вышеуказанной оценки, по результатам которой выдается заключение, подтверждающее соблюдение обязательных требований.

Наличие заключения исключает правовую возможность проведения плановых контрольных (надзорных) мероприятий в течение действия данного заключения (предельный срок действия устанавливается законодательством о соответствующем виде контроля).

Можно отметить, что Федеральный закон № 248-ФЗ устанавливает широкий спектр профилактических мероприятий с возможностью индивидуального применения.

Следовательно, деятельность органов контроля (надзора) будет неизбежно переориентирована (с 01.07.2021) в большей степени на предупреждение нарушений обязательных требований, что повлечет за собой снижение административного давления на субъектов предпринимательской (коммерческой) деятельности с одновременным удовлетворением потребностей граждан в обеспечении высокой степени защищенности охраняемым законом ценностей.

Немаловажным принципом, закрепленным в статье 9 Федерального закона № 248-ФЗ, является соразмерность вмешательства в деятельность контролируемых лиц.

Выбираемые профилактические мероприятия, контрольные (надзорные) мероприятия, а также меры реагирования должны быть соразмерными характеру нарушений обязательных требований, вреду (ущербу), который причинен или может быть причинен охраняемым законом ценностям. При этом предусматриваются аналогичные ограничения в отношении применяемых контрольно-надзорных действий в рамках мероприятий.

Таким образом, указанный принцип призван исключить любые злоупотребления со стороны органов контроля (надзора) и их должностных лиц в отношении субъектов предпринимательской деятельности, «формальное» проведение проверочных мероприятий без учета и оценки финансового положения контролируемого лица, характера и степени нарушения обязательных требований.

В перспективе в качестве ожидаемого результата указанного процесса рассматривается реформирование деятельности органа КНД на более адресный, индивидуальный характер.

В подтверждении указанного довода приведем положения Федерального закона № 248-ФЗ.

В случае несогласия с фактами, выводами, предложениями, изложенными в акте проверки (оформленного по результатам контрольных мероприятий), контролируемое лицо вправе предоставить уполномоченному органу оформленные в письменном виде возражения.

При поступлении таких возражений орган КНД обязан назначить и провести консультации с контролируемым лицом по вопросу рассмотрения возражений (не позднее 5 рабочих дней со дня поступления). Результаты консультаций оформляются протоколом, к которому прилагаются документы, представленные субъектами коммерческой деятельности.

В дальнейшем протокол подлежит рассмотрению органом контроля (надзора) при принятии решения по результатам контрольно-надзорных мероприятий.

Необходимо отметить, что практическая переориентация деятельности уполномоченных органов контроля и результаты такой деятельности, тем более ожидаемый эффект для инвестиционного климата, для бизнес-сообщества, состоится не ранее чем по истечению 2-х лет со дня вступления в силу Федерального закона № 248-ФЗ (при оптимистичном прогнозе).

Вместе с тем, пандемия новой коронавирусной инфекции (COVID-19) придавала особую актуальность повышению эффективности контрольно-надзорной деятельности.

Согласно консенсус-прогнозу FocusEconomics ожидается спад капвложений в России в 2020 году на 9,7 %. Также отметим, что в первой половине 2020 года показатели инвестирования в экономику России стали отрицательными. Основной объем инвестиций приходится на субъектов малого предпринимательства и микробизнес (21 % всех инвестиций). Снижение капитальных вложений со стороны указанной категории субъектов во втором квартале составило 7,6 % (по сравнению с аналогичным периодом) [4].

Кроме того, восстановление экономики — приоритетная задача деятельности Правительства Российской Федерации до 2024 года, в рамках которой планируется восстановление и стимулирование предпринимательской активности, восстановления занятости и доходов населения.

Воплощение нововведений в контрольно-надзорной сфере окажет положительное воздействие на восстановление экономики страны.

Литература/References:

1. Индекс «Административное давление — 2020» приложение к докладу Уполномоченному при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей Президента Российской Федерации/Москва 2021 г., <https://ombudsmanbiz.ru>, 68 с.
2. Доклад РСПП о состоянии делового климата в 2019–2020 годах/Москва 2020 г., <https://www.rspp.ru>, 51 с.
3. Оценка динамики результативности контрольно-надзорной деятельности государства с позиции граждан как ее конечных бенефициаров / В.Н. Южаков, Е.И. Добролюбова, А.Н. Покида, Н.В. Зыбуновская, Е.В. Масленникова // науч. ред. Южаков В.Н. — М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2020, 126 с.
4. <https://www.focus-economics.com>.

УДК 343.2/7

Код специальности — 12.00.08

СПЕЦИФИКА ОТРАЖЕНИЯ ФАКУЛЬТАТИВНЫХ ПРИЗНАКОВ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ПЕСЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ ОСУЖДЕННЫХ

Крайнова Надежда Александровна,

декан юридического факультета
Санкт-Петербургского государственного
экономического университета,
кандидат юридических наук, доцент
Контакты: ул. 7-я Красноармейская, д. 6/8, Санкт-Петербург,
Россия, 190005. E-mail: kna1976@rambler.ru
т. 8 (911) 113-66-55

Радощнова Наталия Валерьевна,

доцент кафедры уголовного права и
уголовного процесса Санкт-Петербургского государственного
экономического университета, кандидат юридических наук
Контакты: ул. 7-я Красноармейская, д. 6/8, Санкт-Петербург,
Россия, 190005. E-mail: radoshnova@bk.ru
т. 8 (921) 945-89-73

Крайнов Виталий Викторович

Инженер-программист компании «Яндекс» в СПб
Контакты: Пискаревский пр-т 2, корп. 2Щ, Санкт-Петербург,
Россия, 195027, e-mail: djvantuz1@gmail.com
т.: 8(911)117-47-33

Аннотация. Работа посвящена исследованию некоторых аспектов отражения уголовно-правовых норм в криминальной (или тюремной) субкультуре), нашедших свое выражение в песенном творчестве осужденных. Авторы приводят примеры песенного творчества, частушек и прибауток, сопоставляя их с признаками объективной стороны состава преступления. В работе анализируется специфика преломления уголовно-правового содержания в контексте социокультурных взаимосвязей, составляющих криминальную субкультуру.

Ключевые слова: состав преступления, песенное творчество осужденных, криминальная (тюремная) субкультура, осужденные, социализация.

OPTIONAL ELEMENTS OF THE CORPUS DELICTI IN RUSSIAN FOLKLORE

Nadezhda A. Kraynova,

Dean of the Faculty of Law
St. Petersburg State University of Economics,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.
Contacts: Street 7-I Krasnoarmeyskaya, St.-Petersburg, Russia, 190005

Natalia V. Radoshnova

Associate Professor of the Department of Criminal Law and
criminal procedure of the St. Petersburg State
University of Economics, Candidate of Legal Sciences,
Contacts: Street 7-I Krasnoarmeyskaya, St.-Petersburg, Russia, 190005

Vitaly V. Kraynov,

software engineer of the company «Yandex» in St. Petersburg
Contacts: Piskarevsky ave. 2, bldg. 2SCH, St. Petersburg,
Russia, 195027

Abstract. The work is devoted to the study of some aspects of the reflection of criminal law norms in the criminal (or prison subculture), which found their expression in the songwriting of convicts. The authors give examples of songwriting, ditties and jokes, comparing them with the signs of the objective side of the corpus delicti. The paper analyzes the specifics of the refraction of criminal law content in the context of socio-cultural relationships that make up the criminal subculture.

Keywords: the composition of the crime, songwriting of convicts, the criminal (or prison subculture), convicts, socialization.

Уголовно-правовые нормы, определяющие признаки конкретных составов преступлений, формулирующие правила привлечения к уголовной ответственности, являются жесткими императивами, позволяющими четко отделить преступное от непроступного. Статья 8 УК РФ определяет состав преступления единственным основанием для привлечения к уголовной ответственности. Таким образом, только то, что предусмотрено Уголовным кодексом может считаться преступлением и влечь уголовную ответственность.

Однако уголовно-правовые нормы не являются искусственной, исключительно теоретической конструкцией. Связь уголовного права с реальной действительностью взаимообусловлена: как наиболее опасные общественные отношения становятся уголовно-правовыми нормами, так и последние даже своим существованием носят предупредительный характер. Они проникают в общественное сознание и растворяются в нем, визуализируясь в общественных отношениях, в том числе и народном песенном творчестве, образуя элемент социокультурной среды.

Песенное творчество осужденных является одним из элементов криминальной (тюремной) субкультуры, сложившейся в России за долгие годы и ставшей неотъемлемой частью общей российской культуры. Изначально сформировавшись как альтернатива идеологически зависимой государственной культуры, тюремная субкультура переросла пространственные рамки и стала интегрироваться в общемировую культуру. Говоря о взаимопроникновении и взаимовлиянии культуры и субкультур, Е.Г. Багреева справедливо отмечает, что именно социальная среда способствует развитию специфики субкультуры. Социальная среда преступного мира определяет содержание, характер и форму продуктов творчества осужденных. Именно поэтому они приобщаются к уголовной лирике, а не к музыке, поэзии и прозе [4. С. 86]. Следует отметить, что опосредованно через восприятие на ментальном уровне речь идет о реализации именно уголовно-правовых норм.

Между криминальной субкультурой и общей культурой идут процессы взаимовлияния и взаимодействия, что проявляется в трансформации некоторых форм общекультурного творчества в субкультуральные элементы и наоборот. Так, например, Е.Г. Багреева приводит примеры трансформации жанра городского романса, который был воспроизведен в жанре уголовного лирического романса. Такая же судьба постигла и жанр классической баллады. [4. С. 88]. В этой связи в целях настоящего исследования под песенным творчеством осужденных мы будем понимать не только созданные самими осужденными поэтические произведения, но и все то, что отражает опосредованную реализацию признаков состава преступления.

Наличие в действиях лица признаков состава преступления является криминообразующим фактором, исследование которого сквозь призму песенного творчества осужденных представляет особый интерес. Среди признаков состава преступления наиболее востребованными песенным творчеством являются признаки объективной стороны: деяние, причинная связь, последствия, способ, время, место, обстановка совершения преступления.

Место преступления — это территория, с которой связано совершенное преступление. В уголовном праве таковыми являются исключительно географические понятия: ст.ст. 253 (континентальный шельф); 258 (территория заповедника или заказника, зона экологического бедствия); 322 (государственная граница Российской Федерации); 337 (территория части или место несения службы) УК РФ. Данные факкультативные признаки преступления наглядно представлены, например, в песне неизвестного автора, прославляющей уголовные подвиги, которую в свое время исполнял Л.О. Утесов:

«С одесского кичмана, сбежали два уркана,
Бежали два уркана в дальний путь.
Под Вяземской малиной они остановились,
Они остановились отдохнуть».

Под одесским кичманом (так на жаргоне именуется тюрьма) подразумевается Одесский тюремный замок, возведенный по проекту Санкт-Петербургского профессора архитектуры Антонина Томишко в 1891–1894 гг., который являлся и архитектором легендарных питерских «Крестов». Интересно, что на 5-м Международном конгрессе в Париже в 1895 г. Одесская и Петербургская пересыльные тюрьмы были признаны лучшими в Российской империи (на тот период времени таких «крыток» по России насчитывалось 895) [1. С. 14]. Видимо, стоит отметить, что в Российской империи при строительстве этих тюрем были впервые осуществлены на практике идеи великих английских гуманистов и печальников об облегчении участи заключенных — Д. Говарда и И. Бентама.

Время совершения преступления — это временной промежуток, в течение которого совершено преступление, например, ст. 198 УК РФ предусматривает уголовную ответственность лица, виновного в укло-

нении от уплаты налогов и (или) сборов с физического лица за период трех финансовых лет подряд. Но также можно вспомнить и куплеты одной из самых популярных песен лагерного фольклора «По тундре, по железной дороге»:

«Это было весной, зеленеющим маем,
Когда тундра оделась, развернулась ковром;
Мы бежали из зоны, замочив вертухая,
Мы бежали из зоны, покатали шаром.
По тундре, по железной дороге,
Где мчится скорый Воркута-Ленинград,
Мы бежали с тобою, опасаясь погони,
Чтобы нас не догнал автоматный заряд» [1. С. 14].

Автором первоначального варианта песни считается писатель и поэт Г.М. Шурмак (1925–2007).

Обстановка совершения преступления — это условия совершения преступления, например, ст. 345 УК РФ — оставление погибающего военного корабля. Ну а об обстоятельствах еще одного преступления нам расскажет жестокий городской романс «Как на кладбище Митрофаньевском», имевший огромный успех в 20–50 гг. XX в., который исполнялся по всему Советскому Союзу:

«Потюремщики, сотоварищи, я вам песню сейчас пропою,
Как на кладбище Митрофаньевском отец дочку зарезал свою.
Отец с матерью жили весело, но судьба их нележкой была:
Над дитем она надсмеялась, мать в сырую могилу свела.
Отец дочь люби крепче матери, но недолгой была благодать.
Он нашел себе жену новую: «Это Надя тебе будет мать».
Злая мачеха ненавидела семилетнюю сироту.
Хоть ничем её не обидела, но она наказала отцу:
«Ты убей её или сдай в приют, только сделай всё побыстрей,
А не сделаешь, тогда я уйду — мне одной будет жить веселей».
Затаил отец мысль злодейскую, перестал он сиротку любить.
В детский лом отдать было совестно — и решил отец дочку убить:
«Надя милая, подойди ко мне, я хочу тебе что-то сказать.
Мы пойдем с тобой нынче вечером на могилку проведывать мать».
А на кладбище Митрофаньевском дочь узнала про думы отца.
Подошел он к ней, лицо бледное: «Надя, Надя прости подлеца».
Тут блеснул кинжал, тут раздался крик, кровь горячая тут потекла.
Собрался народ вокруг сироточки, а Надюша уж мертвой была.
Я кончаю петь песню грустную и хочу вам, робяты, сказать:
Как умрет у вас жена первая, то вторая уж детям не мать».

Возникновение Митрофаньевского кладбища связано с холерной эпидемией 1831 г. в Петербурге. Хоронить умерших от холеры на общих кладбищах отказывались, поэтому было принято решение для их погребения выделить участок, находившийся между городской свалкой «Горячим полем» и деревней Тантелевской. Сначала кладбище так и называли Тантелевским. После постройки на его территории в 1835 г. церкви святого чудотворца Митрофания, епископа Воронежского, оно было переименовано в Митрофаньевское, хотя в народе называлось «Холерным».

Митрофаньевское кладбище не было богатым и престижным. К середине XIX в. здесь хоронили людей среднего достатка, таких, как, например, поэт и переводчик Л. Мей, актриса Е. Семенова, чьим талантом восхищался А.С. Пушкин, польская пианистка Е. Шимановская. И как мы помним, именно здесь был похоронен отставной титулярный советник С.З. Мармеладов — отец Сонечки.

В 50-е гг. XX в. на месте кладбища шумела барахолка, потом её сменили склады, гаражи и свалки. Но память о кладбище сохранилась в названиях Митрофаньевской улицы, Митрофаньевского шоссе. В 2009 г. на мемориальном участке был установлен поклонный крест и открылся музей памяти. В 2011 г. установлен мемориал, в котором была увековечена память о выдающихся российских ученых и инженерах, членов военных династий, могилы которых находились на территории Митрофаньевского кладбища.

Рассказывая о Митрофаньевском кладбище нельзя не сказать, что специальность «Митрофаньевских нищих» приносила такие доходы, что сюда тянулись попрошайки со всей России. А приведенный нами жестокий романс был создан неизвестными авторами по публикациям ленинградских газет 1925 г.

об убийстве чертежником фабрики Гознака Василием Путятиным в конце октября своей девятилетней дочери Надежды [3].

Способ совершения преступления — это приемы и методы, используемые лицом при совершении преступления, — конкретные способы совершения хищения, перечисленные в ст.ст. 158, 159, 160, 161 УК РФ: кража, мошенничество, присвоение, растрата, грабеж, разбой; п. «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ: убийство, совершенное общеопасным способом. Ну а в качестве примера иллюстрации этого факультативного признака приведем куплет из песни В. Баснера и М. Матусовского «Корешок мой Сенечка и я»:

«...В очередь носили мы брюки и подштанники,
 Всё на свете семечки друзья,
 В дом любой входили мы только через форточку,
 Корешок мой Сенечка и я
 В МУРе был начальник, знал он всех законников,
 Он дела завел на нас друзья.
 Знал, что мы домушники, знал, что мы карманники,
 Корешок мой Сенечка и я.
 Знала вся милиция, обходились вежливо,
 Прокуроры знали нас друзья.
 Были мы товарищи, а теперь подельники,
 Корешок мой Сенечка и я...» [2].

Орудия и средства совершения преступления — это орудия и приспособления, при помощи которых было совершено преступление, например, ч. 1 ст. 213 УК РФ — хулиганство с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия. Но и в этом случае возможно привести воровскую балладу «Медвежонок» или «Ограбление Азовского банка», которая была впервые опубликована в сборнике «В Петрограде я родился ... Песни воров, арестантов, громил, душегубов, бандитов из собрания О. Цеховничера. 1923–1927 гг.». Время создания этой баллады, по мнению известного советского литературоведа и театроведа О.М. Цеховничера (1899–1941), относится к 1886 г., времени создания Петербургско-Азовского банка в имперской столице — Петербурге и до завершения деятельности банка в 1914 г.:

«Вспомним холодную ноченьку темную,
 В легких санях мы неслись втроем,
 Лишь на углах фонари одинокие,
 Тусклым горели огнем.
 В наших санях под медвежьей полостью
 Желтый стоял чемодан,
 Каждый в кармане невольно рукою,
 Щупал холодный наган.
 Тихо поехали к дому знакомому,
 Вылезли, молча пошли,
 Тихо отъехали сани с извозчиком,
 В снежной теряясь пыли.
 Двое вошли под ворота угрюмые
 Двери без шума вскрывать,
 Третий остался на улице тёмной,
 Чтобы сигналы давать.
 Тихо вошли в помещение мрачное,
 Стулья, конторки, шкафы.
 Вот «медвежонок»* глядит вызывающе,
 Прямо на нас с темноты.
 Помню как свёрла стальные и крепкие,
 Точно два шмеля жужжа,
 Вмиг провертели четыре отверстия
 Против стального замка.
 Помню, как дверца стальная открылась,

* «Медвежонок» — маленький сейф, несгораемый шкаф (жарг.). От «медведь» — сейф.

Я не спускал с неё глаз.
Ровными пачками деньги заветные
С полок смотрели на нас.
С поным портфелем обратно мы ехали,
Деньги не смея считать.
Всю мы мечтали в ту ночь беззаветную
Жизнь по другому начать
Долю тогда получил я не малую,
Тысяч пятнадцать рублей.
Дал себе слово покинуть товарищей,
Выехать в несколько дней ...» [1. С. 233–234].

Как представляется, данная баллада иллюстрирует изменения специализации профессиональных преступников, так как здесь наглядно представлена такая уголовная специальность конца XIX — начала XX вв. как «польские воры», основной особенностью которой, в отличие от «медвежатников», было вскрытие сейфов без видимых повреждений, с помощью специальных технических устройств. И только в советский период все профессиональные взломщики сейфов стали носить общее название «медвежатников», уже без учета техники совершения указанного преступления.

В целом для тюремных песен характерна простота изложения и содержательная направленность. Часто в них используются слова из так называемого тюремного жаргона, однако при этом смысл используемых слов прост и понятен. Песенное творчество осужденных отражает чувства, эмоции, переживания, внутренний духовный мир. Мотивы песен мелодичны и не отличаются сложностью. Все это обуславливает высокую степень «приживаемости» песенного творчества осужденных в общей культуре общества, привлекательность для использования в коммерческих целях (например, некоторые популярные исполнители и группы используют интонации и тексты «блатного» творчества в своих выступлениях: группа «Лесоповал», Шнур, В. Токарев и т.д.), распространенность в молодежной среде (молодежная культура «АУЕ»). Признавая существование песенного творчества как элемента криминальной субкультуры признавая саму тюремную субкультуру как элемент общей культуры, нельзя, в тоже время, недооценивать опасности ее распространения, негативного влияния на процессы социализации несовершеннолетних.

Таким образом, проведенное исследование демонстрирует примеры использования в песенном творчестве осужденных уголовно-правовой тематики, некоторые аспекты взаимодействия уголовно-правовых норм и традиций песенного творчества. Изучение взаимного проникновения уголовно-правовых норм, уголовно-правовых конструкций и народного песенного фольклора представляется интересным и полезным с точки зрения выявления степени такого взаимопроникновения, влияния на общий культурный фон. Содержательное исследование продуктов песенного творчества осужденных имеет не только теоретический, но и практический интерес, так как позволяет глубже понять механизм его возникновения, развития, в том числе проникновения в общую культуру общества. Опасность такого проникновения, «расползания» элементов субкультуры преступного мира нельзя недооценивать, так как неконтролируемое распространение, чрезмерная идеализация элементов тюремной субкультуры, особенно в молодежной среде, может привести к крайне нежелательным последствиям.

Литература / References:

1. Сидоров А.А. По тундре, по железной дороге: И вновь звучат блатные песни! / А.А. Сидоров. М.: Прозаик, 2013. 367 с.
2. Корешок мой Сенечка и я...» [Электронный ресурс]. URL: // <http://www.shansonprofi.ru> Музей шансона: Архив: Заметки (дата обращения: 13.02.2021 г.).
3. Народный ретро-хоррор: газетный романс о Митрофаньевском кладбище [Электронный ресурс]. URL: // <http://www.m.vk.com> (дата обращения: 12.02.2021 г.).
4. Багреева Е.Г. Социокультурные основы ресоциализации преступников. Дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 2003. 371 с.

УДК 347.73

Научная специальность 12.00.14

**РЕГУЛЯЦИЯ ПЕНСИОННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ В РОССИИ В УСЛОВИЯХ
ЭМОЦИОНАЛЬНО-НЕУСТОЙЧИВОГО ОБЩЕСТВА:
ОТ «ГОДА ЧЕМПИОНАТА МИРА ПО ФУТБОЛУ — 2018»
К «ГОДУ КОВИДОФОБИИ — 2020»**

Иванюженко Андрей Борисович

доцент кафедры правоведения СПбГАСУ
кандидат юридических наук, доцент

Контакты: 2-я Красноармейская ул, д. 5, г. Санкт-Петербург,
Россия, 190005

E-mail: iuta2007@yandex.ru,
+7(921) 918-65-44

Аннотация. В статье рассматриваются политические технологии, используемые для общественного одобрения спорных правовых новелл. Акцентируется внимание читателя на использовании элитой методологии «эмоционально-неустойчивого общества» для внедрения новаций в пенсионное законодательство России.

Ключевые слова: Конституция России, эмоциональная неустойчивость, COVID-19, чемпионат мира по футболу — 2018.

**REGULATION OF PENSION LEGAL RELATIONS IN RUSSIA IN CONDITIONS
OF EMOTIONALLY UNSTABLE SOCIETY: FROM «FIFA WORLD CUP — 2018»
TO «KOVIDOFBIYAS YEAR — 2020»**

Andrei B. Ivanujenko

Associate Professor of the Department of Law
of the Saint-Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering,
PhD in Law

Contacts: 2nd Krasnoarmeiskaya, 190005, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The Article examines the political technologies used for public approval of controversial legal novels. The reader's attention is focused on the use of the elite methodology of the «emotionally unstable society» for the introduction of innovations in the pension legislation of Russia.

Keywords: Russian Constitution, Emotional instability, COVID-19, 2018 — FIFA World Cup.

На всех этапах исторического развития явление, называемое «политической коммуникацией» выполняло и выполняет функцию обмена информационными потоками, при помощи которых элиты побуждали к действию подчиненные группы, делая их волю податливой, а желание подчиняться — постоянным и не противоречащим желанию лидера [17].

Одним из наиболее часто встречающихся способов политической коммуникации являются различные методы пропаганды, объединяющие общество и лидера на основе различных социальных, экономических и духовных качеств, примерами чего является тождество религиозных воззрений (эпоха «культурной революции» в Китае), признание за нацией исключительного положения в обществе (радикальный тоталитаризм), или противопоставление экономической модели развития — всем прочим моделям (Идея Чучхе в КНДР).

В промышленном обществе идеи политической пропаганды доносятся до получателей информации при помощи средств массовой информации (СМИ), создающих продукт в виде т.н. политической рекламы по заданию государства и за государственные средства. Политическая реклама в свою очередь используя методы точечного воздействия на адресата информации позволяет элитам доводить до лица необходимый информационный посыл, и как следствие — сокращая риск противодействия идеям, предлагаемым обществу правящим и элитами.

Примером данного воздействия служит пропаганда Наполеона Бонапарта, который тщательно подбирая темы и сюжеты побудил общество принять идеи свободы, равенства и братства, по словам А.М. Ундалова «озарившие мир и увлекшие миллионы людей» [28].

Аналогичное значение придается политической рекламой социальным, религиозным и иным клише, воздействующим на человеческую психику, либо — на нервную систему человека, примером чего является модель, распространяемая средствами пропаганды лидера Португалии Антонио Салазара о «достаточной евангельской бедности», лежащей в основе доктрины т.н. «Нового государства» [19, с. 275].

В советскую эпоху, политическая агитация подкреплялась идеями отказа от традиционного искусства (окна РОСТА В.В. Маяковского), народной фольклористикой («агитки» Д. Бедного) и далее — с укреплением единоначалия, философия сталинизма по мнению историка Э.С. Радзинского во многом основывалась на признании советским обществом тождества категорий «Бог» и «Царь» [25, с. 195], что повлекло за собой признание в лице политического лидера СССР И. Сталина, Абсолюта, действия и решения которого не могут быть подвергнуты сомнению.

Несмотря на то, что государственные лидеры благодаря политической агитации давали новый толчок развитию общества, следует признать тезис Н.А. Кузнецовой, согласно которого политические коммуникации ограничивают свободу человека, а в их основе лежат информационные технологии, методы пропаганды, манипулирование сознанием и разработки в области психологии восприятия [23].

Использование политических коммуникаций в получении общественного одобрения по поводу изменяемых норм финансового права не только подтверждают утверждение д.ю.н. М.В. Карасевой о том, что «принятие финансово-правовых норм почти всегда имеет место условиях политического процесса, доведенного до противоборства, конфликтности различных политических сил» [20, с. 60], но и может повлечь за собой обратные политические результаты вследствие запоздалой реакции общества на содержание введенных изменений. Так, в российском правоприменении второго десятилетия XXI века, элита, учитывая психологические особенности россиян произвела замену норм пенсионного законодательства, вызвав в последующем этим обстоятельством неоднозначную реакцию общества и оппозиционных политиков.

В частности, Федеральным законом от 3.10.2018 № 350-ФЗ «О внесении изменений в отдельные акты РФ по вопросам назначения и выплаты пенсий» [3] существующая система обязательного пенсионного страхования (ОПС) была дополнена нормами об увеличении возраста приобретения пенсионных прав. Данные поправки объяснялись тем, что к середине второго десятилетия XXI в. в России наблюдался низкий уровень рождаемости, изменение условий труда, а также имела места т.н. «теневая занятость». По предварительным расчетам Минфина РФ, сделанным в 2018 году подобные новации должны были обеспечить увеличение повышения собственных доходов бюджета Пенсионного фонда (ПФ РФ) и соответственно — сокращение трансферта из Федерального бюджета, а также — создание предпосылок к росту пенсионного обеспечения населения.

Не взирая на то, что данные расчеты обосновывали сбалансированность бюджета ПФ РФ [26]; обеспечивали выполнение международных обязательств в части достижения коэффициента замещения оплаты труда, а повышаемый законом возраст приобретения пенсионных прав соответствовал показателям многочисленных стран, данный Закон вызвал неоднозначную реакцию различных общественных институтов, в связи с чем министр финансов РФ А. Силуанов заявил, что «реакция общества на повышение пенсионного возраста стала неожиданной для Правительства России» [32].

Определение Конституционного Суда РФ от 02.04.2019 № 854-О/2019 [7], в котором КС РФ излагал свою точку зрения на Запрос 98 депутатов Государственной Думы РФ от фракций КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия» о конституционности Закона 350-ФЗ было рассмотрено некоторыми депутатами как «неуважение к парламентариям» [18].

Обращает на себя внимание не столько критические заявления политиков о должном (заявления депутата ГД РФ О.Г. Дмитриевой и члена Комитета гражданских инициатив по мнению Е.Ш. Гонтмахера о том, что политически этот проект был «не совсем честным» [34], а массовому общественному сознанию была нанесена «глубокая рана» [15]), а скорее то, что Проект названного Федерального закона был внесен в Государственную Думу РФ Распоряжением Правительства РФ от 16 июня 2018 № 1192-р [9], и принят Государственной Думой РФ в первом чтении 19 июля 2018 (Законопроект № 489161-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий») [11], а именно в период увлеченности большей частью российского общества проходящим в России Чемпионатом мира по футболу, признанным по разным оценкам резонансным событием для большей части населения (от 56 до 70%) и отвлекающим от иных общественных мероприятий [27].

Последовавшее 29 августа 2018 года телеобращение Президента России В. Путина к населению в котором содержалась просьба граждан России «отнестись к данному Закону с пониманием» [12] (принятому Государственной Думой несколько позднее, а именно 27 сентября 2018 года) как и ухудшение в течение последующего года взглядов жителей России на данный закон (в июле 2019 года по исследованию Центра независимой общественной экспертизы «АКСИО» выяснилось, что за год число граждан ставших негативно воспринимать названное политическое событие возросло до 83 % [21]), заставляет нас признать внесение рассматриваемого Законопроекта в Государственную Думу и его последующую трансформацию в Федеральный закон в условиях манипулирования общественным сознанием.

В марте 2021 года в Докладе, представленном в Законодательное собрание Санкт-Петербурга Уполномоченный по правам человека в Санкт-Петербурге, в числе прочего отметил, что общероссийское голосование по вопросу одобрения изменений в Конституцию РФ, предложенных президентом РФ В. Путиным в послании Федеральному собранию 15 января 2020 года и утвержденных Законом РФ о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» стало «важнейшим политическим событием 2020 года» [2]. Одновременно с этим, по словам Омбудсмана Санкт-Петербурга «проведение общероссийского голосования в соответствии с Указом Президента РФ от 01.06.2020 № 354 «Об определении даты проведения общероссийского голосования по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации» [8] в июле 2021 года в условиях пандемии COVID-19 ограничило возможности противников принятия поправок донести свою позицию до широкого круга участников голосования, вызвав тем самым недоверие граждан к демократическим институтам» [10].

Однако, в названном Докладе Уполномоченный по правам человека СПб, не отразил причины, побудивших государственную элиту внести изменение в Основной закон России именно летом 2021 года, т.е. в промежуток времени между весенним и осенними пиками смертоносного заболевания. Приходится признавать, что в названный период времени большая часть населения страны было охвачено субъективными жизненными проблемами, поименованными психиатрией как корона-психоз (*corona psychosis* — лат.), симптоматика которого проявлялась в демонстрации у личности тревожного состояния и потери контроля над внешне средой [16], а лица перенесшие это заболевание столкнулись с т.н. «постковидным синдромом», характеризуемым по общему мнению Главного врача психиатрической больницы № 3 имени И.И. Скворцова-Степанова д.м.н, профессора А.Г. Софронова, Заведующего городским психотерапевтическим центром А. Демьяненко и клинического психолога Госпиталя для ветеранов войн Ю. Моховой психозами и астенией, сопровождаемой когнитивными нарушениями (ухудшениями памяти, внимания и мышления) [13].

Факторы неустойчивости к восприятию достоверной политической информации на фоне выявленных в так называемом «Исследовании миллениалов в России» проведенном международной консалтинговой организацией Deloitte еще в 2019 году неблагоприятных статистических показателей (33 % российских миллениалов демонстрировали постоянный стресс, а 48 % миллениалов в России были уверены, что они в жизни будут менее счастливыми, чем их родители [22]), позволяет считать Всенародное голосование по вопросу о внесении поправок в Конституцию России проведенное в условиях манипуляции социальным сознанием.

Одним из результатов данной манипуляции является, по нашему мнению, внесение в ст. 75 Основного закона РФ части 6, посвященной новому видению пенсионной политики государства. Так, в названной норме Конституции РФ была почти дословно изложена правовая позиция КС РФ, прописанная в вышеназванном Определении № 854-О/2019 **согласно которой** «Россия обязана создать пенсионную систему, отвечающую принципам равенства и справедливости, поддерживать ее эффективное функционирование».

В условиях пандемии, спровоцировавшей у россиян различных возрастных групп эмоциональную неустойчивость (доминирование высокого уровня беспокойства по поводу будущего, ощущение неопределенной угрозы, бесполезность, невозможность повлиять на ситуацию и повышенная нервнопсихическая истощаемость) [29], СМИ осуществляющие политическую рекламу обращали внимание граждан на то, что «Наша страна достигла достаточно высокого уровня развития, чтобы установить новую «планку» социальных гарантий, которые будут закреплены в Конституции. <...> В частности, пенсии будут индексироваться минимум раз в год. Каждый гражданин России должен чувствовать себя защищенным, должен быть уверен в том, что его права на поддержку государством будут гарантированы в течение всей его жизни» [30].

В то же время, правовое содержание вводимой в Основной закон ч. 6 ст. 75, закрепляющей, помимо социально одобряемой обязанности государства ежегодно индексировать пенсии, норму о том, что в России формируется система пенсионного обеспечения, основанная не только на принципе «справедливости», но и принципах «всеобщности и солидарности поколений» политическая агитация обошла молчанием, не позволив обществу здраво оценить вероятность каких-либо экономических и правовых последствий данных новелл.

По нашему мнению, внимание обращает на себя тот факт, что изначально-созданная в России модель ОПС основана на принципе т.н. «солидарности поколений», благодаря которому реализация человеком своих страховых прав в будущем возможна только за счет формирования ресурса бюджета ПФ РФ новыми возрастными когортами [33]. Названный принцип нашел свое выражение в норме ст. 3 Федерального закона от 15.12.2001 № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» делящую страховой тариф на т.н. солидарную и страховую части [5]. В то же время вышеназванный принцип распространяется не на всех граждан, а только на лиц, относящихся к категории застрахованных, к категории которых не относятся сотрудники государственной гражданской и военной службы, муниципальные служащие, а также некоторые иные категории россиян получающие пенсионное обеспечение из бюджета ПФ РФ за счет трансфертов из федерального бюджета, в порядке реализации ст. 6 Федерального закона от 15.12.2001 № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» [6].

Принятие исследуемой нами нормы ч. 6 ст. 75 Конституции РФ в части принципов «всеобщности и солидарности поколений», как правового базиса, лежащего в основе всей системы пенсионного обеспечения вместе с прочими многочисленными поправками единым «пакетом» т.е. вопреки содержанию нормы Ч.2 ст.2 Федерального закона от 04.03.1998 № 33-ФЗ «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации» [4]) осуществляемого на фоне эмоциональной истощенности граждан тревогами пандемии и без надлежащего общественного обсуждения можно рассматривать, как вводимой при помощи метода манипулирования общественным сознанием.

Однако, на сегодняшний день правовые последствия введения названной нормы являются неопределенными. Как нам представляется, следствием введения в Основной закон ч. 6 ст. 75 может стать, как по воле Законодателя, так и в ходе обсуждения названной проблематики Конституционным судом РФ по воле любого лица радикальное изменение пенсионного законодательства и в первую очередь — отмена пенсионного обеспечения лиц, получающих пенсии из федерального бюджета в порядке применения закона № 166-ФЗ. В результате, названные категории граждан будут формировать пенсионные права наравне с «традиционными» участниками ОПС, что может спровоцировать у них социальное недовольство за счет своевременной недооцененности правовых последствий поправок, рост коррупции, опосредованный снижением личных доходов (утрата пенсионного обеспечения как некоей формы ренты) и далее — новый виток политической напряженности.

Поскольку в 2020–21 гг. в России периодически возникают политические протесты, граничащие с нарушениями общественного порядка [31], признаваемые в свою очередь д.ю.н. Я.И. Гилинским в современную эпоху «порождением власти в целях ограничения иных, не принадлежащих власти, индивидов в их стремлении преодолеть социальное неравенство, вести себя иначе, чем предписывает власть» [14, с. 25], иным неблагоприятным последствием введения в Основной закон названных принципов по нашим представлениям может стать признание элитой за лицами занимающими должности государственной/муниципальной службы, и ставших жертвами в 2020 году описанной нами политической манипуляции ныне действующих прав на рентные платежи (пенсионное обеспечение) без использования обсуждаемых принципов «всеобщности и солидарности поколений» в обмен на укрепление вертикально-интегрированной системы государственного управления и усиления легитимации «государственного насилия», теория которой была изложена Д. Нортон [24, с. 63–68], что не будет способствовать развитию прочих демократических институтов, гарантированных Российским государством.

Литература / References:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» стало «важнейшим политическим событием 2020 года» // Российская газета — 2020 — 16 марта.

3. Федеральный закон от 3.10.2018 № 350-ФЗ «О внесении изменений в отдельные акты РФ по вопросам назначения и выплаты пенсий» // Российская газета — 2018 — 5 октября.
4. Федеральный закон от 04.03.1998 № 33-ФЗ «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации» // Российская газета — 1998 — 10 марта.
5. Федеральный закон от 15.12.2001 № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» // Российская газета — 2001 — 20 декабря.
6. Федеральный закон от 15.12.2001 № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» // Российская газета — 2001 — 20 декабря.
7. Определение Конституционного Суда РФ от 02.04.2019 № 854-О/2019 «По запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности положений статей 4 и 7 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» // Российская газета — 2019 — 4 апреля.
8. Указ Президента РФ от 01.06.2020 № 354 «Об определении даты проведения общероссийского голосования по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации» // Российская газета — 2020 — 1 июня.
9. Распоряжение Правительства РФ от 16.06.2018 № 1192-р // официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201806180002> (18 июня 2018).
10. Доклад Уполномоченного по правам человека в Санкт-Петербурге за 2020 год. СПб., 2021. С. 28–33.
11. Сайт Государственной думы Федерального собрания РФ [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/489161-7> (1 апреля 2021).
12. Сайт Президента РФ [Электронный ресурс] — режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/58405> (20 марта 21).
13. Алеева М. «Жизнь после Covid-19: как диагностировать психический постковидный синдром и можно ли справиться с ним самостоятельно» [Электронный ресурс] / М. Алеева // Сайт информационного агентства «Фонтанка». — Режим доступа: <https://www.fontanka.ru/2021/04/06/69852632/> (6 апреля 2021).
14. Гилинский Я.И. Криминология постмодерна (неокриминология). СПб., «Алтейя». 2021.
15. Гонтмахер Е. «Возврат старого пенсионного возраста стал актуален в пандемию» // Московский комсомолец — 2020 — 9 декабря.
16. Гриценко В.В., Резник А.Д., Константинов В.В., Маринова Т.Ю., Хоменко Н.В., Израйлович Р. «Страх перед коронавирусным заболеванием (COVID-19) и базисные убеждения личности» // Клиническая и специальная психология 2020. Том. 9, № 2. С. 99–118.
17. Гуменский А. Управление международной информацией // Международные процессы, 2010, т. 8, № 1 (22).
18. Досумова Л. «Депутат: ответ Конституционного суда по пенсионной реформе — это неуважение к парламентариям» [Электронный ресурс] / Л. Досумова // Сайт журнала «Правовая гарантия». — Режим доступа: http://sibadvokat.ru/magazine/deputat-otvet-konstitutsionnogo-suda-po-pensionnoy-reforme-eto-neuvazhenie-k-parlamentariyam?_utl_t=fb&fbclid=IwAR2nVMEvKClq_byeScR4KRcEuppARrZRL0fTc6zPMSHuFssSEUdb7FmEL7s (12 апреля 2019).
19. Ивани М. «Кризис либеральной демократии в Португалии и «Новое государство» Салазара» // Берегиня — 777 — Сова 2014 № 4 (23).
20. Карасева М.В. Финансовое право — политически «напряженная» отрасль права // Государство и право. 2001. № 8.
21. Крижанская Ю. АКЦИО-8. Отпадение народа от государства // Суть времени — 2019 — 23 августа.
22. Кузнецова Е. «Deloitte назвала главные тревоги миллениалов и поколения Z» [Электронный ресурс] / Редакционный материал // Сайт информационного агентства «РБК». — Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/26/06/2020/5ef496819a7947bfa33d08c4> (15 марта 2021).
23. Кузнецова Н.А. Управление политической информацией и манипуляция общественным сознанием // Власть 2011 № 11. С. 19–21.
24. Норт, Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / пер. с англ. Д. Узланера, М. Маркова, Д. Раскова, А. Расковой. М.: Изд. Института Гайдара, 2011.
25. Радзинский Э.С. Сталин. Вся жизнь / Радзинский Э.С. — М.: АСТ, 2018. — 544 с.
26. Старостина Ю., Ткачев И. Минфин подсчитал доходы ПФР от повышения пенсионного возраста [Электронный ресурс] / Ю. Старостина, И. Ткачев // Сайт информационного агентства «РБК». — Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/08/07/2018/5b4207db9a794750d8f2809a> (8 июля 2018).
27. Теркулова М. «Чемпионат мира россиянам интереснее пенсионной реформы» // Коммерсантъ — 2018 — 4 июля.
28. Ундалов А.М. «О некоторых методах влияния наполеоновской пропаганды на общественное мнение» Вестник НГТУ им. Р.Е. Алексеева С. 64–69.
29. Холодова Ю.Б. «Особенности переживания тревоги в период пандемии COVID-19 представителями разных возрастных групп» // Международный журнал медицины и психологии 2020, Том 3, № 2. С. 114–117.

30. «Как люди скажут — так и будет. 1 июля нам предстоит решить судьбу поправок в Конституцию» [Электронный ресурс] / Редакционный материал // Сайт «Российской газеты». — Режим доступа: <https://rg.ru/2020/03/13/samye-znachimye-popravki-v-konstituciiu-vyzvavshie-naibolshij-interes-v-obshchestve.html> (13 марта 2020).

31. «Навальный — самый опасный враг Путина». Зарубежные СМИ — о протестах в России // Коммерсантъ — 2021 — 25 января.

32. «Силуанов назвал реакцию россиян на пенсионную реформу неожиданной» — Коммерсантъ — 2019 — 15 января.

33. «Солидарность поколений — основа пенсионной системы России» [Электронный ресурс] Сайт Пенсионного фонда РФ. — Режим доступа <https://pfr.gov.ru/branches/sevastopol/news~2014/08/07/61547> (7 августа 2014).

34. «Экономист Дмитриева: «Для повышения пенсионного возраста нет ни демографических, ни социальных, ни финансовых оснований»» [Электронный ресурс] / Редакционный материал // Сайт радиостанции «Эхо Москвы». — Режим доступа: <https://echo.msk.ru/news/2198720-echo.html> (8 мая 2018).

**ДУБЛИРУЮЩИЙ МЕХАНИЗМ УВЕЛИЧЕНИЯ ВОЗНАГРАЖДЕНИЯ
АРБИТРАЖНОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ. ПРОБЛЕМА
СТАТУСА АРБИТРАЖНОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО КАК ОСОБОЙ ФОРМЫ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Олег Викторович Шаров,

начальник отдела обеспечения процедур банкротства
Управления ФНС России по Ленинградской области
Контакты: пр. Металлистов д. 34, г. Санкт-Петербург,
Россия, 195027
E-mail: o.sharov.r4700@nalog.ru

Аннотация. В данной статье рассмотрен статус требований налогового органа, проведен анализ некоторых положений Налогового кодекса Российской Федерации от 31.07.1998 №146-ФЗ, Трудового кодекса Российской Федерации от 30.12.2001 №197-ФЗ и Федерального закона от 26.10.2002 №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Рассмотрено применение арбитражными управляющими механизма увеличения фиксированного размера вознаграждения, дублирующего положения вышеуказанного закона, с точки зрения нарушения прав кредиторов по текущим обязательствам. Цель работы — обратить внимание на нарушение баланса интересов арбитражных управляющих и кредиторов. На основе проведенного исследования автором рассмотрены критичность статуса арбитражных управляющих и возможность применения ими механизма увеличения вознаграждения.

Ключевые слова: арбитражный управляющий, уполномоченный орган, банкротство, вознаграждение арбитражного управляющего, кредитор, обязательные платежи, очередность.

**A DUPLICATE MECHANISM FOR INCREASING THE REMUNERATION
OF AN INSOLVENCY PRACTITIONER IN A BANKRUPTCY CASE. THE PROBLEM
OF THE STATUS OF AN INSOLVENCY ADMINISTRATOR AS A SPECIAL FORM
OF ENTREPRENEURIAL ACTIVITY**

Oleg V. Sharov,

head of the Department for ensuring bankruptcy procedures
of the Federal tax service of Russia for the Leningrad region,
Contacts: 34 Metallistov Avenue, St. Petersburg,
Russia, 195027

Abstract. This article examines the status of the tax authority's requirements, analyzes some provisions of the Tax Code of the Russian Federation dated July 31, 1998 №146-FZ, the Labor Code of the Russian Federation №197-FZ dated December 30, 2001 and Federal Law № 127-FZ dated October 26, 2002 «On insolvency (bankruptcy)». The article considers the use by arbitration managers of a mechanism for increasing their remuneration, duplicating the provisions of the above law, from the point of violation of creditors' rights under current obligations. The purpose of the work is to draw attention to the violation of the balance of interests of arbitration managers and creditors. On the basis of the study, the author considered the criticality of the status of arbitration managers and the possibility of using a mechanism for increasing remuneration by them.

Keywords: bankruptcy administrator, authorized body, bankruptcy, remuneration of the bankruptcy commissioner, creditor, tax authority, mandatory payments, priority.

Федеральная налоговая служба (далее также — ФНС России), являющаяся в соответствии с Федеральным Законом № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве) уполномоченным органом в делах о несостоятельности (банкротстве), представляет интересы Российской Федерации и выступает системным кредитором и в ряде случаев — заявителем в делах о банкротстве.

В рамках представления интересов Российской Федерации основной целью уполномоченного органа является максимальное удовлетворение требований перед ФНС России как реестровым кредитором в деле о банкротстве и (или) как кредитором по текущим налоговым обязательствам.

Следует отметить, что текущие обязательства должника подлежат погашению в соответствии с нормами Закона о банкротстве. Так, ст. 134 Закона о банкротстве устанавливает, что первоочередными удовлетворяемыми требованиями являются судебные расходы, понесенные по делу о банкротстве, установленное вознаграждение арбитражного управляющего, а также расходы на деятельность лиц обязательных для привлечения в силу Закона о банкротстве.

Второй очередью является задолженность по текущим обязательствам оплаты труда сотрудников по трудовым договорам, а также требования о выплате выходных пособий и текущие налоговые платежи с данной зарплаты в виде налога на доходы физических лиц и страховых взносов на обязательное пенсионное страхование.

Отнесение вышеуказанных налоговых платежей ко второй очереди текущих платежей обусловлено определенными Налоговым Кодексом Российской Федерации от 31.07.1998 № 146-ФЗ особенностями уплаты налога на доходы физических лиц, устанавливающими особый правовой статус налогоплательщика — налогового агента, обязанного перечислить суммы налога удержанного с заработной платы сотрудника и социального назначения взносов на обязательное пенсионное страхование.

В режиме третьей очереди удовлетворяется задолженность перед лицами, привлеченными арбитражным управляющим для обеспечения исполнения возложенных на него обязанностей.

Четвертой очередью платежей являются требования по необходимым для жизнедеятельности эксплуатационным платежам (платежи по коммунальным услугам, договорам энергоснабжения и иные аналогичные).

Все остальные, в том числе и не упомянутые выше налоговые платежи, находятся в пятой очереди требований по текущим обязательствам.

Соответственно, при погашении задолженности по текущим налоговым платежам допустимо отметить возможность погашения обязательных платежей в рамках второй очереди, а именно налога на доходы физических лиц и страховых взносов на обязательное пенсионное страхование, и в рамках пятой очереди — иных налогов и сборов.

Исходя из анализа пункта 2 статьи 134 Закона о банкротстве, законодатель ставит в зависимость размер погашения каждой последующей очереди от размера погашения предыдущей, то есть чем большая сумма будет направлена на погашение первой очереди текущих платежей, тем меньше будут удовлетворены кредиторы по текущим обязательствам последующих очередей.

Данная норма обеспечивает право арбитражного управляющего на преимущественное погашение причитающегося в деле о банкротстве в соответствии с Законом о банкротстве вознаграждения, но при увеличении расходов на процедуру банкротства, связанных с деятельностью непосредственно арбитражного управляющего, снижается сумма погашенных требований кредиторов последующих очередей.

При этом в соответствии с пунктами 1, 2 статьи 20.6 Закона о банкротстве арбитражный управляющий имеет право на вознаграждение, которое выплачивается за счет имеющихся у должника — сформированной конкурсной массы.

Вознаграждение, выплачиваемое арбитражному управляющему в деле о банкротстве, состоит из фиксированной суммы вознаграждения и суммы процентов, определяемых в зависимости от результатов, достигнутых управляющим. Размер фиксированной суммы вознаграждения для конкурсного управляющего установлен в пункте 3 статьи 20.6 Закона о банкротстве и составляет 30 000 рублей в месяц. Данный размер вознаграждения установлен Федеральным законом от 30.12.2008 № 296-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и до настоящего момента увеличение не производилось.

Исходя из установленного в 2008 году размера фиксированного вознаграждения, роста расходов по делу о банкротстве и возрастанию сложности ведения процедур банкротства, перед сообществом арбитражных управляющих встал вопрос размера «справедливого» вознаграждения за выполняемую ими работу.

Попыткой ответа на данный вопрос со стороны сообщества арбитражных управляющих послужило создание дублирующего механизма увеличения вознаграждения арбитражного управляющего в деле о банкротстве.

В 2016 году состоялась «Первая всероссийская конференция арбитражных управляющих», по результатам которой арбитражными управляющими и руководителями саморегулируемых организаций арбитражных управляющих принято решение о создании профессионального сообщества, таким образом, учрежден Общероссийский профсоюз арбитражных управляющих (далее — ОРПАУ, профсоюз)

с наделением полномочиями действовать от имени всех арбитражных управляющих в независимости от непосредственного вступления их в данный профессиональный союз. [1, с. 2–3].

Такой же позиции придерживается Шафранов Андрей Павлович — кандидат юридических наук, арбитражный управляющий, член Уральская СРО арбитражных управляющих в своей статье «О правовой природе Отраслевого соглашения в сфере несостоятельности (банкротства) и финансового оздоровления на 2020–2022 годы и статусе Общероссийского профсоюза арбитражных управляющих» [3, с. 3].

Так, в рамках деятельности профсоюза было принято «Отраслевое соглашение в сфере несостоятельности (банкротства) и финансового оздоровления на 2020–2022 годы», утвержденное 31.12.2019 Общероссийским профсоюзом арбитражных управляющих, Общероссийским отраслевым объединением работодателей в области права и саморегулируемых организаций арбитражных управляющих, в котором определены коэффициенты, исходя из которых при расчете фиксированной суммы вознаграждения арбитражного управляющего базовая сумма такого вознаграждения подлежит увеличению. [1, с. 4]

По мнению авторов указанного соглашения, при расчете фиксированной суммы вознаграждения управляющего необходимо учитывать отношение индекса потребительских цен декабря предыдущего для расчета года к декабрю 2008 года, а также усложнение законодательства в сфере несостоятельности (банкротства). [1, с. 6]

Коэффициент, рассчитанный по нормам приказа Федеральной службы государственной статистики от 30.12.2014 №734 «Об утверждении Официальной статистической методологии организации статистического наблюдения за потребительскими ценами на товары и услуги и расчета индексов потребительских цен», на декабрь 2019 года составил 207,91 %.

Кроме того, профсоюзом внесено предложение о применении к размеру вознаграждения увеличивающего коэффициента, учитывающего произошедшее усложнение законодательства о банкротстве в размере равном 1,25.

Правовым обоснованием применения вышеуказанных принципов и механизмов выступают нормы Трудового кодекса Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ, предусматривающие право на установление работнику справедливой заработной платы и право индексации заработной платы в связи с ростом потребительских цен на товары и услуги.

Согласно позиции Шафранова А.П., данное отраслевое соглашение и закрепленные в нем принципы пересмотра вознаграждения арбитражного управляющего являются нормативным правовым актом и могут быть применимы при установлении размера вознаграждения арбитражного управляющего.

В пункте 5 статьи 20.6 Закона о банкротстве прямо установлено, что увеличение размера фиксированной суммы вознаграждения не зависит от результата работы, то есть в соответствии со статьей 128 Гражданского кодекса не является объектом гражданских прав.

Поэтому Законом о банкротстве не установлены повышающие коэффициенты для увеличения размера фиксированной суммы вознаграждения, так как это не регулируется гражданским законодательством, а связано с защитой социально-трудовых прав и интересов арбитражных управляющих (часть 3 статьи 37 и часть 1 статьи 46 Конституции Российской Федерации)» [3, с. 3–4].

Применение данного механизма предусматривает обращение управляющего в арбитражный суд с заявлением об увеличении установленного размера фиксированного вознаграждения в соответствии с пунктом 5 статьи 20.6 Закона о банкротстве до 77 966,25 рублей, то есть в 2,59 раза больше от актуального, и соответственно, уменьшает сумму погашения последующих очередей.

Можно предположить, что, сформированная профессиональным объединением арбитражных управляющих правовая позиция не имеет достаточного правового обоснования, нарушает баланс интересов арбитражных управляющих и кредиторов и приводит к нарушению прав кредиторов по текущим платежам ввиду следующих оснований.

В соответствии со статьей 15 Трудового кодекса Российской Федерации под трудовыми понимаются отношения, основанные на соглашении между работником и работодателем о личном выполнении работником за плату трудовой функции в интересах, под управлением и контролем, подчинении работника правилам внутреннего трудового.

Вместе с тем, согласно статье 20 Закона о банкротстве арбитражный управляющий является субъектом профессиональной деятельности и осуществляет регулируемую профессиональную деятельность, занимаясь частной практикой, он не является сотрудником, включенным в штат юридического лица — должника, не подчиняется установленным внутренними документами организации распорядку, режиму труда и отдыха.

Одновременно законодателем установлена возможность увеличения вознаграждения арбитражного управляющего в деле о банкротстве, в свою очередь, Закон о банкротстве предполагает увеличение размера вознаграждения по решению собрания кредиторов в случае предоставления доказательств наличия у должника средств, достаточных для выплаты увеличенной суммы вознаграждения.

Кроме того, законодательно закреплён принцип «рискованности» дополнительного вознаграждения в виде установления вознаграждения в части процентов, зависящих от результатов деятельности арбитражного управляющего, а именно ставящих зависимость от суммы погашенных требований кредиторов и стимулирующих его на более эффективное осуществление полномочий.

Законодательство о банкротстве не предусматривает возможность увеличения суммы вознаграждения управляющего, подлежащей выплате в случае достижения между арбитражными управляющими и их нанимателями соглашений, регулируемых законодательством о трудовой и профсоюзной деятельности, и заключения социально-партнерских соглашений.

Создание же дублирующего механизма увеличения вознаграждения направлено на обход закреплённых пунктом 5 статьи 20.6 Закона о банкротстве норм и потому в соответствии с нормами Гражданского кодекса Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ недопустимо.

Сложившиеся противоречия между желанием арбитражного сообщества получать «справедливое» вознаграждение за выполняемую работу и прав кредиторов на возмещение текущих долговых обязательств, нарушаемых увеличением преимущественно погашаемых расходов по делу о банкротстве — вознаграждением арбитражных управляющих разрешаются в арбитражном суде. Это негативно сказывается на длительности процедур банкротства, все более увеличивает сложность и затратность процедур и соответственно увеличивают риски неполучения сформированной в ходе дела о банкротстве задолженности по текущим платежам.

Следует отметить, что в настоящее время складывается противоречивая судебная практика по установлению суммы вознаграждения арбитражного управляющего посредством использования данного дублирующего механизма: в ряде регионов Российской Федерации арбитражными судами устанавливается увеличенный размер вознаграждения, а в некоторых — напротив, сформировалась практика отказа арбитражным управляющим по приведенным автором основаниям.

Окончательно разрешить сложившиеся противоречия возможно лишь путем формирования судебной практики рассмотрев ситуацию на уровне Верховного Суда РФ, либо внесением законодательных изменений в Закон о банкротстве учитывающих позицию арбитражного сообщества выраженную в Отраслевом соглашении.

Литература/References:

1. Отраслевое соглашение в сфере несостоятельности (банкротства) и финансового оздоровления на 2020 — 2022 годы (утв. Общероссийским профсоюзом арбитражных управляющих, Общероссийским отраслевым объединением работодателей в области права и саморегулируемых организаций арбитражных управляющих, 31.12.2019), правовая система «КонсультантПлюс».
2. Официальный сайт URL: <https://orpu.ru/> Дата обращения 20.04.2021
3. Шафранов Андрей Павлович «О правовой природе Отраслевого соглашения в сфере несостоятельности (банкротства) и финансового оздоровления на 2020–2022 годы и статусе Общероссийского профсоюза арбитражных управляющих URL: <https://zakon.ru> Дата обращения 10.05.2021.

МЕСТО И РОЛЬ НАЛОГА НА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ДОХОД В НАЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Наталья Николаевна Бочарова,

старший преподаватель кафедры финансового права
Южного федерального университета
Контакты: ул. М. Горького, д. 88, к. 202, г. Ростов-на-Дону,
Россия, 344000 E-mail: nbocharova@sfedu.ru,
Тел. 89289078256

Аннотация. В статье исследована новелла российского налогового законодательства — налог на профессиональный доход. На сегодня данный налог отнесен к специальным налоговым режимам, что обусловило необходимость изучения его места и сравнения с иными специальными налоговыми режимами. Также законодатель не дал точного критерия, по которому можно разграничивать физических лиц и индивидуальных предпринимателей при уплате данного и других налогов, что тоже было осмыслено в статье.

Ключевые слова: налог, специальный налоговый режим, самозанятые, налоговая система

THE PLACE AND ROLE OF THE PROFESSIONAL INCOME TAX IN THE NATIONAL TAX SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

Natalia N. Bocharova,

Senior Lecturer of the Department of Financial Law
Southern Federal University
Contacts: M. Gorky str., 88, k. 202, Rostov-on-Don, Russia, 344000

Abstract. The article examines the novel of the Russian tax legislation—the tax on professional income. Today, this tax is classified as a special tax regime, which necessitated the study of its place in them and comparison with other special tax regimes. Also, the legislator did not give an exact criterion by which it is possible to distinguish between individuals and individual entrepreneurs when paying this and other taxes, which was also understood in the article.

Keywords: professional income tax, special tax regime, self-employed, individual entrepreneurs, tax system

Самым очевидным фактором, предопределяющим необходимость введения института самозанятости, является безработица, средний уровень которой в Российской Федерации достиг в настоящее время 5,4 процентов [1, с. 54]. Несоответствие соотношения уволенных граждан к безработным свидетельствует в том числе и о том, что профессиональная деятельность переносится в «теневой» сектор экономики, а сложившийся набор форм предпринимательства и условия их деятельности не обеспечивают ожидаемого снижения уровня безработицы и не являются привлекательными для граждан, осуществляющих свою профессиональную деятельность нелегально.

В рамках Петербургского международного экономического форума в мае 2018 года Голикова Т.А. отмечала, что региональные платежи в Фонд обязательного медицинского страхования за неработающих граждан составляет около семи процентов расходной части региональных бюджетов, что за 2017 год составило 618 миллиардов рублей и превысило дотации, предоставляемые из федерального бюджета на выравнивание уровня бюджетной обеспеченности [2].

В связи с этим от министра финансов Российской Федерации Силуанова А.Г. были внесены предложения передать обязанность уплаты взносов, выплачиваемых за неработающих граждан из регионального бюджета в Фонд обязательного медицинского страхования, из расходной части региональных бюджетов в федеральный. Этого не произошло, однако из-за корректировки методики персонифицированного учета для обязательного медицинского страхования тарифы взносов в расчете на одного неработающего возросли, что нивелировалось только тем, что по данной методике неработающее население, из расчета числа которого производится расчет взносов в Фонд обязательного медицинского страхования, сократилось на 5 миллионов человек [3]. Соответственно, сокращение численности без-

работных граждан ведет к уменьшению нагрузки на региональный бюджет, тем привлекательнее становится возможность выведения из «тени» предпринимательской деятельности.

В последнее время в средствах массовой информации весьма популярна идея о возможности введения так называемого «налога на тунеядство», известного из советской истории [4, с. 68]. Однако такие меры противоречат ч. 2 ст. 37 Конституции Российской Федерации, которая гласит, что принудительный труд запрещен посредством и административной, и уголовной ответственности. Также и экономическая форма принуждения к труду не представляется возможной, так как для нее требуется в том числе создание условий для поиска работы, а в сложившейся ситуации макроэкономической нестабильности и глобальных кризисных явлений исполнение указанных условий затруднено.

В 2016 году были предприняты первые попытки вывести из неформального сектора граждан, самостоятельно реализующих продукты своего труда. При первом приобретении статуса индивидуального предпринимателя с переходом на упрощенную или патентную систему налогообложения и попадающих еще под ряд условий, предусмотренных Налоговым кодексом Российской Федерации, были предоставлены «налоговые каникулы», что означало освобождение от налогового бремени, или налоговую ставку 0%, на первые два года деятельности такого индивидуального предпринимателя. Вопреки ожиданиям такая налоговая льгота не стимулировала предпринимателей, работающих в «теневом» секторе экономики легализовать свою деятельность.

Поставленные задачи не получили своего решения в необходимой степени и перешли в концепцию недавно появившегося специального налогового режима, называемого «Налог на профессиональный доход», введение которого в п. 2 ст. 18 Налогового кодекса РФ произошло во исполнение Указа Президента Российской Федерации № 204 от 07 мая 2018 года [5] посредством введения в действие Федерального закона № 422-ФЗ от 27 ноября 2018 года «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» [6]. Данный эксперимент продлится в течение десяти лет, вплоть до 31 декабря 2028 года включительно, с постепенным территориальным распространением по субъектам Российской Федерации.

Указанная поэтапность трансплантации института самозанятости обусловлена экспериментальным характером вводимого режима налогообложения, который также говорит о неизменности налоговых ставок и условий на установленный период. Проведение подобного эксперимента всегда преследует цель апробации новой правовой модели с минимизацией затрат на ее реализацию и повышением эффективности всей системы [7].

Решение о проведении рассматриваемого эксперимента обусловлено, кроме прочего, в первую очередь необходимостью легализации предпринимательской деятельности в неформальном секторе экономики и последующей возможностью правового регулирования деятельности самозанятых граждан.

Введенный же по причине необходимости легализации деятельности самозанятых граждан налог на профессиональную деятельность на данный момент довольно успешно реализован и получил несколько этапов распространения, достигнув охвата всей страны. Следует отметить, что предложение о введении анализируемого режима налогообложения исходит от Министерства финансов РФ, что обусловлено стремлением к стабильному развитию системы налогообложения и обеспечению бюджетного профицита.

Если верить сведениям, представленным Федеральной службой государственной статистики, граждане, работающие не по найму, заняты в основном в сфере сельского хозяйства, торговле, сфере услуг и связи, строительстве.

В целом развитие сферы услуг и расширение информационного пространства дает все новые возможности для реализации своего труда не по найму с применением собственных знаний, навыков и компетенций для извлечения прибыли. В связи с этим выведение неформальной деятельности самозанятых из «теневого» сектора экономики становится все более обоснованной целью государственной политики, что ранее осложнялось высоким уровнем издержек на регистрацию бизнеса.

Таким образом, налог на профессиональный доход помимо увеличения налоговых отчислений в региональный бюджет призван стимулировать рост легально работающих физических лиц и численности граждан, являющихся субъектами малого предпринимательства. Соответственно государственная политика в этой сфере должна быть направлена на мотивирование к выходу из «теневого» сектора экономики путем обеспечения благоприятных условий для создания легального бизнеса физического лица, выражающихся в мерах поддержки и упрощения регистрации и ведения предпринимательской деятельности.

Очевидно, что методы принуждения к уплате установленных налогов здесь не эффективны, в связи с чем Федеральная налоговая служба сменила ориентир на стимулирование добровольного ознакомле-

ния со своими правами и обязанностями налогоплательщиков, и также легализации собственного бизнеса, что существенно увеличивает сумму налоговых отчислений. Упрощение регистрации и ведения бизнеса происходит в том числе и за счет процессов цифровизации экономики в сфере налогообложения, которая в итоге ведет к повышению уровня прозрачности движения денежных средств в предпринимательской деятельности, в том числе налоговых отчислений, и, соответственно, к уменьшению степени необходимости проведения выездных налоговых проверок и снижению их количества.

Кроме того, налог на профессиональный доход призван избавить плательщика данного налога от брени заполнения отчетности и необходимости взаимодействия с инспекциями Федеральной налоговой службы.

Как один из негативных эффектов введения нового специального налогового режима ожидался переход индивидуальных предпринимателей на налогообложение для самозанятых, что означает переток налоговых отчислений из федерального бюджета в региональный.

Однако при сравнении применения режимов налогообложения индивидуального предпринимательства и самозанятых граждан становится ясно, что целесообразность применения того или иного режима налогообложения определяется в каждом конкретном случае отдельно.

Это также обусловлено исчислением налога на профессиональный доход в зависимости от его дохода, а не от прибыли. Таким образом, самозанятым с высоким уровнем издержек на осуществление их профессиональной деятельности регистрироваться в качестве плательщика налога на профессиональный доход невыгодно.

Наиболее интересным представляется сравнение таких специальных налоговых режимов, как налог на профессиональный доход и упрощенную систему налогообложения.

В первую очередь преимуществом уплаты налога на профессиональный доход является отсутствие обязанности предоставлять отчетность в виде декларации в налоговые органы согласно ст. 13 Федерального закона № 422-ФЗ от 27 ноября 2018 года [6]. Регистрация физического лица в качестве плательщика налога на профессиональный доход также осуществляется без личного присутствия в налоговом органе, достаточным условием для регистрации является электронная регистрация в мобильном приложении «Мой налог».

Индивидуальный предприниматель на общем или специальном налоговом режиме, кроме налога на профессиональный доход, обязан при регистрации в инспекции Федеральной налоговой службы предоставлять пакет необходимых документов, а также периодически предоставлять отчетность, то есть декларировать свои доходы. Или, например, вести книгу учета доходов и расходов при условии применения упрощенной системы налогообложения. Во избежание посещения налоговых органов индивидуальный предприниматель для предоставления декларации вправе воспользоваться личным кабинетом на сайте Федеральной налоговой службы Российской Федерации.

По размеру финансового обременения налог на профессиональный доход составляет 4 процента от суммы полученных доходов от предпринимательской деятельности при правоотношениях с физическими лицами и 6 процентов от суммы полученных доходов от предпринимательской деятельности при правоотношениях с индивидуальными предпринимателями и юридическими лицами.

Индивидуальному предпринимателю, применяющий упрощенную систему налогообложения, вменяется обязанность уплаты 6 процентов от всех полученных доходов.

При этом и упрощенная система налогообложения, и налог на профессиональный доход освобождает плательщика соответствующего налога от обязанности уплаты налога на доходы физических лиц [8], за исключением, заключающемся в том, что плательщик налога на профессиональный доход не уплачивает налог на доходы физических лиц только в отношении доходов, которые представляют собой объект налогообложения налога на профессиональный доход.

Плательщикам налога на профессиональный доход не вменяется обязанность уплаты страховых взносов на обязательное пенсионное страхование, но законодатель оставляет самозанятым право на добровольное внесение взносов для формирования пенсии. У индивидуального предпринимателя на упрощенной системе налогообложения, не привлекающего работников по трудовому договору, есть обязанность уплаты соответствующих взносов в Пенсионный фонд Российской Федерации и Фонд обязательного медицинского страхования. Однако индивидуальный предприниматель имеет право также и на налоговые вычеты на сумму уплаченных взносов, в то время как для плательщика налога на профессиональный доход предусмотрен закрепленный в ст. 12 Федерального закона № 422-ФЗ от 27 ноября 2018 года налоговый вычет в размере 10000 рублей, применяющийся только для уменьшения суммы налога на будущие периоды [6].

Таким образом, при сравнении налога на профессиональный доход и упрощенной системы налогообложения становится очевидно, что большим преимуществом налога на профессиональный доход является простота регистрации, а также отсутствие отчетности и автоматический расчет размера налоговых отчислений, что по мнению законодателя должно стимулировать предпринимателя легализовать свою деятельность в неформальной экономике.

Но при этом право плательщика налога на профессиональный доход не платить взносы на обязательное пенсионное страхование лишает его и страхового стажа на период деятельности в качестве самозанятого [9]. Соответственно и пособия по временной нетрудоспособности для самозанятых недоступны по причине неуплаты страховых взносов за период применения налога на профессиональный доход [10].

Добровольные же правоотношения по обязательному пенсионному страхованию принесут плательщику налога на профессиональный доход существенные дополнительные расходы. На 2020 год сумма минимального платежа составила 32 448 рублей 00 копеек за год с возможностью разбивки на ежемесячные платежи размером 2704 рубля 00 копеек. Исчисление страхового взноса производится в соответствии с Федеральным законом № 167-ФЗ от 15 декабря 2001 года «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации с применением тарифа, составляющего 22 процента, из них 16 процентов — индивидуальная часть, 6 процентов — солидарная часть тарифа [11]. При этом вступить в правоотношения с Пенсионным фондом Российской Федерации довольно просто: достаточно подать соответствующее заявление либо в территориальный отдел Пенсионного фонда Российской Федерации, либо посредством мобильного приложения «Мой налог».

Также следует уточнить, что совмещать налог на профессиональный доход с другими специальными налоговыми режимами не получится. В случае принятия решения встать на учет в качестве самозанятого индивидуальный предприниматель, применяющий любой из других специальных налоговых режимов, обязан уведомить налоговый орган о прекращении применения указанного режима налогообложения. Обратная ситуация также предполагает первоначально сняться с налогового учета в качестве самозанятого и в течение 20 календарных дней после такого снятия уведомить налоговый орган о переходе на соответствующий специальный налоговый режим [6].

Таким образом, введение института самозанятости имеет своей главной целью выведение бизнеса из «тени», стимулирование малого и среднего предпринимательства. В сложившихся условиях макроэкономической нестабильности на первый план выходит именно социальный эффект от самозанятости, а не дополнительный источник финансирования региональных бюджетов.

Литература / References:

1. Курносова А.В., Черноусова К.С. Анализ введения нового налогового режима для самозанятых граждан РФ // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2020. — № 4–2.
2. Яшунский Г. Правительство заплатит 500 млрд рублей за медстраховку для неработающего населения. Газета «Ведомости». — 2018. — № 10.
3. Артемова И. Взносы регионов в фонд ОМС увеличатся // Vademecum. Деловой журнал об индустрии здравоохранения — Режим доступа: <http://www.vademec.ru/> (дата обращения 10.03.2021 года)
4. Канакова А.Е. «Налог на тунеядство»: нежизнеспособная инициатива или недоработанная перспектива? // Пробелы в российском законодательстве. — 2018. — № 2.
5. Указ Президента РФ от 07 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // СПС «КонсультантПлюс» — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 20.03.2021 года)
6. Федеральный закон от 27 ноября 2018 года N 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» // СПС «КонсультантПлюс» — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 15.03.2021 года)
7. Авдеенко Н.И. Механизм и пределы регулирующего воздействия гражданско-процессуального права. — Л. — 1969.
8. Налоговый Кодекс Российской Федерации (Часть вторая) от 05 августа 2000 года № 117-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 10.03.2021 года)
9. Постановление Правительства РФ от 19 февраля 2019 года № 160 «О внесении изменений в Правила подсчета и подтверждения страхового стажа для установления страховой пенсии» // СПС «КонсультантПлюс» — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 12.03.2021 года)
10. Гражданский кодекс Российской Федерации (Часть вторая) от 26 января 1996 № 14-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 20.03.2021 года)
11. Федеральный закон от 15 декабря 2001 года № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 20.03.2021 года).

ПРОБЛЕМАТИКА ПРОЦЕДУРЫ МЕДИАЦИИ С УЧАСТИЕМ НАЛОГОВОГО ОРГАНА

Виктория Романовна Белоусова,

старший государственный налоговый инспектор отдела обеспечения процедур банкротства
Управления ФНС России по Санкт-Петербургу,
ассистент кафедры финансового права СПбГЭУ
Контакты: 7-я Красноармейская ул., д. 6/8,
г. Санкт-Петербург, 190005
E-mail: v89213914832@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассмотрена необходимость законодательного регулирования медиативных процессов с налогоплательщиками, проведен анализ некоторых положений Налогового кодекса Российской Федерации от 31.07.1998 № 146-ФЗ и Федерального закона от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)». Рассмотрена целесообразность внесения изменения в законодательство с точки зрения введения процедуры медиации с участием налогового органа в части обеспечения достижения поставленных перед Федеральной налоговой службой целей, предусмотренных нормативными правовыми актами, в том числе внутренними. Цель работы — обратить внимание на стремление налогового органа к урегулированию спорных ситуаций и достижению удовлетворения требований сторон. На основе проведенного исследования автором рассмотрены правовое регулирование проводимых сторонами переговоров с целью достижения компромисса, риски сторон, а также преимущества достигнутого соглашения.

Ключевые слова: налоговый орган, налогоплательщик, выездная налоговая проверка, задолженность, налог, пени, медиация.

PROBLEMS OF MEDIATION WITH THE PARTICIPATION OF THE TAX AUTHORITY

Viktoria R. Belousova,

senior state tax inspector of the Department for ensuring bankruptcy procedures
of the Federal tax service of Russia for the Saint-Petersburg,
assistant of the Department of financial law
of Saint Petersburg University of Economics
Contacts: Street 7-I Krasnoarmeyskaya, St.-Petersburg, Russia, 190005

Annotation. This article discusses the need for legislative regulation of mediation processes with taxpayers, analyzes some provisions of the Tax Code of the Russian Federation dated July 31, 1998 No. 146-FZ and Federal Law No. 193-FZ dated July 27, 2010 “On an alternative procedure for resolving disputes with the participation of a mediator (procedure mediation)”. The expediency of amending the legislation from the point of view of introducing a mediation procedure with the participation of the tax authority in terms of ensuring the achievement of the goals set for the Federal Tax Service, provided for by regulatory legal acts, including internal ones, was considered. The purpose of the work is to draw attention to the desire of the tax authority to resolve disputes and achieve the satisfaction of the requirements of the parties. On the basis of the study, the author considered the legal regulation of negotiations conducted by the parties in order to reach a compromise, the risks of the parties, as well as the advantages of the agreement reached.

Keywords: tax authority, taxpayer, field tax audit, debt, tax, penalties, mediation.

Положениями Федерального закона от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее — Закон о медиации) регламентированы особенности процесса поиска компромисса сторонами спора, относительно заявленной тематики актуальным является определение посредника (медиатора).

Исходя из смысла ст. 15 Закона о медиации, функционирование организации, осуществляющей деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации, и медиатора не является предпринимательством, стороны также могут предъявлять дополнительные требования к арбитражу.

С учетом наделения определенной законодательством самостоятельности медиаторы имеют право создать профильные саморегулируемые организации в форме ассоциаций (союзов) или некоммерческих партнерств. Следует отметить, что данные образования подразумевают членство на основе платности взносов и соблюдения внутреннего регламента. Таким образом, указанные обстоятельства не могут не влиять на размер оплаты услуг специалиста.

Юридически значимым является сохранение вверенной медиатору информации в такой мере конфиденциальной, в какой стороны об этом договорились.

Таким образом, принципы добросовестности и компетентности выходят на первый план.

В контексте рассматриваемого вопроса не остается в стороне и Федеральная налоговая служба (далее — ФНС).

Главой 14 Налогового кодекса Российской Федерации (далее — НК РФ) регламентированы меры налогового контроля, относительно заявленной тематики актуальной является выездная налоговая проверка (далее — ВМП).

Исходя из смысла указанной главы, налогоплательщик обязан содействовать в ходе ее проведения налоговому органу, в частности, исполнять запросы ФНС, участвовать в допросах.

В результате соответствующих действий и с учетом справки с известной к доначислению суммой на стадии оформления результата мероприятий налогового контроля налогоплательщику представляется вся суть нарушений, в результате чего уже на ранней стадии он понимает и оценивает риски доначислений: возбуждение уголовного дела, взыскания.

В частности, согласно данным статистической отчетности ФНС (отчет по форме № 2-НК «Отчет о результатах контрольной работы налоговых органов») количество проводимых выездных проверок за 4-летний период снизилось в 4 раза: за 2017 год — 19391, за 2018 — 13753, за 2019 — 9045, за 2020 — 5432 [2].

Также следует привести сведения об увеличении поступлений в рамках погашения в разрезе нескольких лет: 279 млрд. рублей (2017 год), 297 млрд. рублей (2018), и 345 млрд. рублей (2019), 293 млрд. рублей (2020) [3]. Снижение последнего года обусловлено, в первую очередь, мерами поддержки экономики, введением моратория на проведение налоговых проверок (с марта по июль было приостановлено назначение и проведение выездных налоговых проверок в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 02.04.2020 № 409). Однако, по результатам аналитической работы, не требующей непосредственного контакта с налогоплательщиком, посредством добровольной уплаты поступило 158 млрд. рублей, что на 22 % больше 2019 года.

Соответствующая тенденция обусловлена и добровольным погашением задолженности, в том числе благодаря внесенному законодателем изменению: так, в главу 11 НК РФ, в частности, изменен п. 2 ст. 73 НК РФ об основаниях возникновения залога имущества налогоплательщика, добавлен п. 4 ст. 72 НК РФ о размещении информации о применении налоговым органом способов обеспечения исполнения обязанности по уплате обязательных платежей, в результате которого с 01.04.2020 ФНС вправе получить имущество в залог и впоследствии установить статус залогового кредитора не только в добровольном порядке в качестве обеспечения, но и вследствие самостоятельных действий налогового органа по установлению данного статуса в связи с противоправным поведением налогоплательщика в соответствии с нормами п. 2.1 ст. 73 НК РФ, а именно неуплаты задолженности по налогам (сборам, страховым взносам) в установленные законодательством порядке.

Как указано ранее, налогоплательщик задействован в процессе проведения проверки, имеет установленные НК РФ права и обязанности.

Действующим законодательством также предусмотрено право на обращение в орган государственной власти предусмотренными способами и получение ответа. Кроме того, в каждом налоговом органе Российской Федерации ведется запись на прием к руководителю в специально отведенное время, информация доступна в частности на Интернет-ресурсах ФНС.

Таким образом, налоговый орган открыт к диалогу с налогоплательщиками в установленных законодателем рамках.

Однако, в связи со спецификой функционирования органа государственной власти налоговые споры имеют место быть.

С целью избежать риски взыскания по решению налогового органа и учитывая обстоятельства дела, налогоплательщик имеет возможность принять меры по сокрытию имущества до вступления акта ВМП в законную силу. С учетом предоставленных ст. 101 НК РФ налогоплательщику прав в период проверки, допустимого ст. 100 НК РФ срока готовности акта до двух месяцев, назначения рассмотрения ре-

шения, возможности предоставления разногласий стороной и, как следует отметить, не вступившего в законную силу акта, а также возможен интервалом фактического окончания мероприятия до полугодия и, в то же время, невозможности применения мер взыскания налоговым органом в отношении организации, налогоплательщиком могут быть осуществлены действия, например, по сокрытию имущества, его уничтожению.

В то же время, НК РФ предоставляет право ФНС на определенных стадиях принять обеспечительные меры, фактически частично препятствующие деятельности организации.

Исходя из изложенного, стороны предпринимают указанные по своей природе крайние меры.

Таким образом, тема необходимости принятия законодателем мер для не столкновения сторон в рамках арбитражного дела по налоговым спорам насущна.

С одной стороны, статус ФНС, а для налогоплательщиков установленную законодательством обязанность по уплате обязательных платежей и осуществление самостоятельной на свой риск деятельности — с другой, возлагают дополнительную ответственность на личность медиатора.

Так, особое внимание следует уделить тому, что действующим законодательством с 25.10.2019 определен статус судебных примирителей, позволяющих проводить примирительные процедуры в рамках гражданского, административного и арбитражного судопроизводства.

Список лиц утвержден Верховным Судом Российской Федерации посредством вынесения 28.01.2020 Постановления № 1 [1] с отражением по регионам страны, в общей сложности — 342 человека.

Отличительным моментом является то, что таковыми могут быть исключительно судьи в отставке и при условии наличия их согласия на участие в рассматриваемой процедуре.

Деятельность судебного примирителя осуществляется в соответствии с Регламентом проведения судебного примирения.

Стороны вправе выбрать кандидатуру по взаимному согласию.

Оплата услуг осуществляется в соответствии с определением суда об установлении суммы и плательщика — стороны по делу.

Положительными аспектами при привлечении судебных примирителей в качестве медиаторов в случаях, где одна из сторон — ФНС, являются, например, следующие характеристики:

- опыт лица в качестве арбитра, в некоторой степени третьего лица при рассмотрении споров;
- компетентность в силу установленных законодательством требований к статусу судьи;
- безусловное понимание границ коммерческой, банковской и налоговой тайн, а также персональной ответственности;
- возможность оперативно на любой стадии процесса оценить перспективы разрешения спора, а также риски и преимущества предлагаемого решения для сторон;
- умение анализировать и применять нормативные правовые акты.

С учетом концепции готовности сторон к примирению приоритетом является процессуально независимое лицо.

Таким образом, выбор в качестве медиатора судебного примирителя перспективен и обоснован.

Нельзя не отметить, что мировое соглашение направлено на взаимодействие сторон во избежание в последующем длительной и сложной процедуры взыскания задолженности перед бюджетом, возможным длительным и затратным для сторон участием в деле о банкротстве, и реализуется с целью минимизации имеющихся рисков, например, как указано ранее, фактической блокировки деятельности организации.

Следует отметить, что проблематика ухода налогоплательщика от ответственности зависит от его добросовестности.

Таким образом, внесение изменений в законодательство посредством включения в НК РФ нормы права о возможности применения сторонами процедуры медиации как обособленного правоотношения будет способствовать пополнению бюджета Российской Федерации.

В свою очередь, отдельному рассмотрению подлежит решение проблематики отнесения расходов по уплате услуг медиатора.

Литература / References:

1. Постановление Пленума ВС РФ от 28.01.2020 № 1 «Об утверждении списка судебных примирителей» // URL: <http://www.supcourt.ru/files/28685/>
2. URL: https://www.nalog.ru/rn78/related_activities/statistics_and_analytics/forms/
3. URL: https://www.nalog.ru/rn78/related_activities/statistics_and_analytics/effectiveness/#t31

ПАНДЕМИЯ И ПОСТРОЕНИЕ РЕЛЕВАНТНЫХ ПРАВОВЫХ МОДЕЛЕЙ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ ДОЛЖНИКОВ В УСЛОВИЯХ ЭКСТРАОРДИНАРНЫХ СИТУАЦИЙ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ХАРАКТЕРА

Игорь Валентинович Фролов

доцент кафедры предпринимательского права
Юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова,
кандидат юридических наук, доцент
Контакты: ул. Колмогорова, 1, к. 13, 14, Москва, 119234
E-mail: lex-sib@mail.ru
Тел. 8(913)940-8410

Аннотация. В работе проведены доводы о необходимости разработки и введения в российское законодательство о несостоятельности (банкротстве) специальных процедур банкротства несостоятельных должников для экстраординарных ситуаций чрезвычайного характера. Основаниями для введения указанных процедур предлагается обозначить ситуации чрезвычайного экономического характера содержание которых должно быть раскрыто в законодательстве о несостоятельности (банкротстве).

Ключевые слова: несостоятельность (банкротство), банкротство граждан, пандемия, COVID-19, чрезвычайные ситуации, ситуации чрезвычайного характера, ситуации чрезвычайного экономического характера, правовые модели несостоятельности должников.

PANDEMY AND CONSTRUCTION OF RELEVANT LEGAL MODELS OF INSOLVENCY OF DEBTORS UNDER CONDITIONS EXTRAORDINARY EMERGENCY SITUATIONS

Igor Valentinovich Frolov

Associate Professor at the Department of Business Law Faculty of Law,
Moscow State University M.V. Lomonosov,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
Contacts: st. Kolmogorova, 1, corps 13, 14, Moscow, 119234

Abstract. The paper provides arguments about the need to develop and introduce into the Russian legislation on insolvency (bankruptcy) special bankruptcy procedures for insolvent debtors for extraordinary emergency situations. The grounds for the introduction of these procedures are proposed to designate situations of economic emergency, the content of which should be disclosed in the legislation on insolvency (bankruptcy).

Keywords: insolvency (bankruptcy), bankruptcy of citizens, pandemic, COVID-19, emergencies, emergency situations, economic emergencies, legal models of insolvency of debtors.

В современных экономическо-правовых условиях общество и его правовая система практически впервые столкнулись с совершенно новыми глобальными вызовами и угрозами. Следует конечно честь, что с угрозами подобными коронавирусной инфекции COVID-19 общество и ранее неоднократно сталкивалось, так как смертельно опасные вирусы периодически появлялись в различных регионах нашей планеты.

Однако, с учётом современных масштабов общемировой глобализации [5, с. 116–225; 1, с. 211–212], динамики миграции населения и международного разделения труда [6, с. 53, 33–41] проявляющегося в развитой системе логистических и технологических связях между корпорациями и промышленными группами производственные подразделения которых находятся в различных юрисдикциях на различных континентах, возникающие угрозы приобретают совершенно иное значение и масштаб влияния как на всё общество, так и на его отдельных членов. Ранее доля подобных угроз для населения была сравнительно не очень велика. По указанной причине адекватное указанным угрозам правовое регулирование регламентировало подобные ситуации на уровне локальных угроз и не более. Указанные угрозы правом идентифицируются как экстраординарные, то есть чрезвычайные. Примером законодательно идентификации указанных локальных угроз служит законодательное установление перечня чрезвычай-

ных ситуаций, изложенное в Федеральном законе от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ. В постановлении Правительства Российской Федерации от 21 мая 2007 г. № 304 в редакциях: от 17 мая 2011 г. № 376; от 20 декабря 2019 г. № 1743 были закреплены шесть видов чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

Органы власти должны реагировать на конкретные экстремальные обстоятельства [2, с. 52] с целью защиты населения, обеспечения его безопасности, локализации, минимизации и последующей ликвидации имущественных потерь и материального ущерба, вызванного чрезвычайными ситуациями. Механизм указанного реагирования предполагает введение чрезвычайного положения, в рамках которого государством должны приниматься локальные меры предполагающие ограничения посредством изменения системы исполнительных и контрольно-надзорных компетенций органов власти [3, с. 3–4]. Главным критерием и оценочным показателем публичного управления в условиях чрезвычайных ситуаций является его эффективность и оптимальность в локализации, минимизации и последующей ликвидации потерь и материального ущерба, вызванного указанными ситуациями. Однако, распространение COVID-2019 показало, что общество столкнулось с явлением, которое под имеющиеся модели чрезвычайных ситуаций не попадает. Ситуация, возникшая в связи с угрозой COVID-2019 в начале 2020 года не попадает ни под нормативное определение чрезвычайной ситуации, изложенное в абзаце 1 статьи 1 Федерального закона от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», ни под иное определение чрезвычайной ситуации данное специалистами, примером которой может быть понятие чрезвычайной ситуации данное С.А. Старостиным в его исследовании посвященном режиму чрезвычайного положения в котором помимо нормативно закрепленных критериев чрезвычайной ситуации автор считает необходимым добавить наличие реальной угрозы жизненно важным интересам личности, общества и государства [4, с. 47; 3, с. 4–5]. Система чрезвычайных ситуаций, приведенная в Постановлении Правительства Российской Федерации от 21 мая 2007 года № 304 «О классификации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» также не охватывается теми обстоятельствами, которые сопровождали угрозы, связанные с COVID-19 и меры социально-управленческого и экономического характеров, принимаемыми органами исполнительной власти, Правительством и Президентом Российской Федерации. В соответствии с пп. а) ст. 11 Федерального конституционного закона от 30 мая 2001 года № 3-ФКЗ одним из элементов введения чрезвычайного положения является полное или частичное приостановление на территории, на которой введено чрезвычайное положение, полномочий органов исполнительной органов местного самоуправления, что в условиях угрозы населения заболевания COVID-19 абсолютно недопустимо, так как наоборот предполагает не приостановление, а усиление соответствующих полномочий для обеспечения безопасности населения и обеспечения реализации мер по самоизоляции. Именно по указанным причинам новые глобальные угрозы могут быть обозначены как экстраординарные ситуации чрезвычайного характера. Указанная категория угроз требует новой трактовки и нормативного закрепления понятий, связанных с указанными экстраординарными ситуациями чрезвычайного характера релевантных территории охвата и круг лиц как пострадавших от последствий сопоставимых последствиям коронавирусной инфекции COVID-19, так и кругу лиц, правовое положение которых подверглось существенным изменениям в части:

- а) «предстатусных» элементов, как категорий, предшествующих правовому статусу;
- б) самого правового статуса гражданина;
- в) «после статусных» или «пост-статусных» элементов.

Так как что же следует понимать под термином «экстраординарные ситуации чрезвычайного характера»?

Как нам представляется указанный тип ситуаций вызывающий новый вид угроз должен включать в себя помимо чрезвычайных ситуаций ситуации чрезвычайного экономического характера. Это объясняется тем, что в законодательном закреплении понятия чрезвычайных ситуаций нет указаний на ситуацию, отнесенную к существенным изменениям экономических параметров, оказывающих негативное влияние на общество и его членов, что имеет место в случаях возникновения угроз по своим параметрам аналогичных угрозам от распространения и последствиям коронавирусной инфекции COVID-19. По указанным причинам второй категорией, позволяющей охватить сферу распространения экстраординарных ситуаций чрезвычайного характера являются ситуации чрезвычайного экономического характера, к которым следует отнести существенный рост дефицита бюджета, падение промышленного производства, существенный рост инфляции, изменение курса национальной валюты и подобные обстоятельства, вызывающие изменение экономических показателей федерального, регионального и мест-

ных бюджетов, которые оказывают непосредственное негативное влияние на финансовое положение населения проживающего на территории в границах которой указанные изменения зафиксированы с учётом их влияния на значительный рост цен на указанной территории и падения платежеспособности как частных домохозяйств, в целом, так и граждан, в частности.

Таким образом чрезвычайные ситуации как одна из категорий экстраординарных ситуаций чрезвычайного характера для сферы несостоятельности (банкротства) граждан будут основываться на экстремальных ситуациях природного и (или) техногенного характера. В свою очередь ситуации чрезвычайного экономического характера, как ещё один элемент экстремальных ситуаций чрезвычайного характера, будут вытекать из комплекса экономических показателей, оказывающих самое непосредственное влияние на финансовое положение как частных домохозяйств, так и граждан. Наличие как чрезвычайные ситуации, так и ситуации чрезвычайного экономического характера должно определяться органами исполнительной власти в зависимости от характера угроз и объёма негативных факторов, связанных с каждым из типов ситуаций, а также их влияния на платежеспособность и уровень благосостояния населения соответствующей территории.

Литература / References:

1. Россия в глобализирующемся мире: социальные аспекты. Коллективная монография / коллектив авторов. М.: ИСЭПН РАН, 2006. 356 с.
2. Рушайло В. Б. Административно-правовые режимы: монография / В.Б. Рушайло. М.: Из-во «Щит-М», 2000. 263 с.
3. Старостин С. А. Чрезвычайное положение: монография / С.А. Старостин. М.: Проспект, 2019. 120 с.
4. Старостин С. А. Управление органами внутренних дел при чрезвычайных ситуациях: дис. ... д-ра юрид. наук / С.А. Старостин. М.: Академия управления МВД России. 2000. 469 с.
5. Хабриева Т.Я. Миграционное право: сравнительно-правовое исследование: монография / Я.Т. Хабриева. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2019. 400 с.
6. Хазин М. Воспоминания о будущем. Идеи современной экономики / М. Хазин. М.: Рипол-Классик, 2019. 463 с.

УДК 330.8

Научная специальность — 08.00.01

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ О ВЛИЯНИИ ПРАВА НА ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Татьяна Николаевна Родионова,

доцент кафедры теории и истории государства и права
Санкт — Петербургского государственного экономического университета,
кандидат экономических наук,

Контакты: ул. 7-я Красноармейская, д. 6/8, Санкт-Петербург,
Россия, 190005

E-mail: dept.ktiggp@unecon.ru

Тел. 8 (812) 458-97-17

Аннотация. В статье дается обзор экономико-правовых выводов представителей экономической мысли разных стран и периодов развития о влиянии права на экономику. Показана эволюция взглядов от констатации отдельных фактов к разработке осознанной концепции формирования требуемого экономического порядка посредством создания контурного или рамочного законодательства.

Ключевые слова: экономика и право, влияние права на экономику, история экономических учений, история правовых учений, государственное регулирование, социально-правовая школа, сформированное общество, рамочное законодательство, контурное законодательство.

REPRESENTATIVES OF ECONOMIC THOUGHT ON THE IMPACT OF THE RIGHT ON ECONOMIC DEVELOPMENT

Tatiana N. Rodionova,

associate Professor of the Department
of Theory and History of State and Law
Saint-Petersburg State University of Economics,
Candidate of Economic Sciences,

Contacts: 7-ya Krasnoarmeyskaya str., 6/8, Saint Petersburg,
Russia, 190005

Abstract. The article provides an overview of the economic and legal conclusions of representatives of economic thought from different countries and periods of development on the impact of law on the economy. The evolution of views from the statement of individual facts to the development of a conscious concept of the formation of the required economic order through the creation of outline or framework legislation is shown.

Keywords: economics and law, the impact of law on the economy, history of economic doctrines, history of legal doctrines, state regulation, social and legal school, formed society, framework legislation, outline legislation.

Развитие хозяйства — многогранный процесс, который не может быть описан ни одной из так называемых чистых наук. Кроме достигнутого технического уровня развития производства исследователями изучается влияние на экономику со стороны геополитического положения, особенностей культуры, психологии, этики, правовой сферы и участия государства. Разные научные направления пересекаются и взаимодополняют друг друга.

За предшествующий период экономическая мысль прошла эволюцию от указания на отдельные факты влияния каких-либо факторов на экономику до разработки осознанных концепций формирования желаемого экономического порядка посредством *создания контурного (или рамочного) законодательства*. Если в прежние века многие процессы общественного развития рассматривались как естественные, данные и направляемые свыше или, как говорили, природные, то в дальнейшем все чаще речь идет о возможности направлять развитие хозяйства и общества в целом в желательное русло посредством выработки и принятия определенных «правил игры». И сфере права здесь принадлежит важнейшая роль. Экономика всегда развивается в конкретном правовом поле, которое, юридически закрепляя существование тех или иных институтов, либо способствует поступательному экономическому раз-

витию, либо тормозит его. Право, как инструмент, используемый государством для достижения поставленных целей, конкретизирует форму существования экономических явлений.

Исторически, с одной стороны, состояние права отражало уровень развития общества и хозяйства, с другой стороны, право оказывало непосредственное влияние на существование тех или иных форм хозяйствования, направляя движение экономики в определенное русло.

Мы можем проследить, как действующее законодательство в отдельных странах положительно или отрицательно сказывалось на развитии экономики, и как развивались представления исследователей о характере общественных отношений и возможностях их преобразования и регулирования посредством реформирования законодательства. И это особенно важно в настоящее время, когда от грамотного выстроенного соотношения интересов напрямую зависит успешность экономического и социального развития.

На значение правовой сферы в социально-экономическом развитии указывали многие мыслители. В Средние века — это Ф. Аквинский, который опирался на идеи Аристотеля и рассматривал государственность и право как «общее благо», как условие для достойной разумной жизни. Право для него является сферой правды и справедливости. [4, с. 113–117]. В период становления капиталистических отношений в Западной Европе можно назвать ряд известных экономистов: В. Петти (Англия), П. Буагильбера и Ф. Кенэ (Франция), апеллировавших к праву.

В. Петти в конце XVII в., имея отношение к созданию правовых норм того времени, считал необходимым глубоко разобраться в сущности экономических процессов и учитывать познанные «законы природы» при принятии государственного законодательства. Он указывал, что государство управляет при помощи налогов. (Интересно, что в немецком языке слово «штоер» с разными артиклями означает и руль на корабле, и налог. Очевидно, совпадение неслучайно, так как развитие языка отражает происходившую трансформацию представлений.) Петти считал необходимым подвергать налогообложению абсолютно все сословия без исключения от нищего до герцога, что было для того времени достаточно вольнодумным, и применять прогрессивную шкалу с целью изъятия средств из непроизводительного потребления, в том числе на излишнюю роскошь, и вложения их в производство. Уровень налогообложения, как и диапазон заработной платы, должны были быть зафиксированы законодательно.

В непростой период проявления последствий «огораживания» в Англии Петти обращал внимание, что государство не должно бороться против собственного населения, отправляя на виселицу за бродяжничество, в условиях, когда невозможно найти работу; призывал наказывать штрафами или исправительными работами, что экономически выгоднее и гуманнее. И указывал, что государство ответственно за более полное использование трудовых ресурсов. Протivoестественным и вредным Петти считал действовавший в период меркантилизма законодательный запрет на вывоз золота из страны, а также биметаллическую денежную систему с законодательно зафиксированными номиналами. Он призывал не нарушать природные законы, ибо это приведет к вредным последствиям.

П. Буагильбер во Франции в начале XVIII в. также резко критиковал законодательную практику меркантилизма, считая, что были грубо нарушены законы природы. Он указывал на возникшие негативные последствия: на кризис сельского хозяйства, обнищание населения, ножницы цен и по сути диспропорции отраслевой структуры, которые не позволяли осуществлять нормальное воспроизводство сельского хозяйства. В сложившейся ситуации он требовал поднять цены на сельхозпродукцию.

В середине XVIII в. Ф. Кенэ, исходя из философской концепции естественного права, настаивал на необходимости глубокого познания естественных (природных) законов развития, чтобы с учетом этого сформулировать и принять должное государственное законодательство, которое будет способствовать дальнейшему укреплению и развитию хозяйства. Он был уверен, что установленный правовой порядок будет направлять частную инициативу в положительное русло.

Последователь Кенэ, министр финансов Франции — А.-Р.Ж. Тюрго, был сторонником свободы экономической деятельности и прогрессивных изменений во всех отраслях хозяйства. Он считал важнейшей задачей реформировать законодательство и действующие институты в соответствии с требованиями времени, устранить таким образом факторы, сдерживающие развитие. Итогом стало упрочение бюджета, облегчение налогов, отмена цеховой регламентации и создание условий для развития производства, рынка и капиталистических отношений. [1, с. 61]. Можно констатировать, что именно преобразование законодательства позволило снять препятствия и достичь искомой экономической свободы, тогда как в Германии цеховая регламентация была отменена только в 60-х гг. XIX в.

С абсолютным отрицанием экономической роли государства выступил в конце XVIII в. великий А. Смит. Широко известны провозглашенные им идеи либерализма. Однако, и он признавал, что госу-

дарство стоит на страже правопорядка, в том числе экономического. Такое отрицание экономической роли государства основывалось на фактах достигнутых успехов: империя расширена за счет колониальных владений, уже накоплены значительные капиталы, Англия продемонстрировала расцвет мануфактурного производства и уже не боялась конкуренции на внешнем рынке. В этих условиях излишняя регламентация могла только помешать частной инициативе и свободе ее реализации.

Однако, даже в передовой Европе разные страны развивались неравномерно и, безусловно отставали от Англии. Некоторые еще какое-то время не осознавали её превосходства. Так представитель Франции С. Сисмонди, посетив Англию в период промышленного переворота в 1815 г., совершенно не понял прогрессивности крупных предприятий, указывал на тяжелейшие условия труда, нищету работников и в целом снижение уровня потребления в обществе. Он пришел к выводу, что переломить ситуацию может лишь государственное вмешательство посредством законодательного запрета крупного производства и возврата к патриархальным формам хозяйствования.

В середине XIX в. ряд стран Европы объективно оказались перед лицом конкуренции с Англией. Особенно незавидной оказалась участь раздробленной Германии, куда Англия стала продвигать свои более качественные и дешевые товары. Германия не сразу сориентировалась. Но в итоге, защищая отечественных производителей от разорения, вынуждена была вводить законодательные ограничения на импорт английских товаров. Много сил на убеждение своих соотечественников и на обоснование необходимости мер протекционизма положил Ф. Лист. Именно он, вскрывая истинное положение дел, в одиночку пытался противостоять негативным экономическим тенденциям и заблуждениям и настоятельно выступал за целенаправленное государственное участие в развитии отечественного производства, обеспечение для него благоприятствования и покровительства посредством принятия соответствующего законодательства. Интересно, что в качестве примера Лист приводил Россию периода XVII — первой половины XVIII вв., когда Россия преуспевала в результате национального единства и определенного политического устройства. [10] Лист явился также предшественником такого направления как историческая школа.

Экономическая наука в рамках классической школы развивалась на основе чисто научного метода, предполагавшего исследование взаимосвязей лишь между экономическими явлениями. В результате к середине 19 в. она стала испытывать кризис, не имея возможности ответить на ряд вопросов и соотнести противоположные точки зрения. Как протест против ее методологии зародилось историческое направление экономической мысли. Историки-экономисты, применив междисциплинарный подход, обратили внимание на влияние истории, этики, психологии, религии, права на экономическое развитие.

Можно утверждать, что и учение К. Маркса было основано на междисциплинарном подходе и носило, среди прочего, политический и правовой характер. Основное противоречие капитализма, по Марксу, заключается в том, что производительные силы по мере развития приобретают общественный, иначе говоря коллективный характер при сохранении частной формы распределения. [11]. Будущее приведение производственных отношений в соответствие производительным силам и потребует ликвидации института частной собственности и юридической фиксации этого факта.

В конце XIX в. в Германии под влиянием новой исторической школы в экономической мысли возникло социально-правовое (или социально-этическое) направление, представителями которого были А. Амонн, К. Диль, Ф. Петри, Р. Штаммлер и Р. Штольцман [14, с. 38]. Их объединял социальный подход. А социальное они трактовали как правовое или этическое, «...в качестве важнейшего фактора экономической жизни общества, определяющего ее эволюцию, рассматривали этические и правовые нормы» [2, с.169].

Появление социальной школы было закономерно. Предпосылкой стала новая стадия экономического развития, когда особенно интенсивно шло формирование таких новых институтов как монополии, государственно-монополистическое регулирование. Практике этого периода уже не соответствовал и индивидуализм австрийской школы. Поэтому представители социально-правового направления пересматривают методологию субъективизма и индивидуализма, делая упор на правовой и социальный аспекты анализа экономических явлений. У них не получилось создать целостную экономическую теорию. Но они сосредоточили внимание на правовых формах, которые лежат в основе рыночного обмена и даже сделали правовое и этическое регулирование предметом политической экономии [2, с.169–173]. Но если у Штольцмана, Амонна и других речь шла о правовом регулировании товарного обмена, то Шпанн правовое регулирование противопоставляет обмену как другую форму связи внутри общества. Он проводит исторический экскурс и показывает, что в разные исторические эпохи соотношение между этими различными видами связей варьировалось. В средневековье преобладало «регулирование»

в виде государственной регламентации цехового ремесла, иерархии вассалов-сюзеренов; при капитализме прямое государственное регулирование касалось лишь общих условий производства: налогов, ограничения рабочего дня и т. д. Будущий строй Шпанн называет универсализмом, который реставрирует средневековые отношения на новой технической основе, когда госвмешательство снова будет касаться как общих условий, так и самого производственного процесса. Шпанн отвергал рыночное регулирование хозяйства и предполагал, что государство должно устанавливать цены с учетом полезности благ и их вкладом в достижение «национальной цели». [2, с. 176–177].

В США как аналог европейской исторической школы на рубеже XX в. возникло новое направление экономической мысли — институционализм. Из-за невозможности учесть в рамках одного направления разнообразные влияния на экономику со стороны других сфер в его рамках возникли отдельные ветви — поднаправления. Одно из них — социально-правовое. Его основоположником стал Дж. Коммонс. «Все пороки капитализма он видел в несовершенстве юридических норм, ведущем к нечестной конкуренции; решать же эту проблему предполагал, используя юридические законодательные органы государства.» [5, с.158]. Он придавал большое значение коллективным действиям, которые являются, с его точки зрения, единственным способом примирения противоположных интересов, так как в процессе подготовки сделок достигается единство мнений и действий [7].

Сделка у Коммонса является одним из основных понятий. Он дает классификацию сделок и связанных с ними процессов по ряду признаков; различает рыночные, административные и распределительные сделки. В отличие от ушедшей в прошлое стадии индивидуального обмена, в XX в. сделки касаются неосязаемой собственности: возможна передача права собственности без передачи соответствующих предметов. Коммонс объединяет в понятии сделки традиционные факторы цены и количества, а также оценку будущих благ, способность убеждать и обязательство выполнить в будущем какое-либо действие.

Он ввел понятие ожидаемой меновой стоимости. Понятие стоимости при этом выводится из согласия о выполнении контракта в будущем. Таким образом, констатируется влияние будущего на настоящее. При этом в центре внимания оказываются юридические вопросы: требуется такой экономический и юридический и порядок, который обеспечил бы гарантии выполнения ожиданий в будущем.

На основе американской практики Коммонс пришел к выводу, что коллективные устремления находят свое выражение через суды. И именно там при участии суда устанавливается разумная стоимость, приемлемая для противоборствующих агентов. Экономические вопросы прорастают таким образом в правовую сферу. Коммонс исследовал историческое развитие институтов американского промышленного капитализма и отмечал, что правила экономической деятельности вырабатываются медленно с помощью права, постановлений правительства [9, с. 77]. Причем отбор наиболее приемлемых юридических норм осуществляется в ходе судебной практики.

Коммонс оперировал понятием действующих коллективных институтов, под которыми понимал производственные предприятия и действующие фирмы. Он отмечал, что в современный ему период профсоюзы и предпринимательские ассоциации контролируют индивидуальное поведение сильнее, чем когда-либо. В желании отстоять свои интересы корпорации влияют на законодательные органы, привлекают юристов, проводят программы связей с общественностью. В таком развитии событий он видел огромную опасность для общества и прав личности. В качестве противодействия опасным тенденциям он считал необходимыми усилия правительства по реформированию законодательных учреждений, которые смогут ограничить вредные проявления капитализма.

Коммонс утверждал, что действия людей не являются рациональными, зависят от их психологии, убеждений, глупости, пристрастности и заблуждений. Поэтому к установлению разумной стоимости ведет прагматичный юридический подход, позволяющий вырабатывать юридические правила коллективных действий.

Согласно Дж. Гэлбрейту [3] в рамках нового индустриального общества сосуществуют рыночная и планирующая системы. Механизм координации и планирования возникает как вертикальная интеграция путем заключения контрактов и превращается в огромную сеть, пронизывающую экономику [5, с.198–199].

В классической конкурентной среде контракты, как правило, не применяются. Напротив, в планирующей системе бизнес все больше сводится к заключению контрактов. [9, с. 82]. Позже развился контрактный подход к исследованию институтов [9, с. 175].

XX век дал не только теоретические разработки, но и богатую практику государственного регулирования экономики через посредство системы права. Достаточно вспомнить массовые явления государственного вмешательства в экономику еще перед первой мировой войной. Новая возможность

и необходимость вмешательства возникла в годы Великой депрессии. Свообразным был опыт национал-социалистической Германии.

По замечанию Н. Кондратьева, начиная с 30-х гг. в области «социальной экономии» мы наблюдаем «острую борьбу экономистов около вопросов государственного вмешательства и свободы хозяйственной деятельности, трестирования и синдицирования, протекционизма и фритредерства» [8, с. 298 / Цит. по: 17, с. 355]. С этого момента можно проследить два альтернативных направления в теории и политике капиталистических стран: кейнсианское и неолиберальное.

Итогом исследования Дж.М. Кейнса было создание качественно новой экономической теории, получившей название «кейнсианской революции». Главная идея Кейнса заключалась в том, что система рыночных отношений не является совершенной и саморегулируемой, что решение главной проблемы тяжелейшего в истории кризиса — преодоление безработицы и обеспечение экономического роста возможно лишь при посредстве активного государственного вмешательства в экономику. Он писал, что новое теоретическое понимание «указывает на жизненную необходимость создания централизованного контроля в вопросах, которые ныне в основном предоставлены частной инициативе... Государство должно будет оказывать свое руководящее влияние на склонность к потреблению частично путем соответствующей системы налогов, частично фиксированием нормы процента и, возможно, другими способами» [6, т. II, с. 428. / Цит. по: 17, с. 361], «учреждение централизованного контроля, необходимого для обеспечения полной занятости, потребует, конечно, значительного расширения традиционных функций правительства... Но все же остаются широкие возможности для проявления частной инициативы и ответственности» [6, т. II, с. 430 / Цит. по: 17, с.362].

После второй мировой войны в Западной Германии неолиберальная теория Фрайбургской школы получила статус государственной доктрины и далее последовало её успешное применение. В её центре понятие «социального рыночного хозяйства», которое включает естественную «свободу рынка» и справедливое распределение по принципу «социального выравнивания». Эти идеи были первоначально сформулированы А. Мюллером-Армаком в 1947 г. и рассматривались его последователями как путь к «экономическому гуманизму».

В. Ойкен в работе «Основные принципы экономической политики» (1952) пишет о необходимости мышления категориями порядков. «Экономический порядок страны состоит из совокупности тех реализованных в каждом случае форм, в которых предприятия и домашние хозяйства связаны между собой и в которых... протекает *in concreto* экономический процесс». [12, с. 76]. «...такие правовые институты, как собственность, свобода заключения договоров или ответственность, изменяют свою функцию в зависимости от формы порядка» [12, с. 77].

Пережив сложные периоды, общество обычно становится более зрелым, выкристаллизовывается представление об истинных ценностях. Так, в середине XX в. в Германии зародилась концепция социального рыночного хозяйства. Соответствующие теоретические положения с 1948 г. отражались в ежегоднике «Ордо», а западногерманский вариант неолиберализма получил название «ордолиберализм». Далее указанная концепция планомерно проводилась в жизнь путем совершенствования правовых институтов. В 1950 г. канцлером ФРГ К. Аденауэром было заявлено о цели следования в стране модели «социального рыночного хозяйства». Правительство К. Аденауэра — Л. Эрхарда на протяжении ряда лет претворяло эту идею в жизнь. Позже Л. Эрхард подытожил: «конкуренция везде, где возможно, регулирование — там, где необходимо» [16]. В 1957 г. Л. Эрхард заявил о начале второго этапа формирования в ФРГ «социального рыночного хозяйства», а в 1965 г. он объявил, что цель создания «оформленного» или «**сформированного общества**» достигнута.

В. Рёпке, А. Рюстов и другие непримиримо критиковали проявления монополизма, что также решалось на практике путем создания антимонопольного законодательства и деятельности антимонопольных комитетов.

Российская история также дает много примеров создания рамочного правового поля и дальнейшего развития в установленных рамках.

Достаточно вспомнить так называемые указные производства в период правления Петра I, развитие хозяйства страны при Екатерине II, отмену крепостного права, благоприятное отношение правительства к развитию отдельных форм хозяйствования, принятие типовых уставов, как было в отношении кооперативного движения. В советский период — это возникновение принципиально новых институтов, основанных на отмене частной и законодательном утверждении общественной собственности, что предопределило вектор развития на ряд десятилетий. В конце XX в. Россия вернулась в лоно капитализма. Но это не изменило значения права по отношению к экономической сфере. По-прежнему идет

непрерывная работа по оттачиванию норм законодательства, которые способствовали бы поступательному развитию страны.

Литература / References:

1. *Бартенев С.А.* История экономических учений: Учебник. — М.: Экономика, 2003. — 456 с.
2. *Всемирная история экономической мысли: в 6 т. — Т.2.* — М.: Мысль, 1989. — 605 с.
3. *Гэлбрейт Дж. К.* Новое индустриальное общество. — АСТ, 2004. — 608 с.
4. *История политических и правовых учений / Под ред. В.С. Нерсисянца.* — М., 1996. — 736 с.
5. *История экономической мысли / Под ред. В.В. Круглова, Е.В. Балахоновой.* — СПб.: Питер, 2008. — С.198–199.
6. *Кейнс Дж.М.* Общая теория занятости, процента и денег // Антология экономической классики. В 2-х томах. Т.2. — М.: «Эконов», 1992. — 486с.
7. *Коммонс Дж. Р.* Правовые основания капитализма. — М.: ГУ ВШЭ, 2011. — 416 с.
8. *Кондратьев Н.Д.* Избр. соч. — М.: Экономика, 1993. — 543 с.
9. *Корнейчук Б.В.* Институциональная экономика. — М., 2006. — 255 с.
10. *Лист Ф.* Национальная система политической экономии: пер. с нем. В. М. Изергин. — Москва; Челябинск: Социум, 2017. — 451 с.
11. *Маркс К.* Капитал // Маркс К., Энгельс Ф., Соч. — 2-е изд.
12. *Ойкен В.* Основные принципы экономической политики. — М.: Прогресс, 1995. — 494 с.
13. *Селигмен Б.* Основные течения современной экономической мысли. М.: Прогресс, 1968. — 600 с.
14. *Родионова Т.Н.* Социальная школа в Германии: проблемы собственности, распределения, власти// Научная сессия профессорско-преподавательского состава научных сотрудников и аспирантов по итогам НИР 2000 года. Февраль-март 2001 года. — СПб.: Изд-во СПбГУЭиФ, 2001. — С.38–41.
15. *Эрхард Л.* Благополучие для всех. — М., 1991. — 335 с.
16. *Эрхард Л.* Пол века размышлений: Речи и статьи. М.: Руссико-Ордынка, 1993. — 606 с.
17. *Ядгаров Я.С.* История экономических учений: Учебник для вузов. — М.: ИНФРА-М, 2000. — 479 с.

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПРАВОВЫХ НОРМ И ОРГАНИЗАЦИОННЫХ СТИМУЛОВ: НА ПРИМЕРЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ РАЗМЕРА ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ФОНДА

Виталий Павлович Елизаров

доцент кафедры теории и истории государства и права
Санкт-Петербургского государственного экономического университета,
кандидат политических наук,
Контакты: ул. 7-я Красноармейская, д. 6/8, Санкт-Петербург,
Россия, 190005
E-mail: dept.ktiggp@unecon.ru
Тел. 8 (812) 458-97-17

Аннотация. В статье предпринимается попытка изучения вопроса о соотношении правовых норм и организационных стимулов, под влиянием которых действуют субъекты права. Данный вопрос разбирается на материале практики определения размера избирательного фонда кандидатов и политических партий. Взаимосвязь между правовыми нормами и теми стимулами, под влиянием которых действуют субъекты избирательного права носит характер сложной зависимости: необходимо соблюсти грань между достаточной свободой формирования избирательного фонда, и отсутствием контроля над его комплектованием и расходованием.

Ключевые слова: избирательное право, правовые нормы, организационные стимулы.

LEGAL NORMS AND ORGANIZATIONAL INCENTIVES: ON THE EVIDENCE OF ELECTORAL FUNDRAISING

Vitaly P. Elizarov

associate Professor of the Department
of Theory and History of State and Law
Saint-Petersburg State University of Economics,
candidate of Political Sciences,
Contacts: 7-ya Krasnoarmeyskaya str., 6/8, Saint Petersburg,
Russia, 190005

Abstract. The article concerns the issue of relationship between the legal norms and the organizational incentives. The empirical base for the analysis is the practice of defying of electoral funds (for candidates and political parties). The results of analysis are: 1) the limits of a electoral fund is to be wide enough to provide candidates and political parties space for implementation their campaign strategies; 2) the rules of an electoral fund's supplying are to be clear and simple.

Keywords: electoral law, legal norms, organizational incentives.

Право — регулятор общественных отношений и избирательное право не составляет исключения. При этом право относится к особой категории социальных регуляторов, которые носят название институтов. Участники социальных взаимодействий используют институты как инструменты для достижения своих целей [1, с. 10]. «Институты — это «правила игры» в обществе, или, выражаясь более формально, созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми. Следовательно, они задают структуру побудительных мотивов человеческого взаимодействия — будь то в политике, социальной сфере, или экономике» [2, с. 17]. Проблема, заключается в том, что те цели, для достижения которых создаются правила, и результаты социальных взаимодействий не всегда совпадают. В отношении правовой нормы это означает возможность расхождения между теми целями, которыми руководствуется законодатель и правоприменительной практикой, которая складывается из конкретных действий субъектов правоотношений [3]. Это расхождение в свою очередь, как правило, является следствием несоответствия целей и методов регулирования.

В рамках данного текста эта проблема рассматривается на примере той части избирательного законодательства, которая определяет размеры избирательных фондов при проведении выборов в Российской Федерации. Есть цели, которые ставит перед собой законодатель, задавая правила наполнения

и расходования избирательных фондов, и есть реальная практика финансирования избирательных кампаний. Соотношение и взаимосвязь между ними и станет предметом рассмотрения [3].

Прежде чем перейти к анализу действующего российского законодательства, регулирующего деятельность по созданию и расходованию избирательных фондов, необходимо оговорить, что практика законодательного ограничения политического финансирования в коей мере не является российской спецификой. Ограничения на размер избирательных фондов кандидатов и политических партий в том или ином виде существуют почти во всех странах, где существует институт конкурентных выборов.

Во всех странах, которые практикуют ограничение на размер избирательных фондов законодатели, исходят из схожей логики. Эта логика задается теми целями, с которыми связано само введение понятия избирательного фонда, равно как и введение норм, определяющих правила его комплектации. Нас в данном случае интересует только те нормы, которые ограничивают предельный размер избирательного фонда. Введение этих ограничений, равно как и введение правил отчетности средств избирательного фонда законодатель исходит из следующих принципов: 1) принцип равенства (в нашем случае, равенства финансовых возможностей кандидатов); 2) принцип гласности (в данном случае, прозрачность источников финансирования выборов) [3].

Анализ действующих норм, регулирующих практику финансирования избирательных кампаний должен включать в себя учет двух факторов. Первый фактор — это установление ограничений на предельные размеры избирательных расходов, для выборов федерального и регионального уровней. Второй фактор — правоприменительная практика, отражающая отчетность о расходовании средств, затраченных кандидатами и партиями на избирательные кампании.

Говоря о том, какими критериями законодатель руководствуется при определении предельных размеров избирательных расходов, прежде всего, следует отметить отсутствие унифицированного подхода. Если для выборов федерального уровня законодатель может выделить ясный критерий — численность населения в избирательном округе, то для выборов регионального уровня данный критерий оказывается неприменимым.

На основании анализа, проделанного М. М. Какителашвили, который изучил ограничения на размеры избирательные фонды политических партий в разных регионах РФ, было установлено, что что предельные размеры избирательных фондов для выборов региональных парламентов 2016 г. были установлены с явным нарушением принципом равенства участников избирательного процесса [4, с. 122–123]. Взяв в качестве сравнительного критерия отношение размера избирательного фонда к численности населения региона, М.М. Какителашвили показал, что в различных субъектах федерации значения данного критерия отличаются в разы [1; 4, с. 124–125]. Тот же вывод исследователь делает при анализе ограничений на размер избирательных фондов, определенных для выборов глав субъектов федераций — выбранный критерий может различаться на порядки. Например, в 2016 г. размер избирательного фонда на выборах губернатора Краснодарского края был определен в 10 миллионов рублей при численности населения в 3,9 миллиона. В том же году для выборов губернатора Ростовской области размер избирательного фонда был установлена на уровне 200 миллионов рублей, при численности населения в 3,2 миллионов. Иначе говоря, в Краснодарском крае отношение предельного размера фонда к численности населения составило 2,5 рублей, в то время, как в Ростовской области 61,1 рублей [4, с. 126]. Таким образом, мы видим, что при определении предельного размера избирательных расходов для выборов регионального уровня принцип равенства участников избирательного процесса не соблюдается [1].

При этом мы видим, мы видим, что в тех случаях, когда ограничения размера избирательного фонда незначительны, в ходе реальных избирательных кампаний не всегда удается исчерпать весь разрешенный законом избирательный фонд. Так, из всего числа партий, которые соревновались за голоса избирателей на выборах депутатов Государственной Думы в 2011 г. единственной партией, которая израсходовала почти весь свой избирательный фонд, оказалась «Единая Россия». Шесть других партий потратили на свои избирательные кампании значительно меньше средств, чем могли. Яблоко — 169 миллионов из разрешенных законом 700 миллионов, а «Правое дело» и того меньше — 36 миллионов. Ситуация повторилась на выборах в ГД РФ седьмого созыва (2016 г.). «Из всех 14 принявших участие в выборах политических партий только «ЛДПР» (более 663 млн) и «Единая Россия» (более 539 млн) приблизились в своих расходах к предельной сумме расходования избирательного фонда» [4, с. 120; 1].

Интересно, что такое явление, как нереализованность возможностей исчерпания средств избирательного фонда дает экспертам основания для вывода о том, что сами размер избирательного фонда был определен слишком свободно, что, в свою очередь, ведет к нарушению принципа равенства. Это, в свою очередь, ведет к соревнованию не политических программ, а финансовых ресурсов [4, с. 120].

Представляется, однако, что причиной того, что кандидаты и политические партии не всегда используют предоставленные законом возможности по расходованию средств избирательного фонда лежит совсем в иной плоскости. Как показывает анализ установленных законом правил финансовой отчетности за расходованием избирательных средств, а также анализ тех отчетов, которые кандидаты избирательные объединения предоставляют по окончании выборов, причины по которым уровень проведенных через избирательный фонд расходов часто не исчерпывает разрешенный законом предел, оказываются связанными не с завышением размеров избирательного фонда, а с бюрократическими и организационными требованиями избирательных кампаний [3].

Как уже было сказано, цель законодателя при составлении правил заключается в создании условий для прозрачности реальных избирательных расходов. Однако, сложность отчетных процедур часто оказывается тем самым фактором, который создает прямые стимулы, для осуществления финансирования избирательной кампании «мимо» средств избирательного фонда. Это касается, прежде всего, требования прилагать к итоговому финансовому отчету всего комплекса документов, который проходит через избирательную кампанию. Сюда относятся оригиналы (в крайнем случае, копии) агитационных материалов; платежных документов, подтверждающих оплату изготовления тех или иных материалов, и проведения организационных мероприятий. Проблема заключается в том, что эта отчетность по факту должна предоставляться дважды, поскольку все эти документы предоставляются в избирательную комиссию в процессе осуществления кампании [3]. «Получается, что кандидаты готовят двойную отчетность. Кроме того, даже на региональных выборах кандидаты вынуждены готовить десятки, а иногда и сотни договоров с агитаторами, наблюдателями, средствами массовой информации. Все это требует не только времени, но и дополнительных расходов на содержание штата бухгалтеров и юристов, и ведет к удорожанию кампании» [5, с. 15].

В результате это выливается в противоречие между отчетными процедурами и реалиями избирательной кампании. Нормой почти любой избирательной кампании является авральный режим работы. В условиях аврала ограничениями для менеджера избирательной кампании является скорее чрезмерные требования отчетности, нежели размер избирательного фонда, особенно, если он установлен на достаточно высоком уровне и позволяет оплатить все требуемые расходы кампании. «Решение о проведении социологического опроса, организации агитационного мероприятия, публикации новой листовки, которая должна оперативно реагировать на текущую ситуацию кампании, принимаются в условиях крайне ограниченного времени. Организация и проведение любого подобного мероприятия требует своевременной оплаты услуг непосредственных исполнителей. Очень часто задача собрать расходную отчетность и при этом уложиться в требуемое время оказывается невыполнимой» [3]. Выбирая между временем и процедурами, менеджер избирательной кампании в большинстве случаев делает выбор в пользу времени. Иначе говоря, чрезмерное регулирование правил отчетности вносит свой вклад в стимулы, которые приводят к искусственному занижению избирательных расходов, как они представлены в официальных отчетах кампании.

Резюмируя, можно сделать следующие выводы. С одной стороны, сильное занижение размеров избирательного фонда создает стимулы для увода значительной части избирательных расходов «мимо» финансовой отчетности, что нарушает как принцип гласности, так и принцип равенства. Однако, это утверждение нужно дополнить тем, что этот фактор действует только в условиях, когда размер избирательного фонда заведомо нереалистичен. Именно такой была ситуация в 1990-х гг. Следует, впрочем, отметить, что даже в этот период причиной широкой распространенности теневого финансирования являлось не только законодательное ограничение избирательных расходов, но и общий экономический контекст, а именно: высокая инфляция и низкий курс рубля (при этом что и составление бюджета избирательной кампании и расчеты с сотрудниками и контрагентами часто осуществлялись в долларах). При установлении предельных размеров избирательных фондов на уровне, позволяющем проводить большую часть расчетов через избирательный фонд (как это происходит, начиная с 2000-х гг.), этот фактор теряет свое значение и «теневая» доля избирательных расходов уменьшается, но зато увеличивается роль фактора чрезмерно жестких правил отчетности. Практическими выводами являются следующие утверждения: 1) начатая с начала 2000-х годов практика повышения предельного размера избирательного фонда оказалась достаточно успешной, но ее потенциал еще не исчерпан; 2) требуется серьезный пересмотр и оптимизация правил отчетности избирательных расходов.

Литература / References:

1. Елизаров В. П. Финансирование избирательных кампаний: вопросы правового регулирования. Магистерская диссертация. СПб.: СПбГЭУ, 2021.
2. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «НАЧАЛА», 1997.
3. Елизаров В.П. К вопросу об определении размера избирательного фонда и «теневом» финансировании избирательных кампаний // Право и политика. — 2019. — № 11. — С. 20–28.
4. Какителашвили М. М. Конституционно-правовые проблемы финансирования политических партий и избирательных кампаний в Российской Федерации. М.: Галлея Принт, 2017.
5. Деньги на выборах: проблемы обеспечения прозрачности финансирования политических партий и избирательных кампаний в Российской Федерации / Андрейчук С. (сост.) доклад «Трансперенси Интернешнл-Россия. М., 2017. URL: <https://transparency.org.ru/special/dengi-na-viborah/money-to-elect.pdf> (Дата доступа: 21.02.2021).

**АНТИМОНОПОЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ОРГАНЫ,
ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИЕ ПУБЛИЧНЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ.
КРАТКИЙ АНАЛИЗ ПРИМЕНЕНИЯ АНТИМОНОПОЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА.
СОЦИАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВА**

Наталья Александровна Кулушева,

заместитель генерального директора по правовым вопросам
ООО «АСТРА ЛОУ КОМПАНИ»,
ассистент кафедры предпринимательского
и энергетического права СПбГЭУ
Контакты: ул. 7-я Красноармейская, д. 6/8, Санкт-Петербург,
Россия, 190005 E-mail: 256932@bk.ru
Тел.: 8 (812) 458-97-23

Валерий Викторович Петров,

судья, пребывающий в отставке,
старший преподаватель кафедры уголовного права
и уголовного процесса СПбГЭУ
Контакты: ул. 7-я Красноармейская, д. 6/8, Санкт-Петербург,
Россия, 190005 E-mail: 95044@bk.ru
Тел.: 8 (812) 458-97-18

Аннотация. В данной статье рассмотрены проблемы, возникающие при применении Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции», Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». Проведен анализ некоторых положений вышеупомянутых законов, в том числе их изменения и вопросы, возникающие в практическом применении антимонопольного законодательства. На основе проведенного исследования авторами предлагаются дальнейшие пути совершенствования антимонопольного законодательства. Раскрыты некоторые аспекты необходимости дальнейшей социализации государства.

Ключевые слова: антимонопольное законодательство, защита конкуренции, контрактная система, закупки, товары, работы, услуги, социализация государства.

**ANTIMONOPOLY LEGISLATION AND BODIES EXERCISING PUBLIC AUTHORITY.
BRIEF ANALYSIS OF THE APPLICATION OF ANTITRUST LEGISLATION.
SOCIALIZATION OF THE STATE**

Natalya A. Kulusheva,

Deputy Director General for Legal Affairs
ASTRA LOW COMPANY, LLC»,
assistant of the Department of entrepreneurship
and energy law of Saint Petersburg University of Economics
Contacts: Street 7-I Krasnoarmeyskaya, St.-Petersburg, Russia, 190005

Valery V. Petrov,

the judge staying in resignation,
chief lecturer of the Department of criminal law
and criminal process of Saint Petersburg University of Economics
Contacts: Street 7-I Krasnoarmeyskaya, St.-Petersburg, Russia, 190005

Abstract. This article discusses the problems that arise when applying the Federal law of 26.07.2006 N 135-FZ «on protection of competition», the Federal law of April 5, 2013 n 44-FZ «on the contract system in the field of procurement of goods, works, services for state and municipal needs». An analysis of some of the provisions of the above-mentioned laws, including their changes and issues arising in the practical application of antitrust legislation. Based on the research, the authors suggest further ways to improve the Antimonopoly legislation. Some aspects of the need for further socialization of the state are revealed.

Keywords: antitrust law, competition protection, contract system, procurement, goods, works, and services, socialization of the state.

Ныне действующее общегражданское законодательство в статье 1 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (далее — ГК РФ) признает равенство участников, вступающих в отношения, регулируемые данным законодательством, провозглашает свободу договора, недопустимость произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, возможность свободного осуществления гражданских прав, и в случае их нарушения, обеспечение права на судебную защиту.

Российское антимонопольное законодательство имеет ряд норм, прямо относящихся к органам, осуществляющим публичные полномочия.

Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее — Закон о защите конкуренции) определяет правовые основы защиты конкуренции, что предполагает, в том числе, установление определенных организационных норм, способствующих возможности свободного волеизъявления участников рынка.

Вышеупомянутый закон так же указывает на недопустимость ограничения, устранения конкуренции органами государственной власти, государственными внебюджетными фондами, ЦБ РФ.

Данные положения направлены на исключение ситуаций, при которых органы государственной власти могут своими действиями влиять на условия обращения товаров на определенном товарном рынке. Фактически эти нормы предупреждают и пресекают монополистическую деятельность при различных формах поддержки независимо от того, в чьих интересах будут совершаться действия.

Для лиц, занимающих ведущее положение на рынке, существуют ограничения, предусмотренные статьей 10 Закона о защите конкуренции и независимо от того занимают они такое положение на рынке или нет, в статье 11 данного закона предусмотрены запреты на ограничивающие конкуренцию соглашения или согласованные действия. В статье 14 этого же закона предусматриваются и ограничения на недобросовестную конкуренцию. Можно сделать вывод, что требования антимонопольного законодательства применяются к гражданско-правовым отношениям и гарантией соблюдения норм закона являются полномочия антимонопольного органа, которые состоят в пресечении монополистической деятельности, а конкретно выявлении нарушений, допускаемых при злоупотреблении экономическим положением лицом, имеющим преимущество на рынке.

Динамичное развитие антимонопольного законодательства предполагает наличие отдельной группы норм, которые в своей совокупности должны разумно ограничивать полномочия государственных органов при обращении товаров на определенном товарном рынке.

Регулирование порядка заключения договоров в отношении государственного и муниципального имущества является неотъемлемой частью антимонопольного законодательства и барьером, не допускающим произвол в этой сфере, что касается в полном объеме и предоставления государственной или муниципальной преференции.

Закон о защите конкуренции устанавливает определенные требования для хозяйствующих субъектов при их взаимодействии с другими участниками гражданского оборота в сфере гражданско-правовых отношений. Практика несоблюдения антимонопольного законодательства показывает, что государственными органами допускается достаточное количество нарушений норм, обязывающих совершение тех или иных действий, либо из запрещающих.

Запретительные нормы перечисляются в статьях 15 и 16 Закона о защите конкуренции и распространяются на соглашения, либо совершение органами государственной власти каких-либо действий и издания нормативных актов.

Законодательство устанавливает понятие конкуренции и определяет ее как соперничество хозяйствующих субъектов, при котором не допускается в одностороннем порядке воздействие на общие условия обращения товаров на любом из товарных рынков. Данное понятие изложено в п. 7, ст. 4 Закона о защите конкуренции.

Наиболее распространенным нарушением антимонопольного законодательства являются действия государственных органов, которые противодействуют, порой совершенно необоснованно, осуществлению деятельности участников рынка, в том числе и путем принятия нормативных актов, ограничивают действия хозяйствующих субъектов в интересующей сфере их деятельности.

Закон о защите конкуренции содержит нормы обязывающие государственные органы совершать те или иные действия определенного содержания. Обязательность касается и иных сфер деятельности, которые учитывают наряду с антимонопольным законодательством еще и Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ (далее — Закон о противодействии коррупции), поскольку эти сферы предполагают манипуляции с государственным и муниципальным имуществом, распоряжение бюджетными средствами.

Обязательные для исполнения нормы касаются трех сфер деятельности государственных органов:

- в сфере распоряжения государственным и муниципальным имуществом (ст. 17.1 Закона о защите конкуренции),
- в сфере заключения договоров с финансовыми организациями (ст. 18 Закона о защите конкуренции),
- в сфере предоставления государственных и муниципальных преференций (ст. 19, 20, 21 Закона о защите конкуренции).

Федеральный закон от 01.03.2020 № 33-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» регламентирует введение определенных требований по приведению внутренних правовых актов компаний в соответствие с требованиями антимонопольного законодательства. Вышеупомянутый закон так же устанавливает порядок организации определенных мер, которые регулируются внутренними правовыми актами компаний по соблюдению антимонопольного законодательства, то есть вводится понятие антимонопольного комплаенса.

Предусматривается и направление проектов внутренних правовых актов, регламентирующих организацию системы соблюдения антимонопольного законодательства в соответствующий антимонопольный орган на предмет исследования его соответствия требованиям антимонопольного законодательства и дачи соответствующего заключения.

Рассматривая действия государственных органов несоответствующих нормам антимонопольного законодательства, возможно расценить их как правонарушения, влекущие определенные последствия в виде конкретных действий, которые оказывают негативное влияние на конкуренцию.

Поскольку умышленные и неумышленные действия совершаются конкретными должностными лицами, усматривается тесная взаимосвязь антимонопольного законодательства и законодательства о противодействии коррупции. Цель регулирования деятельности государственных органов — это безопасность и чистота конкурентных отношений и одновременно недопущение злоупотреблений должностными лицами, которые от имени органов публичной власти участвуют в этих отношениях.

Признание антимонопольными органами актов органов публичной власти несоответствующими антимонопольному законодательству рассматривается как пресечение антиконкурентных действий, что благоприятно влияет на свободный рынок, восстанавливает условия конкуренции, устраняет негативное влияние вышеупомянутых актов.

Нарушения норм антимонопольного законодательства совершаются должностными лицами органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления. Отчасти это может быть связано и с коррупционной составляющей, что подлежит тщательному исследованию.

Субъективная сторона вины как составная часть нарушения антимонопольного законодательства органами публичной власти очевидна, поскольку законодатель установил принцип обязательности соблюдения действующего законодательства, что непосредственно касается и органов государственной власти.

Одной из динамично развивающихся отраслей антимонопольного законодательства, касающихся непосредственно органов публичной власти является контрактная система в сфере закупок товаров, работ, услуг, которая регулируется Федеральным законом от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее — Закон № 44-ФЗ).

Федеральный закон от 30.12.2020 № 501-ФЗ «О внесении изменений в статью 112 Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» вносит некоторые изменения в реестр недобросовестных поставщиков. Действующая редакция предусматривает внесение в реестр более широкого спектра сведений, а именно информации об учредителях унитарного юридического лица, либо об участниках, членах, которые могут оказывать влияние на деятельность организации, которая участвует в проведении сделки и уклоняется от ее завершения. Предусматривается внесение сведений и в отношении других участников сделки, если контракт расторгнут по решению суда или в случае одностороннего отказа заказчика от исполнения обязательств, в случае существенного нарушения условий контракта.

Вышеупомянутые требования относятся к лицам владеющим, или самостоятельно, или совместно с аффилированным лицом более чем 25 процентами акций юридического лица.

Коснемся некоторых проблем, возникающих при применении Закона № 44-ФЗ, именно установление заказчиками в документации при формировании заявок на торги чрезмерно излишних условий для не-

обоснованного и формального отклонения участников, условия одностороннего отказа стороны от исполнения контракта, что вполне может рассматриваться как злоупотребление по отношению к другой, добросовестной стороне, возможный сговор на торгах, повторность проведения закупки.

Если рассмотреть более подробно пути решения вышеупомянутых рискованных ситуаций, следует отметить, что Федеральным законом от 1 мая 2019 г. № 71-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее — Закон № 71-ФЗ) внесены изменения в процедуру подачи заявки на участие в электронном аукционе.

Для заявок на участие в процедуре электронного аукциона в рамках закупок, определенных ч. 3.1 ст. 66 Закона № 44-ФЗ, требуется исключительно согласие участника закупки на выполнение работ на условиях, предусмотренных документацией об электронном аукционе. Такое согласие дается с использованием программно-аппаратных средств электронной площадки.

В этом аспекте возможно и дальнейшее совершенствование антимонопольного законодательства, например введение нормы, которая предполагает, что при закупке любых товаров, работ, услуг требуется только согласие участника сделки на иные работы, а при использовании товаров определение ограниченного перечня условий на закупку. Подобные изменения позволят упростить порядок оформления заявок и создать настоящую конкуренцию на рынке закупок.

Право отказа стороны в одностороннем порядке от исполнения контракта, вполне может рассматриваться как злоупотребление по отношению к добросовестной стороне. Отсутствие в действующем законодательстве детально регламентированного перечня оснований для заявления отказа создает почву для злоупотреблений недобросовестными участниками сделки.

Одним из эффективных методов борьбы с недобросовестными участниками сделки является включение их в реестр недобросовестных поставщиков (подрядчиков, исполнителей), и они на два года лишаются возможности участия в закупках. Применение подобного положения возможно лишь если заказчиком в качестве одного из требований к участникам будет указано отсутствие информации об участнике закупки в реестре, что предусмотрено ч. 1.1 ст. 31 Закона № 44-ФЗ.

Постановлением Правительства РФ от 25.11.2013 № 1062 (ред. от 27.12.2019) «О порядке ведения реестра недобросовестных поставщиков (подрядчиков, исполнителей)» утверждены «Правила ведения реестра недобросовестных поставщиков (подрядчиков, исполнителей)». Исходя из этого нормативного акта решение о включении информации о недобросовестном поставщике (подрядчике, исполнителе) в реестр принимает уполномоченный орган на основании предоставленных заказчиком сведений.

Упомянутой проблеме стоит уделять внимание, поскольку по данным Федеральной антимонопольной службы (<https://fas.gov.ru>), которая и является уполномоченным органом, растёт количество случаев обращения заказчиков о включении их в реестр недобросовестных поставщиков (подрядчиков, исполнителей).

В целях реализации права предпринимателей на честную конкурентную борьбу возможно предоставить им право устанавливать исчерпывающий перечень случаев, при которых допускается отказ заказчика от исполнения своих обязательств, в частности контракта, в одностороннем порядке и возможность обжалования таких действий или решений.

Предотвращая возможность сговора участников закупки антимонопольное законодательство и, в частности, Закон № 71-ФЗ устанавливает изменения в порядок проведения электронного аукциона. В настоящее время электронный аукцион, при заявлении данного условия в документации о закупке товаров, указанных в ч. 3.1 ст. 66 Закона № 44-ФЗ, проводится через четыре часа после времени окончания подачи заявок на участие в указанном электронном аукционе, что явилось исключением из общего правила определения дня проведения электронного аукциона, каковым считается рабочий день, следующий за датой окончания срока рассмотрения первых частей заявок на участие в аукционе (ч. 3 ст. 68 Закона № 44-ФЗ).

Но для решения этой проблемы возможно сократить период подачи заявок и проводить аукцион через три или два часа после окончания срока подачи заявок для всех видов товаров, работ, услуг, либо еще максимально сократить этот временной промежуток. Необходимо пойти дальше и данную систему отсчета времени между окончанием подачи заявок и началом проведения аукциона установить в отношении любых закупок.

Очередная новелла Закона № 71-ФЗ — это проведение торгов только два раза. Если оба раза торги признаны несостоявшимися, то, как указано в ст. 55 Закона № 44-ФЗ, можно заключать контракт с единственным поставщиком через согласование с ФАС России.

В дальнейшем возможно и после первого неудачного проведения торгов разрешить заказчикам сразу заключать контракт с единственным поставщиком по согласованию с ФАС России, что повысит устойчивость антимонопольного законодательства.

Одним из видов недобросовестного поведения можно рассматривать подачу жалоб на закупки с целью получения выгоды, в том числе и денег за отзыв жалобы как от добросовестных участников, так и от заказчиков. Подобное поведение можно наблюдать как у организаций, так и у частных лиц.

Постановлением Правительства РФ от 21.03.2019 № 294 «О внесении изменений в приложения № 1 и 2 к Постановлению Правительства Российской Федерации от 4 февраля 2015 г. № 99» установлены некоторые дополнительные требования к участникам закупки отдельных видов товаров, работ, услуг. Прежде всего это проверка опыта исполнения за определенный промежуток времени и выполнение работ по ранее заключенному однородному контракту.

Цель установления некоторых дополнительных требований, это проверка «благонадежности» участника закупки, при которой уменьшается риск заказчика от недобросовестных действий участников конкурса. Но эти ограничения действуют только в отношении отдельных видов товаров, работ, услуг и разумным было бы ввести аналогичную проверку в отношении всех видов товаров, работ, услуг. Поскольку обжаловать контракт сможет только то лицо, которое имеет право на подачу заявки, то право на обжалование будет у тех, кто отвечает дополнительным требованиям, что сделает более качественным исполнение контракта.

Изменения, вносимые в Закон № 44-ФЗ определяют начало новой политики в применении антимонопольного законодательства, которая направлена на повышение прозрачности, эффективности и оптимизации конкурентной борьбы предпринимателей, что в свою очередь призвано оптимизировать этот рынок услуг.

Функционирование государственного аппарата невозможно без закупок товаров, работ, услуг, на что может отводиться до половины выделенных средств, а это 1/3 национального бюджета. Именно жесткий контроль в сфере закупок может обеспечить рациональное использование денежных средств, выделяемых на нужды обеспечения деятельности соответствующих структур.

Надлежащее использование бюджетных средств должно обеспечиваться, в том числе и эффективностью антимонопольного законодательства. Нагрузка на бюджет ложиться не только в виде выплаты заработной платы, но и расходов по обеспечению деятельности государственных органов и закупки товаров, работ, услуг, которые должны быть оптимальными и не избыточными для обеспечения работы государственных органов.

Актуальность совершенствования антимонопольного законодательства напрямую связана с экономическим благополучием и прежде всего граждан.

По данным Минфина России, отраженным в Информационном иллюстрированном издании «Исполнение федерального бюджета и бюджетов бюджетной системы Российской Федерации за 2018 год», Информационном иллюстрированном издании «Исполнение федерального бюджета и бюджетов бюджетной системы Российской Федерации за 2019 год», Исполнение федерального бюджета и бюджетов бюджетной системы Российской Федерации за 2020 год (предварительные итоги) [1] доходная часть бюджета РФ за 2018 год составила 19 454 369,0 млн руб., в 2019 году доходная часть бюджет составила 20 188 796,8 млн рублей (101,1 % к объему доходов федерального бюджета, установленному Федеральным законом «О федеральном бюджете на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 годов» на 2019 год), доходная часть бюджета в 2020 году составила 18 722,2 млрд рублей, расходы 22 821,5 млрд рублей, дефицит — 4 099,4 млрд рублей, или 3,8% к ВВП.

Согласно Постановления Правительства РФ от 13.03.2020 № 270 «Об утверждении коэффициента индексации с 1 апреля 2020 г. социальных пенсий» утвержден коэффициент индексации социальных пенсий в размере 1,061.

Постановлением Правительства РФ от 23.03.2021 № 443 «Об утверждении коэффициента индексации с 1 апреля 2021 г. социальных пенсий» утвержден коэффициент индексации социальных пенсий в размере 1,034. Распоряжением Правительства РФ от 04.09.2020 № 2250-р «О принятии мер федеральными государственными органами, федеральными государственными учреждениями — главными распорядителями средств федерального бюджета по увеличению с 1 октября 2020 года оплаты труда работников подведомственных учреждений» предусмотрено с 1 октября 2020 года увеличение на 3 процента оплаты труда работникам бюджетной сферы.

Расходная часть бюджета в 2019 году, исходя опять же из Информационного иллюстрированного издания «Исполнение федерального бюджета и бюджетов бюджетной системы Российской Федерации

за 2019 год» [2], составила 18 213 236,4 млн. рублей (стр. 146) расходы на общегосударственные вопросы 1 363,9 млрд руб., национальная оборона 2 997,4 млрд руб., национальная безопасность и правоохранительная деятельность 2 083,2 млрд руб., национальная экономика 2 825,5 млрд руб., то есть практически 10 805,8 млрд руб. составляют расходы на содержание государственного аппарата и 2 825,5 млрд руб. на поддержание национальной экономики.

Так ли необходимо увеличение расходов на содержание государственных органов, согласно информации, опубликованной Росстатом, среднемесячная заработная плата чиновников за 2018 год составила 126,6 тыс. рублей [3] средняя заработная плата работников организаций за 2020 год составила 49454 руб., [4] средняя пенсия за 2019 год составила 14 163 руб. [5]

Государство — это прежде всего граждане и курс на социализацию, в том числе и экономики, избран совершенно справедливо, однако исходя из расходов на социальную политику 4 882,8 млрд руб., при чем 3271,6 млрд руб. на пенсионное обеспечение, наше государство, в настоящее время, социальным назвать нельзя.

Как следует из приведенных цифр, планируемые увеличения расходов на содержание государственных служащих видятся совершенно необоснованными и в свете провозглашенной политики на социализацию государства, следует перераспределить расходную часть бюджета.

Поскольку перераспределением средств могут заниматься только органы исполнительной и законодательной власти, перераспределение в пользу социализации государственной политики маловероятно.

По данным Росстата численность пенсионеров на 2019 год в России составила 46 480 млн. человек, в 2020 году 46 198 млн человек [6], то есть фактически это одна треть населения страны, получающая среднюю пенсию 14 163 руб., в 2020 году 14 924 руб.

По оценкам первого заместителя министра финансов Татьяны Нестеренко, общее количество работников государственных и муниципальных органов в России составляет 2,4 млн человек [7], и эти чиновники ничего не производят, а существуют полностью за счет государственного бюджета, то есть за счет работающего населения РФ, которое получает среднюю заработную плату гораздо меньше, чем чиновники, находящиеся на их содержании.

В случае повышения заработной платы чиновникам социальное расслоение населения продолжится, а это чревато оттоком трудовых ресурсов из малого, среднего бизнеса и нарастанием стремления обосноваться в органах государственной власти. С оттоком трудовых ресурсов будут падать и доходы государства, поскольку сократятся налоговые поступления в казну, а пополнение бюджета за счет поступлений от реализации сырья сокращается. Излишняя реклама прелестей государственной службы должна быть пересмотрена в сторону рекламы преимуществ производственных специальностей. Если поставить вопрос таким образом, все хотят стать управленцами, а кем же они будут управлять и зачем государству столько управленцев при отсутствии квалифицированных работников производственной сферы.

Очевидно, что на данном этапе экономического и политического развития нашего государства невозможны кардинальные изменения в социальной политике, поскольку высшее руководство то же относится к категории работников государственных органов и вряд ли без сильной политической воли будет принято решение о кардинальном реформировании государственных структур.

Надлежащее использование бюджетных средств должно обеспечиваться, в том числе и эффективностью антимонопольного законодательства. Нагрузка на бюджет ложиться не только в виде выплаты заработной платы, но и расходов по обеспечению деятельности государственных органов и закупки товаров, работ, услуг, которые должны быть оптимальными и не избыточными для обеспечения работы государственных органов.

Литература / References:

1. Официальный сайт. Министерство финансов Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <https://minfin.gov.ru/ru/> (Дата обращения 05.04.2021)
2. Минфин России. Информационное иллюстрированное издание «Исполнение федерального бюджета и бюджетов бюджетной системы Российской Федерации за 2019 год». [Электронный ресурс]. URL: https://minfin.gov.ru/ru/performance/budget/federal_budget/budgeti/2020/?id_65=129889-informatsionnoe_illyustrirovannoe_izdanie_ispolnenie_federalnogo_byudzheta_i_byudzhetrov_byudzhetnoi_sistemy_rossiiskoi_federatsii_za_2013. <https://tass.ru/ekonomika/6945711> (Дата обращения 05.04.2021)
3. Росстат. Справка о численности и оплате труда гражданских служащих федеральных государственных органов. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d04/plat1-18.htm (Дата обращения 05.04.2021)

4. Росстат. Социально-экономическое положение России. [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/f9w652x0/osn-12-2020.pdf> (Дата обращения 05.04.2021)
5. Росстат. Социально-экономическое положение России. [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/f9w652x0/osn-12-2020.pdf> (Дата обращения 05.04.2021)
6. Интернет-издание Статистика и показатели. [Электронный ресурс]. URL: <https://rosinfostat.ru/pensii/> (Дата обращения 05.04.2021)
7. Интернет-издание Аргументы и факты. [Электронный ресурс]. URL: https://aif.ru/politics/russia/skolko_chinovnikov_v_rossii_infografika (Дата обращения 05.04.2021).

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ НАУЧНЫХ ГРАНТОВ*

Елена Михайловна Андреева

и.о. зав. кафедрой финансового права
Санкт-Петербургского государственного экономического университета,
доктор юридических наук, доцент
Контакты: ул. 7-я Красноармейская, д. 6/8, Санкт-Петербург,
Россия, 190005. E-mail: Elenaandreeva09@mail.ru
т. +79217465025

Аннотация. В публикации представлены результаты исследования понятия и неотъемлемых признаков научных грантов. Автор на основе анализа норм Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике», Бюджетного и Гражданского кодексов РФ, других нормативных правовых актов произвел попытку сформулировать обязательные признаки грантов в сфере науки, которые позволяют выделить их из числа схожих правовых явлений — пожертвований, безвозмездной помощи, пособий, субсидий и пр. Публикация подготовлена в рамках гранта РФФИ № 18–29–15035–мк «Сравнительно-правовое исследование механизма назначения, выдачи и использования грантов в целях финансирования научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ».

Ключевые слова: гранты, бюджет, научные гранты, научная деятельность, Европейский союз, финансирование, субсидия, дотация, публичные финансы.

CONCEPT AND ELEMENTS OF SCIENTIFIC GRANTS

Andreeva Elena

and about. head Department of Financial Law
St. Petersburg State economic university,
Doctor of Law, Associate Professor
Contacts: st. 7th Krasnoarmeyskaya, 6/8, St. Petersburg,
Russia, 190005. E-mail: Elenaandreeva09@mail.ru
t. +79217465025

Abstract. The publication presents the results of research on the concept and inalienable features of scientific grants. Based on the analysis of the rules of the Federal Law «On Science and State Scientific and Technical Policy», the Budget and Civil Codes of the Russian Federation and other regulatory legal acts, the author made an attempt to formulate the mandatory signs of grants in the field of science, which allow them to be distinguished from among similar legal phenomena — donations, gratuitous assistance, benefits, subsidies, etc.

Keywords: grants, budget, grants, research activity, European Union, funding, subsidy, donation, public finance.

Понятие научных грантов в отличие от грантов в целом является легальной дефиницией, закрепленной в ст. 2 Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике» (далее — Закон о науке) [3]. Там гранты определены как денежные и иные средства, передаваемые безвозмездно и безвозвратно гражданами и юридическими лицами... на проведение конкретных научных исследований... Следует отметить, что в этом Законе отсутствует понятие «гранты в сфере науки» или «научные гранты», несмотря на то, что закон, судя по названию посвящен именно им. Возможно, таким образом законодатель указывает нам на исключительность области применения термина «гранты». С другой стороны, гранты встречаются и в сфере культуры, благотворительности, образования. Например, Федеральным законом «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» регламентированы т.н. «благотворительные гранты» [4].

Толкование норм Закона о науке дает основания выделить безусловные характеристики рассматриваемых грантов и те, что кажутся дискуссионными, либо противоречивыми, либо требующими допол-

* В рамках гранта РФФИ № 18-29-15035-мк «Сравнительно-правовое исследование механизма назначения, выдачи и использования грантов в целях финансирования научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ».

нительной регламентации в законодательстве. Начнем с первых, которых как показывает проведенный автором анализ не так уж и много. Среди бесспорных признаков научных грантов назовем:

- безвозвратный характер. Исключение составят случаи, когда грантополучатель нарушил условия получения гранта;
- материальный характер, так как предметом грантов могут быть денежные или иные средства;
- условный характер, т.е. научные гранты предоставляются при условии проведения научных исследований, выполнения научно-технических программ и проектов (и т.д.) и финансируют их;
- грантополучателями могут быть физические и юридические лица.

К сожалению, в названном выше Законе о науке деятельность по оказанию грантовой поддержки регулируется крайне фрагментарно и непоследовательно. Так, о грантах упоминается в трех статьях этого документа, при этом, в нем не установлены ни механизм их получения, ни условия расходования, ни права и обязанности, ответственность участников грантового правоотношения. Закон ставит больше вопросов, чем дает ответов. Рассмотрим дискуссионные признаки грантов по данному закону.

Во-первых, в ст. 2 Закона о науке указывается на безвозмездный характер грантов. Слово «безвозмездный» формулируется в ГК РФ по отношению к возмездным договорам, а в Федеральном законе от 04.05.1999г. № 95-ФЗ «О безвозмездной помощи (содействии) Российской Федерации ...» по отношению к безвозмездной помощи, оказываемой юридическим и физическим лицам [2]. По первому источнику, под безвозмездными договорами понимаются договоры, по которым одна сторона обязуется предоставить что-либо другой стороне без получения от нее платы или иного встречного предоставления. Сложно сказать, можно ли использовать данное определение к рассматриваемым научным грантам. Действительно, предоставление грантов в большинстве случаев оформляется грантовым договором, правовая природа которого не всегда вписывается в предмет гражданского права. Но даже если попробовать спроецировать категорию безвозмездного договора на грантовый договор, то последний трудно признать безвозмездным, поскольку взамен грантов грантодатели требуют от грантополучателей выполнения научных работ, что можно признать встречным предоставлением. Согласно ст. 1 Федерального закона «О безвозмездной помощи (содействии) Российской Федерации...», безвозмездная помощь — это средства, товары, предоставляемые ... юридическим и физическим лицам ... на безвозмездной основе иностранными государствами, международными и иностранными учреждениями или некоммерческими организациями, а также физическими лицами ... на которые имеются удостоверения (документы), подтверждающие принадлежность указанных средств, товаров ... к гуманитарной или технической помощи (содействию). Собственно, категория «безвозмездная помощь» в этом законе формулируется через то же прилагательное («безвозмездная» основа). Однако, как видно из определения, она должна быть либо гуманитарной, либо технической. Так, целью гуманитарной помощи в законе определено оказание медицинской и социальной помощи малообеспеченным, социально незащищенным, пострадавшим от стихийных бедствий и других чрезвычайных происшествий группам населения, и пр. И в этом безвозмездная помощь напоминает пожертвование (собственно, им и является). Кроме того, Закон о безвозмездной помощи ограничен только поддержкой со стороны иностранных субъектов. Очевидно, что ни по субъектному составу, ни по целям оказания, научные гранты не могут быть отнесены к видам безвозмездной помощи. Условием получения средств по научному гранту, как уже упоминалось, является научно-полезный результат — новый продукт, который обязуется создать грантополучатель. Изложенное позволяет утверждать, что безвозмездность не является отличительными признаком гранта.

Во-вторых, тезис о некоммерческом характере научных грантов также является спорным. В 2011 году Федеральным законом от 21.07.2011г. № 254-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике», в Закон о науке был внесен пакет поправок, ориентированный на коммерциализацию научных результатов, что означает деятельность по вовлечению их в экономический оборот. Так, в Законе о науке появилось понятие «инновационный проект», который определен как комплекс направленных на достижение экономического эффекта мероприятий по осуществлению инноваций, в том числе по коммерциализации научных и (или) научно-технических результатов. Инновационные проекты могут финансироваться за счет грантов. Отнюкова Г.Д. отмечает, что инновационный проект может быть разработан хозяйствующим субъектом и реализован им самостоятельно. Если, например, в составе коммерческой организации есть научное подразделение, то в рамках организации создаются научно-технические результаты, на их основе производятся новые товары или совершенствуются уже выпускаемые [8]. Таким образом, инновационный проект можно считать симбиозом научной и инвестиционной деятельности, целью которой является получение прибыли. По-

этому следует ли считать, что сегодня у научных грантов есть такой признак как некоммерческая направленность? — скорее нет. Правильно ли финансировать одновременно науку и создание какого-то нового научно-технического продукта? На этот вопрос следует дать положительный ответ. Разделять науку от полезного, возможно в некоторых случаях коммерческого результата, наверное, нельзя.

Третий недостаточно проработанный вопрос в Законе о науке, это личность грантодателя. В определении грантов из ст. 2 Закона следует, что грантодателями могут быть граждане и юридические лица. Однако, анализ остальных статей данного документа показывает, что этот список шире, так как к нему можно добавить публично-правовые образования. В статье 15 Закона о науке говорится о том, что финансовое обеспечение научной, научно-технической, инновационной деятельности может осуществляться Российской Федерацией, субъектами Российской Федерации, муниципальными образованиями. В статье 16.2 установлено, что государственная поддержка инновационной деятельности может осуществляться в форме финансового обеспечения (в том числе бюджетные инвестиции, субсидии, гранты и пр.). О грантах, как о форме государственной поддержки сказано только по отношению к инновационной деятельности, которая научной в чистом виде не является. Можно ли из этого сделать вывод о том, что гранты на научную деятельность не могут выделяться за счет бюджетных средств или здесь какая-то недоработка в Законе о науке? В п. 7 ст. 78 Бюджетного кодекса РФ определено, что в законе (решении) о бюджете могут предусматриваться бюджетные ассигнования на предоставление грантов в форме субсидий юридическим лицам, индивидуальным предпринимателям, физическим лицам в соответствии с решениями Президента РФ, Правительства РФ, высшего должностного лица субъекта РФ и т.д. Таким образом, вне зависимости от того, предусмотрены ли гранты на научную деятельность Законом о науке, они могут быть предусмотрены в Законе о бюджете по решению указанных выше публичных субъектов. Если обратиться к Федеральному закону о федеральном бюджете на 2021 год, то в нем запланированы ассигнования на 12 различных грантов на научные, научно-исследовательские проекты с общим объемом финансирования 27,7 млрд. рублей [4]. Нужно отметить, что автор проводил анализ федеральных законов о федеральном бюджете за 2017–2021 годы и в каждом из них учтены гранты в сфере науки. Например, в 2021 году это гранты в области науки на обеспечение реализации программы двух- и многостороннего научно-технологического взаимодействия (порядка 958 млн. рублей), гранты в области науки на проведение фундаментальных научных исследований (порядка 15 млрд. рублей), гранты в форме субсидий на реализацию проектов по разработке лекарственных препаратов и медицинских изделий (2,6 млрд. рублей) и др. Из представленного анализа можно сделать вывод о том, что в качестве грантодателей могут выступать не только частные субъекты, но и публично-правовые образования в лице соответствующих уполномоченных органов власти. Поэтому, не указание в определении грантов, данном в Законе о науке, на публично-правовые образования можно списать на ошибку или скорее неточность законодателя.

Целевой характер научных грантов также следует поставить под сомнение. Дело в том, что гранты в сфере науки безусловно имеют проектный характер. На наш взгляд, это их главное свойство, то есть, как указано выше, они предоставляются под условием создания какого-либо научного продукта либо реализации инновационного проекта. Тем не менее, сами средства гранта после их получения в некоторых случаях могут быть израсходованы исполнителями на любые цели. Но бывают конечно и исключения. Например, Правилами предоставления грантов в форме субсидий в области науки из федерального бюджета для государственной поддержки молодых российских ученых — кандидатов наук и докторов наук, утв. Постановлением Правительства РФ от 27.04.2005г. № 260 (ред. от 26.02.2021), гранты выдаются указанным выше лицам в целях финансового обеспечения затрат на проведение фундаментальных и прикладных научных исследований. Согласно п. 21 Правил, результатом предоставления гранта является научное исследование. Показателями, необходимыми для достижения результата предоставления гранта, являются количество научных публикаций; количество докладов и сообщений на конференциях; количество учебных курсов; количество результатов интеллектуальной деятельности и т.д. Согласно п. 24 грант расходуется на оплату труда указанным лицам, приобретение оборудования для проведения научного исследования и пр. Грант кандидатам наук включает оплату их труда и труда соисполнителей научного исследования. Таким образом, та часть гранта, которая направляется на оплату труда ученых расходуется ими в личных целях, что является подтверждением отчасти нецелевого характера средств гранта. Более того, основанием для применения мер ответственности к грантополучателю в данных правилах указано именно недостижение показателей научного исследования.

И последним моментом, требующим оценки, является предмет научного гранта, под которым мы понимаем те блага, которые передаются в качестве грантовой поддержки. В статье 2 Закона о науке от-

носит к грантам денежные и иные средства. Понятие «денежные средства» не вызывают никаких вопросов в отличие от понятия «иные средства». К слову сказать, универсальное определение денежным средствам не дано законодательстве, однако, эта величина в Приказе Минфина России от 30.12.2017г. № 278н, квалифицируется как наличные и безналичные денежные средства в рублях и иностранной валюте. С отнесением к денежным средствам иностранной валюты можно поспорить, но тем не менее, особых сложностей данная категория не вызывает. Что не скажешь о «иных средствах». Поскольку в законодательстве такое понятие не встречается, остается только гадать, что законодатель закладывал в данное понятие. В упомянутом в начале исследования Законе о благотворительной деятельности благотворительные гранты принимают денежную и иную форму. В Гражданском кодекса РФ пожертвования, которые некоторые ученые рассматривают в качестве разновидности грантов, согласно статье 582 ГК РФ предоставляются вещами и правами. По мнению автора, «иные средства» в Законе о науке является терминологической ошибкой, которая требует устранения. Как продемонстрировано выше, гранты в общем и целом могут иметь неденежную форму, то есть предоставляться в виде оборудования, материалов и даже недвижимости. Для верной детализации предметов научных грантов правильнее было бы воспользоваться гражданско-правовой терминологией. В статье 128 ГК РФ имеется исчерпывающий перечень объектов гражданских прав. Полагаем гранты могут выдаваться в форме имущества, в том числе имущественных прав, например, права аренды исследовательской лаборатории на какой-то период или предоставления ученому права пользования научной библиотекой мирового уровня. Коллеги могут не согласиться к отнесению к грантам выполнение работ и оказание услуг. С другой стороны, исходя из принципа свободы договора нет оснований ограничивать предмет, по крайней мере частных грантов, только объектами материального мира (вещами). Если говорить о грантах со стороны государства, то их следовало бы предоставлять в форме имущества, не включая работы и услуги. Не могут быть предметом грантов и охраняемые результаты интеллектуальной деятельности, и интеллектуальная собственность, так как они как раз и являются результатом научных изысканий, в том числе выполненных на средства грантов. Другими словами, в качестве грантов должны передаваться объекты, имеющие денежную оценку. Таким образом, по мнению автора предмет грантов в Законе о науке следует изложить как имущество, результаты работы и оказание услуги. При этом два последних объекта не могут применяться к публичным грантам.

Итак, выше подробно исследованы очевидные и дискуссионные характеристики научных грантов и внесены предложения по уточнению их регламентации в Законе о науке. Изучение норм названного нормативного документа показало, что он в настоящее время не содержит должного правового регулирования оказания грантовой поддержки научной деятельности и требует реформирования. Автор в ограниченных рамках объема статьи акцентировал свое внимание на выделении признаков грантов и их уточнении в Законе о науке. Так, обязательными характеристиками грантов в сфере науки должны являться безвозвратный и условный характер, т.е. научные гранты предоставляются при условии проведения научных, научно-технических программ и проектов, инновационных проектов, научных исследований и финансируют их. Главное отличие грантов от иных схожих правовых явлений (например, пожертвований, пособий, субсидий) видится именно в проектной направленности грантов. Грантовая поддержка предполагает некую отдачу в форме разработанного проекта, проведенного мероприятия либо осуществлённого исследования. В качестве субъектов грантового правоотношения видятся грантодатели, в роли которых могут выступать любые лица, в том числе публично-правовые образования, и грантополучатели которыми могут быть физические и юридические лица, в том числе коммерческие организации. Предметами грантов должно являться любое имущество, а также результаты работ и оказание услуг. Автор не усмотрел безвозмездность, целевой характер и некоммерческую направленность грантового финансирования как неотъемлемые атрибуты грантов.

Литература / References:

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации. // Собрание законодательства РФ, 1998, № 31, ст. 3823.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. // Собрание законодательства РФ, 1994, N 32, ст. 3301.
3. Федеральный закон от 23.08.1996 N 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике». // Собрание законодательства РФ, 1996, № 35, ст. 4137.
4. Федеральный закон «О федеральном бюджете на 2021 год и плановый период 2022- 2023 годов». // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru. Дата обращения 2.04.2021г.
5. Федеральный закон «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)». // Собрание законодательства РФ, 19954, N 32, ст. 3340.

6. Андреева Е.М., Запольский С.В. Отличительные признаки грантов и концепция правового регулирования грантовой деятельности. // Ленинградский юридический журнал. 2020. № 1. С. 87–104.
7. Кумаритова А.А. Государственные и муниципальные гранты: возникновение, становление и перспективы развития в российском гражданском праве. // Журнал российского права, 2008, № 7. С. 95–96.
8. Предпринимательское право: Правовое сопровождение бизнеса: учебник для магистров / Р.Н. Аганина, В.К. Андреев, Л.В. Андреева и др.; отв. ред. И.В. Ершова. М.: Проспект, 2017. Цит. по ССП «Консультант плюс». Дата обращения 19.04.2021 г.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал «Учёные записки юридического факультета» Санкт-Петербургского государственного экономического университета приглашает к сотрудничеству авторов научных работ — правоведов, юристов-практиков, сотрудников органов государственной власти и местного самоуправления.

Присланные авторами статьи проходят обязательное рецензирование. Материалы аспирантов принимаются при наличии рекомендации научного руководителя.

Для публикации необходимо представить ответственному секретарю редакционной коллегии на электронном носителе. Правила оформления статьи размещены на официальном сайте СПбГЭУ <https://unecon.ru/izdaniya> в разделе «Журнал «Ученые записки юридического факультета»».

Редакция оставляет за собой право не рассматривать рукописи, оформленные не в соответствии с указанными требованиями.

Контактная информация:

Почтовый адрес: 190005, г. Санкт-Петербург, 7-я Красноармейская ул., д. 6/8

Телефон: 8 (812) 458–97–65

E-mail: zapiski@unecon.ru

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
юридического факультета
Выпуск 2

Подписано в печать
Формат 60 × 84/8. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 7.
Тираж 1600 экз.

Отпечатано в ООО «Издательство «Лема»
В.О., 1-я линия, д. 28.
Тел.: 323 67 74 323 30 50
izd_lemma@mail.ru